

Анатолий СТЕРЛИКОВ

ПОД ИГОМ
ОСЕННИХ НОЧЕЙ
ЗАПИСКИ ЛЕСНОГО СКИТАЛЬЦА

Лирическая повесть-эссе

РЕНОМЕ

Санкт-Петербург
2015

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
С797

*Издание осуществлено при поддержке депутатов фракции
КПРФ в Законодательном собрании Санкт-Петербурга.
Автор выражает благодарность всем ленинградцам —
друзьям и товарищам, способствовавшим изданию книги.*

Стерликов, А. Е.

С797 Под игом осенних ночей (Записки лесного
скитальца) : лирическая повесть-эссе / Анатолий
Стерликов. — СПб. : «Ренومه», 2015. — 312 с., ил.
ISBN 978-5-91918-549-9

Читателям предлагается новая книга писателя-очер-
киста, эколога Анатолия Стерликова, увлекательное путе-
шествие в мир природы, ещё сохраняющей в некоторых
областях страны своё величие и первобытный вид. Главы
книги также показывают уникальный опыт выживания
автора в лесах Северо-Запада России.

Среди читателей Санкт-Петербурга (Ленинграда) автор
известен, как последовательный защитник природы.

А. Е. Стерликов — член Союза писателей СССР, член
Союза писателей России, автор книг с «говорящими» назва-
ниями: «За синим барханом», «Камышовые странники»,
«Куширь болотная», «Горит свеча в платке», «Записки
лесного жителя (уроки выживания)», «В дельте Сырдарьи».
Эти и другие произведения писателя были опубликованы
в различных изданиях Санкт-Петербурга (Ленинграда),
Алма-Аты и Москвы, в том числе и популярными совет-
скими издательствами «Советский писатель», «Детгиз»,
«Гидрометеоиздат».

Лауреат премии «Литературной газеты» (1985 год).

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Ограничение по возрасту 12+

ISBN 978-5-91918-549-9

© Стерликов А. Е., 2015
© ООО «Ренومه», 2015

Лесная лирическая повесть Анатолия Стерликова

Начну с того, что я вырос рядом с лесом, и лес был для меня всем, начинался он за нашим деревенским домом.

И дом, и лес остались на прежних местах, правда лес изменился до неузнаваемости, да и я большую часть времени живу в городе так же, как Стерликов – автор книги.

Именно поэтому, рассказы о лесном житье-бытье Анатолия Егоровича меня тронули, заинтересовали и увлекли.

Только автор повести вовсе не скиталец, коим он сам себя величает (к примеру – см. название). Он часто утверждает, от имени своего лирического героя: «...я, в самом деле, значительную часть своей жизни провёл в скитаниях». Но Стерликов (его герой) – странник.

Наш автор-герой чувствует и понимает ЛЕС. Я бы сказал – чувствует душу леса, его жизнь, его нескгибаемый и непоколебимый дух. Однако лес для лирического героя-персонажа остаётся словно бы чужим, лес для него, отчасти, – это неудобства, трудности, опасность. Заразившись странствиями, он не может относиться к лесу иначе, возможно, потому что вырос в степи, и лес для него всегда – нечто новое, незнакомое. И, вместе с тем, в нём живёт огромная любовь к лесу.

А я, как человек выросший в лесу, многому и многому удивлялся, читая его записки.

Анатолий Стерликов, вместе со своим героем лесной повести – патриот, защитник природы, и сам любит и грибы-годы собирать, и на щуку жерлицы ставить. И описание рыбной ловли на Ясень-озере явилось для меня откровением. Я сам – любитель рыбалки. Только ловить щуку предпочитаю на спиннинг, а это – совсем другое.

Или, например, тески на деревьях, как отметки заветной, заповедной тропы у нас никто никогда не оставлял.

Возможно, в Вытегорщине существует практика – ставить тески для натаптывания новой тропы, чтобы она была удоб-

ной для ходьбы. У нас все тропы сейчас, наоборот, зарастают. В лес идут только старики или лесорубы. Лесных обитателей – зверей и птиц ночью без огня не встретишь. И рыбы всё меньше в озёрах и речушках. Где браконьеры с динамитом постарались, где с сетями – добытчики, а где – загрязнение заводского масштаба и человеческого уровня – тоже.

Так что идёт «потребительская цивилизация» в наступление на лес. Этим-то и озабочен автор книги, это его и угнетает, а не осенние ночи, как указано в названии. Полагаю, именно это он имеет в виду под словом – «иго». А может быть, иго – необходимость уходить осенью из леса в городскую суматошную и неприглядную жизнь, где и воздух не тот, и вода невкусная.

Лес, к сожалению, и не только в нашей области катастрофически уничтожается. И дело даже не в том, что его вырубают государственные и другие организации по лицензии, или воруют организованно и просто так – частным порядком. Дело в том, что никто не занимается восстановлением леса. Ничего не предпринимается для того, чтобы лес выжил, пережил эти вырубки и повсеместные расхищения.

Делаются санкционированные и несанкционированные просеки для вывоза леса, иногда настоящие дороги.

Вместе с тем, вырубленные, негодные на продажу деревья (и стволы, и целиком), не говоря уже о сучьях, пнях, коре и т.п. бросаются прямо на месте в полном беспорядке. И не только на дорогах-просеках, но и на самих вырубках. Валят всё подряд, чтобы достать только нужные деревья. Через эти завалы трудно пройти человеку. Такие картины есть и в книге, они являются предметом горестных размышлений и «яростных агиток» автора.

Лес стал непроходимым. Но это не всё. Поваленные стволы и спиленные деревья тянут за собой те, которые не тронула бензопила. Лес – единое целое. Кроны деревьев сплетены, а корни переплетены под землёй и даже на поверхности.

Лес – как один организм, в нём каждое дерево и каждый куст, и все его обитатели взаимосвязаны. Гниющий пенёк, конечно, не сможет удержать соседнее живое дерево, а павший ствол легко обрушит стоящие на пути падения деревца поменьше. Упавшие и не убранные стволы вместе с ветками, сваленные в хаотическом беспорядке ещё долго не перегниют. В такой ситуации молодой подлесок не скоро пробьётся к солнцу. Я сам – житель леса и знаю, о чём говорю.

Книга Анатолия Стерликова не просто уместна и злободневна в настоящее время, она животрепещущее напоминание о безвыходном положении лесов в нашей России.

Анатолию Егоровичу удалось перешагнуть через свой журналистский профессионализм. Он перешёл, как сейчас говорят любители компьютерных игр, на новый уровень. Стерликов создал из журналистских очерков художественное произведение, повесть, цельную и оригинальную книгу о сегодняшней судьбе нашего родного леса и о своей страннической миссии.

Книга Стерликова заинтриговала меня и, как обыкновенного читателя. Исключая авторское предисловие и «последний аккорд», она построена на почти обратном хронологическом порядке событий. То есть – сначала читатель узнаёт о том, что существует, а потом автор объясняет – откуда это взялось. Так было, например, с *изобкой*, построенной в лесу.

Эта «обратная» интрига и делает повесть захватывающей и целостной.

И лирики в повести немало. Рассказы о Талом ручье и о роднике, изображения Ясень-озера, и поведения петуха-глухаря, ночные часы в лесу, поединок с глубоководной щукой – всё это запоминается в связи с лиричностью, душевностью и простотой изложения.

Автору от читателей и патриотов русского леса – спасибо!

Максим Швец

*Посвящается памяти
моего брата Владимира*

«Целая жизнь истрачена в скитаниях...»

М.М. Пришвин

I

Книга природы, книга скитаний

(Вместо пролога)

В лесу не бывает праздников, не бывает и выходных, и в деревне всегда есть работа, а всё же я написал книгу.

Случается, прочитав мой очерк в газете, прослушав запись беседы на радио, ко мне в лесную деревню навешиваются из города молодые люди. Говорят, что хотят, чтобы я научил их читать книгу природы. Просят взять с собой в лес, и там научить их строить убежища, складывать *нодью** из чурбаков и стволов жаровых сушин. При этом клянутся повиноваться мне в лесу, обещают не своевольничать, не умничать.

Шагая по тропе или беседуя с ними у жарко тлеющих чурбаков ночного костра под защитой шалаша *сквозящего* (или в избежке под рёв зимней бури), читаю им страницу за страницей книгу природы. Они что-то записывают в свои блокнотики, щёлкают диктофонами, шуршат видеокамерами, а потом навсегда исчезают. И я даже не знаю, что с ними – может, сгнули в чащобах лесных среди захламлённых вырубков или среди железобетонных трущоб Петербурга. Но может, используя мои практические советы и приёмы выживания, благополучно ведут семинарс-

* – *Нодья* – длительный, постоянно тлеющий ночной костер из сухостойного леса, не требующий регулировки. Здесь и далее по тексту: все примечания выполнены автором книги.

кие занятия в городе, публикуют книжечки по выживанию.

Не будучи путешественником-профессионалом, как, например, известный Конюхов, я, тем не менее, немало постранствовал по родному Отечеству (Советскому Союзу). И вот – решил исследовать некоторые страницы скитальческой жизни. Получилось что-то вроде повести о том, как советский литератор «волей обстоятельств наших времён» потрясённый, не смог (и не захотел) вписаться в рыночное общество, и теперь вынужден с ранней весны и до поздней осени обретаться в деревне, иногда добывая пропитание и в лесу, притом не только себе, но и своей семье. Словом, суровая проза трудов и дней почти в духе Гесиода; впрочем, в книге есть эпизоды, свидетельствующие, что автор её как-то по-своему отмечает праздники в лесу.

Но почему я вернулся к теме странствий и скитаний? Ведь ещё в советские годы были изданы мои книги очерков и повествований с говорящими названиями – «За синим барханом», «В дельте Сырдарьи», «Камышовые странники»... А ещё прежде указанных изданий, сигнальным тиражом была напечатана книга «Чуйские перекаты», плод первой литературной любви. Но тут я и был сражен наповал: бдительная цензура, просматривавшая печатную продукцию перед выходом в тираж, обнаружила в тексте какую-то политическую ересь, и набор был безжалостно рассыпан. Конечно, я был потрясён требованием цензуры, но успел получить восемьдесят

процентов гонорара, что позволило мне целое лето заниматься литературным трудом, не думая о пропитании.

Перечисленные (а также и не названные) книги повествуют о Семиречье, которое было частью, как указывалось в дореволюционном атласе Маркса*, «Средне-Азиатских владений России». Собственно, все мои книги советского периода – рассказы о природе Семиречья. Помню, Юрий Павлович Зубов, заведующий редакцией очерка в журнале «Нева», по натуре человек добродушный и доброжелательный, полистав мою рукопись, вздыхал: «Опять барханы и саксаулы, по которым бродят сайгаки и твои любимые семиречи... У нас российский журнал. Поезжай в Волхов, напиши очерк про лесника Петра Антипова... Командировку дам, аванс выпишу».

Я знал этого *лесника*, причём не понаслышке знал. С Петром Григорьевичем встречались в Волхове, в лес вместе ездили. Люди рассказывали о его подвигах. Потеряв на фронте все четыре конечности, он не утратил жизненную силу, хотя и был на грани гибели, когда узнал в госпитале, что от него ушла жена. И всю послевоенную жизнь, можно сказать, до конца дней своих, возрождал волховские леса, изреженные войной, послевоенным восстановлением народного хозяйства. При своей жизни он воздвиг себе памятник рукотворный – и поныне шумят еловые и сосновые рощи лесопосадок, всё ещё никак не могут истребить их новые властители жизни. Конечно

* – Настольный атлас А.Ф. Маркса. СПб, 1903 г.

же, его непомерный подвиг был отмечен Золотой звездой Героя, боевыми и трудовыми орденами. Даже правительство Польской народной республики наградило его каким-то почётным крестом, поскольку он освобождал поляков от фашистского рабства.

Бывал на кордонах лесничества, которое возглавлял Пётр Григорьевич, собирали с ним волнушки в сосновых рощах, чёрные грузди в еловых лесопосадках, ночевал в избах лесников, мог бы написать очерк о жизни этого достойного человека, но это сделали другие, я же рассказывал о природе Семиречья и семиреках, и тут ничего не поделаешь. Это теперь мне Русский лес – дом родной, роднее барханов и саксаулов, и разграбленный Русский лес мне дом родной.

Многое переменилось за минувшую четверть века. Значительную часть этого времени, как уже отмечалось, живу в деревне или даже на берегу глухого лесного озера, куда нет торной дороги. Труды и дни лесные – это вам не прогулки по пригородным паркам, они поглощают и время, и физические силы.

Чаще мой блокнот, как и лапландский нож с рукоятью из лосиного рога, торчит за голенищем сапога, а я иду по тропе и просто произношу вслух строчки и страницы книги, но только их обычно слушают, разве что, обитатели леса, затаившиеся у тропы в двух-трёх шагах, или убегающие от меня по моей же тропе, порой, даже не пытаясь свернуть в сторону. Случается, иной грозный владыка леса остаётся на тропе, не уступает мне и пяди, даже принимает угрожающие позы. И тогда уж мне приходится ос-

танавливаться, отступить на какое-то расстояние (но ни в коем случае – не бежать), затевать с ним переговоры и, каким-то образом, пользуясь человеческой хитростью, внушать ему своё мнимое превосходство. Об этом ещё будет речь впереди...

Однако же бывают обстоятельства, когда за весь день не вспомнишь, что где-то блокнот – за голенищем или в кармане куртки. Какие там записи, когда ты без компаса, пришедшего в негодность, блуждаешь по незнакомому лесу, думаешь о том лишь, чтобы не сбиться с тропы. А сбился, – что не редко случается осенними сумерками, – то уж рад, что вообще живым домой (в деревню) вернулся... И если даже устроился удобно у ногди под кровлей шалаша-заслона или под елью, то сил хватает только для того, чтобы нацарапать несколько слов карандашом, которые утром следует непременно расшифровать. Не сделал этого, потом уж не прочтёшь запись, – все эти строчки, где одно слово наползает на другое, какие-то знаки, словно письма «Велесовой книги». И всё же вспоминаю о литературном призвании, сажусь за стол под яблоней, засыпанный лепестками облетевшего цвета, но чаще – огородной зеленью заваленный. Как это ни кажется мне самому невероятным, я расшифровал значительную часть своих лесных записей минувших лет, самые неразборчивые записи прочёл с помощью лупы. И даже отважно приступил к систематическому изложению книги природы – книги скитаний.

А что получилось – не мне судить...

Ловцы рыбные – люди гиблые

(Страницы далёкого)

В очерках, опубликованных на заре литературной молодости, я рассказывал о реке Чу – там, в навсегда потерянном Семиречье. Пойма этой реки в низовьях её то расширяется поёмными степями, то – ивовыми и камышовыми зарослями на разливах, по берегам озёр и *узёков* (речных протоков), а то сужается, теснимая с юга барханами песчаной пустыни Муюнкум, а с севера – суровой и, казалось бы, враждебной всему живому, щебнисто-глинистой пустыни Бетпакдалы, где колодец и родник редко встретится путнику, и, где будто бы нет никаких укрытий живому существу. Некоторые любители экстремального туризма, начитавшись путевых очерков, уверяют меня, что в Бетпак-дале вообще нет родников и колодцев, а они, есть, хотя и не так их много, как хотелось бы и степняку, и путешественнику. Между прочим, мир живой природы в пустынях на удивление богат.

Читая в школьные годы Фенимора Купера о скитаниях американских пионеров (европейских первопроходцев) по прериям Дикого Запада, Джеймса Шульца о жизни индейцев в тех же прериях, я всегда видел перед глазами родную Причуйскую равнину с тугайным кустарником, с рощами джиды, туранги (тополя пустынного) и, конечно же – зарослями семиреченской ивы, сладкие ароматы которой мне

в лесах Вытегорщины напоминают запахи листвы весенних берёзовых рощ.

Наша семья, – в то время промысловая артель так называемой «Охотстанции», – странствовала на телеге по чуйской «прерии», по дорогам, петлявшим среди камышовых и тугайных зарослей, а также и по барханам пустыни Муюнкум, из года в год, неотвратимо и грозно надвигавшимися на берега узёков и озёр, на поёмные заросли. Бывало и так, что я праздным пассажиром сидел в лодке, влекомой течением протоки среди камышей, таких высоких, что они и небо закрывали своими блестящими, шелковистыми *пухалками*, прислушивался к пению вибрирующих тростинок в текучей воде, а из глубины камышей доносился унылый голос кукушки, перебиваемый оглушительной перепалкой сварливых камышовок.

Главное в тех воспоминаниях, в тех скитаниях на промысловой лодке по протокам-узёкам или на телеге по муюнкумским пескам, – ожидание чуда за дальним синим барханом или оно скрыто в каменной неподвижности саксауловой рощи. А ночью из непроходимых *заломов*, – высоких приречных камышей, – иногда доносились вопли *вещающей зло птицы-погиб** (так говорили деды-семиреки), уж такие тоскливые вопли, что я деревенел, услышав их. В камышах вообще было много всякого зверья, ужасный туранский тигр мог растерзать телёнка или быка,

*– Во время странствий по дельте Или егеря́ государственного заказника мне объяснили, что местные жители так называют один из видов гагар.

впрочем, в те годы этого зверя воочию уже никто не видел, но предания о нём среди местных жителей сохранялись во всей свежести.

Условия существования нашей семьи иногда были почти экстремальными, но в моих воспоминаниях нет ничего такого, что мы находим, например, в детских воспоминаниях Николая Рубцова, русского поэта с трагической судьбой:

*Откуда только –
Как из-под земли! –
Взялись в жильё
И сумерки, и сырость...
Весь ужас ночи
Прямо за окошком
Как будто встанет
Вдруг из-под земли!*

Нет никакого «ужаса за окошком», детского кошмара «сумерек и сырости». Разве жуткая тоска птицы-погиб гнала отрока или подростка домой, когда ему случалось поздно вечером застрять в лодке-душегубке* среди разливов. (В буквальном смысле слова – застрять, оказаться зажатым плотными камышами, когда ни вперёд, ни назад не двинуться сквозь чащобы *кушири* – болотной *крепи*). По той простой причине не было *ужаса, сумерек и сырости*, что родители и стар-

* – Душегубка – здесь: лёгкая, вёрткая промысловая лодка, опасная для плавания по глубокой воде, но незаменимая на мелководье, для плавания среди разводий с камышами и различной болотной растительностью.

шие братья оберегали меня от неблагоприятных воздействий скитальческой, неустроенной жизни в суровой пустыне Семиречья. Например, если было холодно (а случалось быть в пути, когда и весной из Бетпакдалы дул ледяной ветер «джамбул»), я сидел в телеге, укутанный в необъятный овечий кожух, обложенный сеном или соломой. А на рыбацком стану, в злой знойный летний день, чадили кизячные дымокуры, отгонявшие кровососов, облаком висевших над каждым живым существом. И после захода солнца, когда температура воздуха, как обычно в пустыне, резко понижалась, искупавшись с братом в тёплой, как парное молоко, воде озера или узёка, мы заползали в масахан (в марлеву палатку), укрывались стёганным одеялом. И, прежде чем заснуть, слушали стон и вой комаров, которыми был облеплен верх масахана и которые даже просовывали свои хоботки сквозь марлю, но сами уж не могли внутрь проникнуть. Наверное, и в младенчестве я засыпал под воющий плач комаров, и был он мне колыбельной песней.

В пути же, когда, тяжело сопя, бык Борька тащил гружёную телегу по раскалённому песку, для меня приберегали огурец, ломоть арбуза или дыни.

Но как ни защищён был от тягот и лишений перемещивой жизни промысловика, всё-таки и чувство голода помню, и муки жажды во время странствий на телеге по жародышащим барханам и на мою долю доставались. И на рыбацком стану, и на рыбацьем хуторе среди разливов Чу-реки, мне тоже приходилось трудиться по мере сил. Например, я

обязан был собирать кизяк в степи. По горячему песку, по жёстким, как проволока, травам приходилось волочить мешок с кизяком. Топлива требовалось много, поскольку на стану неугасимо тлели и чадили дымники, отгонявшие оводов и комаров. И под казаном с рыбьими потрохами и мелкой рыбёшкой, собранными для вытопки рыбьего жира, постоянно тлел кизяк. Топливо необходимо было также для выпечки лепёшек, для приготовления еды на большую семейную рыбацкую артель. Кизяка всегда требовалось столько, что я никогда не мог его заготовить впрок, чтобы заслужить «выходной». Кроме того, отец (или кто-либо из братьев), случалось, брал меня с собой на проверку снастей, чтобы я удерживал лодку на одном месте, ухватившись за стебли рогоза или камыша, помогал выпутывать из сетей серебристых язёй, вытряхивать из вентера сазанов с бронзовыми боками. Это случалось рано утром или в нАвечер, когда камыши чернели, значит, в часы казней египетских, исполнителями коих были свирепые, безжалостные мошки и комары; противомоскитных же мазей и жидкостей тогда не водилось...

Что и говорить, работы хватало и взрослым, и детям. А пресловутой ювенальной юстиции в те годы не было, даже и на Западе такого странного юридического учреждения не существовало. Иногда я удил язёй и краснопёрок, что, конечно же, считалось баловством. Братья говорили, что они даже и мальчишками рыбу ловили только котцами, сетя-

ми и вентерями, – снастями, позволявшими добывать пропитание для всей семьи, а удочку в руках не держали. Много ли наловишь рыбы удочкой, разве кошку побаловать. Судя по рассказам матери, у братьев детства просто не было, но совсем не потому, что наша страна не знала ювенальной юстиции.

Между прочим, настоящий рыбацкий труд совсем не то, что мы иногда видим в телепередачах или на видео в Интернете, где чаще всего показывают какого-нибудь *буржуина* с дорогушим спиннингом в руках, например, среди камышовых плавней и цветущих лотосов дельты Волги, для которого рыбалка – просто развлечение или активный отдых, равнозначный горным лыжам. Хорошо помню, как отец, раздевшись донага, брёл по холодной воде ранним утром, чтобы поставить вентерь на протоке, заросшей камышом, которую перед тем ещё нужно резакочом очистить от растительности. Нередко приходилось плыть такой же протокой против течения, толкать шестом лодку, гружёную свежей рыбой или снастями. Бывало, лодка садилась на грунт, и тогда волочили её по песчаному или галечному перекачу. И совсем уж адова работа – пропихивать лодку сквозь плотные чащобы камыша на разливах. Навалился всем телом на шест, продвинул лодку на метр-полтора, переставил шест – она задним ходом на прежнее место...

Ещё и бредень *таскали* по узёкам. Со стороны – милая картинка: мужики, не спеша, распускают

снасть по плёсу, медленно волочат крылья бредня к тоне – к пологому берегу. А то и вовсе прекращают работу, сидят, курят, поглядывая на поплавки. На самом же деле остановка движения снасти означает только одно – случился мёртвый зацеп. И тогда один из братьев (обычно Николай) подплывал на лодке к месту зацепа с тем, чтобы каким-то образом отцепить бредень от замытой в грунт коряги. Это могло быть целое дерево с корнями и сучьями, обрушившееся с берега в речку. Но не всегда мог рыбак, сидя в лодке, отцепить нижний подбор бредня, ему иногда для этого приходилось нырять. Артель напряжённо смотрела на то место, где исчезал ныряльщик; некоторые рыбаки, конечно, курили, но при этом кто-то из них стоял раздетый, но с ножом на поясе, чтобы в любой момент прийти на помощь. Ведь ныряльщик и сам может оказаться в рыбачьей сети, особенно если учесть, что вода в некоторых чуйских узёках была мутноватой, насыщенной илом. Не случайно же в ходу у семиреков было присловье: *ловцы рыбные – люди гиблые...*

Опять же, и нам, мальчишкам, находилась работа при волочении бредня по плёсу – обязаны были поддерживать *клячи* крыльев бредня в вертикальном положении. Медленно волочились крылья к тоне, а мы, сидя по горло в воде, удерживали жерди-клячи всё в том же вертикальном положении. Ведь если крыло бредня заваливалось на бок, то часть улова уходила.

Нет, рыбацкий труд – совсем не то, что мы видим в телероликах! Иногда это просто реклама предме-

тов рыночной продукции – дорогущей снасти для любительской или спортивной рыбалки, плавсредств запредельной стоимости.

...Жалея меня, братья, не привлекали к распутовыванию и починке сетей, не приучали к бесконечному терпению, необходимому рыбаку при этих занятиях, не учили правильно ставить вентера и сетки. Мне эти рыбацкие навыки пригодилась бы, когда начались людоедские рыночные «реформы», я же, не способный к коммерции, торговле, нравственному соглашательству, стал вроде как деклассированным элементом, отправился в многолетнее странствие по лесам Вытегорщины, пристрастился к рыбалке на глухих лесных озерах.

Будущее моё родители и братья видели только в том, чтобы я окончил десятилетку в Гуляевке, в большом русском селе, за сто километров от рыбацкого хутора, а потом поступил бы в какой-нибудь институт, где учат на инженера. Престиж инженера в СССР, особенно в сталинскую эпоху, был высок.

И как я ждал, когда меня усадят в телегу на душистое сено, покрытое овечьим козухом или полосатой *алашой**! Ждал тот час, когда брат взмахнёт кнутом, и мы покатым в Гуляевку, в это, по рассказам, самое прекрасное место в Семиречье: хаты в тени садов, а, кроме того, село защищают от ветров-суховеев пирамидальные белолистые тополя, тугайные рощи (карагач, джида, гребенчук, чингиль – всё

* – *Алаша* – грубая домашняя ткань из толстых разноцветных ниток овечьей пряжи.

вперемешку!)*, и тут же шелковица с приторно-сладкими плодами (ешь – не хочу!), и где разросшиеся вербы с могучими стволами затемяют не только плоские глиняные крыши саманных хат, но и дворы.

Нам с Володей, ничего не видевшим, кроме чуйских камышей и муюнкумских барханов, поросших саксаулом, колючим мордовником, а местами – сплошь верблюжьей колочкой, Гуляевка казалась земным раем.

Нет, не забыть тот день, когда пухалки камышей, уже потерявшие летний шелковистый блеск, распушились, порыжели, стали похожими на лисьи хвосты, когда меня с братом отправили в далёкую дорогу, да не с пустым возом, а с кошмой, одеялами, запасами солёной рыбы и муки.

Медленно катили мы по тугайным и степным дорогам, а иногда и по такырам, на которых не оставалось следов тележных шин, по барханам волоклись. Теперь трудно поверить: вот так, мальчишек (старший едва вышел из отрочества), отправляли на телеге в далёкое село, за сотню километров от родительского рыбацкого хутора. Не боялись родители, что могут ограбить, отнять быка, учинить какую-то гнусность. И ведь кругом *киргизы степные*, потом-

* – Чингиль, жузгун, гребенчук (гребенщик, тамариск), джида (лох узколистный) – здесь и далее по тексту: виды древесных растений, произрастающих в пустынной части Семиречья, а также образующих тугайные (смешанные древесно-кустарниковые) сообщества в поймах рек этой страны; почти все перечисленные растения автор видел в Крыму – например, в парках и скверах Севастополя, что и не удивительно, если учесть свойственную им декоративность.

ки разбойников-аргынов... Ночевали, где придётся: например, на склоне бархана, под сенью саксаула. А то и в каком-нибудь чабанском «базу» – в строении из кизяка и соломы. Спали на кошме, на алаше поверх соломы, укрывшись всё тем же кожухом. Эти воспоминания по-прежнему греют мне душу.

...В Гуляевке мы с Володей какое-то время жили у дальних родственников, а жизнь «в людях» никогда не бывает сладкой. Помню, старорежимная, демонстративно набожная баба Нюра, у которой мы поневоле гостевали, запрещала нам вслух декламировать «безбожные» по её убеждению, стихи из хрестоматии – стихи русских поэтов. Потому-то, чтобы выучить домашнее задание, приходилось забираться на толстую, в три обхвата, вербу с обломанной вершиной и могучими боковыми отростками на трёхметровой высоте. На этой вербе я и ночевал иногда, укрывшись всё тем же кожухом, засунув ногу в рукав. Место для ночлега я выбирал по своему хотению и желанию, что баба Нюра принимала за проявление упрямства и вредного своенравия.

Мать, наезжая в Гуляевку, интересовалась не только нашим бытом и питанием, но и побуждала нас к учёбе; она ни в коем случае не хотела, чтобы мы с Володей стали рыбаками-охотниками, как например, брат Николай. Понятно же почему: *ловцы рыбные – люди гиблые*. Представить же меня праздным сочинителем, литератором – такая нелепость никому в голову не могла прийти. Даже братьям Володе и Виктору, внушавшим мне почтение к печатному слову и книге. (Между прочим, у Виктора, обосновавшегося в Джамбуле после службы

на кораблях Тихоокеанского флота, была целая библиотека – и Шолохов, и Майн Рид, и сочинения про Шерлока Холмса, и академическое издание Пушкина, и Джеймс Шульц, пусть и в довоенном испорченном переводе, – словом, многое из того, что выходило во времена «железного занавеса» и «коммунистической цензуры». А уж когда выяснилось, что, после окончания престижного Ленинградского государственного университета, дававшего мне право работать журналистом в любой союзной республике, у меня вдруг проявилась порочная склонность к скитаниям – тут уж мать и братья только удивлялись и печалились... Поначалу, имея жильё в Ленинграде (в то время пусть и ведомственное), работал в транспортной газете «Ленинградский речник», получал 130 полноценных советских рублей, жить можно было.

Тем более что мои заботы простирались не далее того, чтобы приобрести билеты на спектакли Игоря Горбачёва в Пушкинский театр, в Театр Комедии Акимова, на концерты Свиридова, Андрея Волконского или Гаврилина. Ну и чтобы ещё остались деньги: нужную книгу купить, например, Коран в переводе И.Ю. Крачковского, Евангелие на церковно-славянском с параллельным русским текстом, дневники и альбом репродукций Рокуэлла Кента... Успокойтесь, господа либералы! Перечисленные издания тогда можно было купить только на *чёрном рынке*. Ибо в советское время настоящим дефицитом были не тряпки, не колбаса, а книги. Это притом, что они издавались фантастическими тиражами...

Но вместо того, чтобы строчить репортажи и очерки с речной или морской спецификой, в чём я проявил себя вроде бы с хорошей стороны, вдруг уволился из газеты, поднялся на один из хребтов Тянь-Шаня в Семиречье, где берёт начало река Чу, затем спустился вниз по этой реке на плоту, на байдарке; или же берегами узёков – на вездеходе с егерями, до тех мест добрался, где эта река когда-то впадала в Сарысу, но где ныне даже её сухое русло едва ли различается среди барханов. Томимый тягой к скитаниям, я и потом не однажды отправлялся в странствия, да всё больше по пустыням бродил. Не однажды бывал и на берегах Или, удивительной реки Семиречья. Плавал по этой реке с сильным течением на байдарке, на дощатых рыбацких «душегубках» плавал, по протокам её необозримой дельты, среди островов, заросших камышами и тугайной растительностью...

Старания моих братьев и родителей вывести меня из Пустыни (а эта Пустыня была суровее пустыни библейской – пустыни Иудейской, подумайте сами: осадки – едва ли сто миллиметров в год, – Сахара, только суровее и Сахары, если учесть морозы зимой, да ещё с ветром «джамбулом»), так вот, эти старания вывести меня на путь городской цивилизации с материальными благами и удобствами, оказались вроде как и напрасными... Я снова и снова отправлялся в Кызылкумы, в пески Муонкум.

Нет, не собирался я возвращаться к рассказам и воспоминаниям о Семиречье, да сердцу не прикажешь.

Живу в лесу, а снятся цветы песчаной пустыни...

...На этот раз я быстро и сладко заснул у фыркающей, жарко пылающей ноды. Хотя вечером едва на ногах стоял после перехода из деревни к берегам лесного озера, но нашлись силы пилить на болоте сосновую сушину. И мне приснились барханы с пышными в своей красоте растениями, каких я прежде в пустынях не встречал. Некоторые из них были с серебристой, как у песчаной акации, листвой, но с множеством кудреватых сиреневых цветов. Я собрал букет из этих цветов и подарил стоявшей рядом со мной Биологине, объяснив, что таких прекрасных растений я сам ещё не видел, что ей первой дарю столь диковинные цветы.

Вот ведь какие сны бывают в лесу под открытым небом.

Вообще-то в пустынях, особенно в песчаных пустынях, и в самом деле есть растения, своей красотой прельщающие даже и усталого путника. И это ведь не только тюльпаны, – красно-красные или оранжевые, с эмалевыми лепестками, упоминающиеся в книгах путешественников, в описаниях странствующих литераторов, подобных автору этих очерков. Это и жузгун, и гребенчук, и колючий чингиль. Или некоторые виды солянок – цветут убого, так убого, что и цветов-то не различить, но очаровывают и путешественника, и жителя пустыни во время плодоношения, сверкают, переливаются на солнце крыла-

тыми плодами, словно колеблемые воздухом хрустальные подвески музейной люстры.

И Биологиню однажды, то ли во сне, то ли наяву, встретил среди барханов песчаной пустыни. Поистине *чудное видение* возникло на бархане, когда наш грузовой вездеход взбирался на песчаную гряду с натужным рычанием, готовый зарыться в песок по самые оси. Мы, сидевшие в фургоне кузова и в кабине, потрясённо смотрели на молодую женщину в шортах, в мужской, форменной рубашке офицера, в лёгкой белой войлочной шляпе с широкими полями, на загорелые ноги, исцарапанные верблюжьей колючкой. Её движения были легки, соразмерны. В руках у женщины ничего не было, кроме огромного артиллерийского бинокля, благодаря которому она давно нас разглядывала, сделала выводы и смело пошла к нам на бархан, полагая, что мы застрянем в песке, что и случилось. Вскоре мы увидели и спутников её – почерневших от палящих лучей солнца и бесприютной жизни мужичков, похожих на бичей или бомжей. Одни держали за хвосты умерщвлённых песчанок, другие, как ишаки, были нагружены стальными капканами. К женщине они обращались по имени-отчеству, и очень даже уважительно. Так и положено, когда дело имеешь с начальником Биологической противочумной экспедиции. Как я потом узнал, она их держала в ежовых рукавицах.

Вечером работники двух изыскательских партий расположились на отдых на берегу Жанадарьи, древнего русла Сырдарьи, которое могучий Минводхоз

расчистил и превратил в подобие канала. Каждый занимался тем, что ему нравилось. Кто-то купался, наслаждаясь контрастами температуры прохладного вечернего воздуха и тёплой речной воды, а кто-то ставил в заводи на ночь сеточку, чтобы наловить рыбы для артельной ухи. Дмитрий Сергеевич, начальник нашей гидрологической партии, притащил треногу, укрепил на ней нивелир, направив его в небо, где переливались и мигали густые скопища звёзд. Тут же раздались подначки: «Дмитрий Сергеевич, а кто же у тебя там будет реечником?...» – «А Лебедев для чего?...» – «Дмитрий Сергеевич даст указание Вале Лебедеву по нашей рации, он выйдет в открытый космос и подержит рейку...» (Известный советский космонавт, орбитальный долгожитель в то время, исследователь разломов на суше и в Мировом океане Валентин Лебедев трудился на легендарной станции «Мир», которую впоследствии недалёковидные правители России зачем-то утопили в океане). На все эти реплики Дмитрий Сергеевич ответил любимой своей фразой: «Не уподобляйтесь скотам, траву жующим, не видящим светил небесных...»

А я сидел с Биологиной на саксауловом чурбаке, читал стихи, конечно же, вдохновенно читал стихи Есенина и Гумилёва. Сообщив, что пишу не только очерки о природе пустыни, но и стихи, бессовестно выдал творения Гумилёва за свои. Я был так очарован красавицей песчаных горизонтов, что и стихи Есенина готов был выдать за свои, ну не «Персидские мотивы», конечно, не «Исповедь хулигана», про-

изведения, популярные в те времена среди советской молодёжи. Соблюдал меру нахальства. И мне не стыдно было присвоить стихи другого поэта, поскольку сам-то я стихов не писал.

– А вы, молодые люди, что же? Предпочитаете звёзды просто так, невооружённым глазом разглядывать? – спросил Дмитрий Сергеевич.

Мы подошли к треноге, а Дмитрий Сергеевич удалился в сторону догорающего костерка, где прямо на тёплом такыре со своими спальниками и кошмами расположились гидрологи. Биологиня пыталась рассмотреть алмазную спираль созвездия Плеяды, уложенную на чёрном бархате Космоса, а я усердно ей помогал, касаясь её щеки. Наконец, она повернула ко мне лицо, что-то тихо спросила или сказала, и наши губы встретились. А когда Биологиня выпрямилась и удалилась к своей палатке, не посмел последовать за ней, поскольку знал, что тёмной южной ночью со всех сторон насторожены совиные глаза и уши, а бросить тень на женщину, в которую безнадежно влюбился, я не мог. Утром узнал, что Биологиня посылает своих чернорожих бомжей ставить капканы неподалёку от Жанадарьи, а сама отправляется на обследование новых колоний песчанок в сухом русле узбоя (древнего речного русла), засыпанного песками тысячу лет назад, заросшего гребенчуком и жузгуном. Может, кто-то не поверит, что в советское время русские женщины чувствовали себя в безопасности даже и в глуши песчаных пустынь Евразии. Но так было.

Встретились мы среди роскошных густо-зелёных, обрызганных белой пеной соцветий жузгуна, среди застывших в июньском зное кустов гребенчука, покрытого малиново-алыми клубами соцветий. Вроде как совершенно случайно встретились в русле узбоя, где пересеклись наши мнимые рабочие маршруты. Густые гречишные запахи смешивались со смолистыми ароматами, а мы стояли просто так, без слов, ошеломлённые неожиданно-желанной встречей. Даже ветви гребенчука не свистели и не шипели по-змеиному, как обычно. Только листья туранги, тополя евфратского, трепетали, дрожали в недвижимом покое пустыни, казалось, готовы сорваться с чёрных ветвей, улететь в чисто синее небо, ещё не успевшее поблёкнуть и пожелтеть от зноя и пыли. Не слышно было даже свиста песчанок, и ни одна веточка не шевельнулась в зарослях узбоя, когда мы разбросали на песке наши одежды, купались в ароматах растений, дышали одним дыханием, сладко безумствовали под сенью библейского евфратского тополя, листья которого что-то шептали в пустынной тишине.

...У таёжного костра пригрезилась божественная Биологиня, конечно же, я снова встретил её среди барханов пустыни, где же ещё, даже подарил какие-то редкостные, ранее невиданные цветы. Она была в длинном элегантном фиолетовом вечернем платье, на шее красовалось яркое ожерелье из яро-алых стручков перца; она как-то равнодушно приняла цветы и, похоже, даже не узнавала меня...Ну, да мало

ли что может присниться у ноды, если не зябнешь, если удаётся заснуть на три-четыре часа у жарко тлеющих чурбаков. Случается, даже и какие-то стихи пригрезятся, обрывки мелодий звучат. Проснувшись от шума свалившегося чурбака прогорающего костра или от сильного жара воспламенившейся стенки кострового отражателя, я иногда даже записываю словесные ритмы и рифмы. Где-то они затерялись, блокнотов так много, что некоторые записи до сих пор не расшифровал, руки не доходят. Верно, и не дойдут. При моей-то жизни: то у лесного костра, то на деревенском подворье, где из каждого угла смотрит работа. Впрочем, не жалею о том, что не могу найти те записи, многие так пишут и даже печатают... Но почему странные музыкально-поэтические сны бывают в лесу, и никогда – в городе? Не согласуются ли, в самом деле, каким-то образом ритмы творчества с ритмами природы?

II

ТРУДЫ И ПРАЗДНИКИ В ЛЕСУ

Петунья Грязь

Идём на Петунию Грязь за сладкой ягодой. Моховое болото начинается за лесопосадками и ближайшими к Водлице боровинами и простирается до самого Петровского канала, огибающего южную часть Онежского озера. На Вытегорщине *грязью* называют болото. Есть и другие названия: мох, мшара, мочажина, корба...

Встали с Пашей чуть свет и без малого час шагаем в сторону Петунией Грязи. У моего юного водителя там *нагляженное* место с ягодой, величиной с черешню. «И – сладкая к тому же», – добавляет Паша, правда, при этом же и оговариваясь: «Может, и не такая, как черешня». В Водлице и морозостойкая вишня не приживается, а черешней он лакомился у тётки в Симферополе, куда ездил на каникулы.

Собственно, идём за «журавлиной ягодой» – клюквой, известно, какой «сладкой» она бывает. Но вытегорцы находят, что на Петунией Грязи ягода сладкая, в то время как по другим мхам она обычная, кисленькая.

В обывательском понимании болото – что-то нежелательное для человека. Возьмите пословицы и поговорки: «Было бы болото, а черти будут», «Пошёл на болото, да засосало в болоте». Наконец, ба-

нальное, всем известное: «В тихом болоте черти водятся».

Как раз идём на самую *корбистую* Петунью Грязь, где если не чёрт, то леший водится. Так хочется отведать *сладкой* ягоды.

Самое время сказать несколько слов о вожатом. Паша Киршов учится в Вытегре, а в Водлицу он приезжает к бабушке Юлии Николаевне, с которой он не однажды ходил на Петунью Грязь. А нынче туда он со мной отправляется, поскольку Юлия Николаевна занемогла, ей теперь трудно даже за хлебом ходить в магазин. Классный руководитель поступил гуманно: и в этом году (как и в прошлом) негласно продлил Паше каникулы с тем, чтобы он помог бабушке наколоть на зиму дров, собрать ягоду. Клюква для жителей русской деревни – и пища, и витамин, и продукт для изготовления всяких целительных снадобий. Например, без клюквы не обойтись, когда сильный жар, упадок сил.

Миновали бывшее колхозное поле, сплошь за время либерально-демократических реформ поросшее кустарником-чапыгой, а в некоторых местах и густым чернолесьем. Углубились в берёзники да осинники. По старым топографическим планам – тоже колхозные угодья, нивы и пожни, пастбища, Паша тут и говорит:

– Эва! Совсем забыл! Нужны шесты, на тропе *глазники* есть.

Вытаскиваю остро наточенный нож, срезаю ближайшую ровную осинку.

– Эва! Дядь-Толь, – по-деревенски обращается ко мне Паша. – Что делаешь?

– Шест. Сам же велел...

– Эва! Эва! Худое дело, – запричитал мальчишка. – Нельзя осину! Никак нельзя ходить в лесу с осиновым батоном или шестом. В корбу угодишь, а то и на мишку нарвёшься... Непременно что-то с животинной случалось, если погоняли осиновым батоном...

Суеверие, конечно. Но Паша – местный житель, а я приезжий горожанин. Известно, со своим уставом в чужой монастырь не ходят. Бросаю осиновую жердь, срезаю подходящую берёзку. Пользуясь случаем, расспрашиваю о поверьях, бытующих в Водлице. Надо же знать, что следует делать, а чего – не следует. Уже усвоил, что в лесу нельзя ругаться, швырять в костёр рыбы кости – на запах непременно *гад приплывёт* (гадюка приползёт) и в ногу *клюнет*. И уж, конечно, не следует заводить разговоры про медведя.

Вооружившись длинными шестами, шагаем дальше. Не пойму, что за места: под ногами мхи приминаются, вода хлюпает, а кругом – толстые кряжистые сосны, шатровые ели, между ними весёлые рожицы молодых сосен с ярко-зелёной хвоей. Не то бор, не то болото. Паша в очередной раз предупреждает: «Эва! Глазник!»... Остановившись, тычет шестом в лужицу между корнями двух толстых сосен. Оказывается, то не лужица, – окнище, настоящий колодец природный. Ввалишься, можно как следует выкупаться. Разводи костёр, сушишь. Или в деревню

возвращайся – вода в глазниках и в июле холоднущая, а зимой не замерзает.

В глазнике бьёт первородный ключ, струя уходит во мхи и там звенит-поёт среди корней и камней, а кругом непотребство – обрывки газет и полиэтилена, пластиковые бутылки; утренние лучи высвечивают во мхах донья консервных банок. Словом, нельзя сказать, что местные вытегоры и приезжие ягольники благоговеют перед матушкой-природой.

Наконец, выходим на просторное моховое болото, которое тянется на несколько километров до синей полосы на горизонте – до лесной гряды, до *бичевника** вдоль Петровского канала. Это и есть Петунья Грязь.

– Какой огромный мох, – тихо говорю спутнику, пораженный размерами верхового болота.

– Велика грязь, да ягоды мало. Голое болото. – Равнодушно отвечает вожатый и ставит задачу:

– Видишь мысок? Ну, где сухостой выступает... Будем туда продвигаться *о лесе*. Будем пока собирать кислую мелкоту. А там – поглядим...

Примерно час брели по гладкому болоту с тонким слоем мшаги и твёрдой почвой под ней. Переходя от кочки к кочке, нагибались за каждой ягодкой и едва-едва наполнили свои *набирки*, алюминиевые бидончики, притороченные к поясам. Ночью был заморозок,

*– *Бичевник* – натопанная поколениями рыбаков, грибников и ягольников тропа вдоль Петровского канала в южной части Онежского озера, использовавшаяся в далёком прошлом для волочения барж бурлаками или лошадьми.

каждую ягоду приходится выковыривать из промороженного мха, пальцы, словно наждаком исцарапаны. Неудивительно, что опытные сборщики не спешат на болото, если утром заморозок. Но нам-то с Пашей не терпелось пораньше оказаться на Петуньей Грязи. Юлия Николаевна вчера узнала от соседей, что на это урочище собирается целая артель, есть и питерцы. Нет ничего хуже питерского обывателя в лесу...

Мне такая ягода в тягость, собираю лениво. А то и вовсе присаживаюсь на сосновую валежину, люблюсь остекленевшими стеблями осоки, суковатыми, кручёными стволами сосен, всё больше сушины, с густой хвоей только криворослые болотные ёлочки да сосенки. Лет полтора эта этим деревьям, а не выше человеческого роста.

Из окраинного сосняка показались ягодники – два, три... пять... десять!

– Ну, дядь-Толя, народу сегодня на Петуньей Грязи не пропихнуться! Наверное, как на Невском у вас!

Ягодники рассыпались по болоту, некоторые, перекликаясь, направляются в нашу сторону. Кто-то врубил на полную мощь транзисторный приемник – рок-поп-гром гремит! Вбóроны, безбоязненно сидевшие на соседней сушине и что-то сообщавшие друг другу булькающими мелодичными звуками, снялись, куда-то улетели.

Паша вдруг вскочил и ринулся в сторону корбы, где среди разводий шелестели камыши и возвышались суховершья сосен с бородами древесного мха.

– Куда ты! – заорал я. – Утонешь! Вода кругом!

Паша повернулся ко мне и сказал тихо, с укоризной:
– Мы же договаривались: ругаться и кричать в лесу – худое дело. Тем более на чёрной корбе. И уговор был – собирать сладкую крупную ягоду. А коли боязно идти в корбу за сладкой ягодой – оставайся с народом, собирай мелкоту *о лесе*... Мне-то не на продажу...

Понимаю, мальчишка не отступит от своего. Но и отпускать одного нельзя. Моё беспокойство можно понять: уступив моим просьбам дать мне в проводники Пашу, старушка напутствовала: «Остерегайтесь на чёрной корбе, глаза не закрывайте...». Ссыпав из набирки в рюкзак ягоду, иду за Пашей: опираясь на шест, осторожно пробираюсь среди мшистых зыбунов и камышей по стволам поваленных деревьев. Некоторые валежины в зелёных шкурах мха или в воде чернеют, да на такой глубине, что того и гляди в сапог зачерпнёшь. Чёрные омуты подстерегают нас справа, и слева. Жёлтые камыши шелестом своим грусть навевают... Вороны уже не издают мелодичных звуков, а недобро, даже как-то зловеще кричат. Чуть потянет верховой ветерок – сухостойный лес начинает скрипеть и рычать...

Чёрная корба – это вам не мох, не твёрдое гладкое болото, где, случается, тоже вода хлюпает под сапогами. Тут не зевай: можно ведь соскользнуть с валежины, по которой мы пробираемся в глубь корбы и оказаться в болотном омуте, в жиже корбяной... Да я уж набрал в сапоги воды! Оскользнулся, но завис на шесту, удержался на болотной «тропе» среди холодных разводий...

Наконец остановились, чтобы осмотреться.

– Дальше пойдём? – спрашиваю самоуверенного вожатого, глядя на окнища мёртвой воды между высоких кочек и стволами деревьев.

– А то как же... Не возвращаться же на гладкое болото. Да не боись. Мы с бабушкой ходили...

Сказав эти слова, Паша пошёл вперёд «тропой», ему одному ведомой. Значит, поскакал, прыгая с кочки на кочку, с валежины на валежину. Вспомнились слова Юлии Николаевны: «Худющий, весу в нём, что у барана. Только ноги длинные...» В чём и неоспоримое преимущество его передо мной. Носится туда-сюда, что кулик, лишь кочки под ним приминаются. А я вот встал, кочка и погрузилась в зыбун-трясину.

Надо же было соблазниться сладкой клюквой! Лучше бы ехать автобусом до Кедры (каких-то семь километров от Водлицы)! Собирал бы спокойно ягоду на открытом, широком, как семиреченская степь, Кедринском болоте, не рискуя оказаться в ледяном корбяном омуте. На Кедринский мох тоже народ приезжает, но и там можно собрать сколько-нибудь ягоды, даже и *коренник* наполнить. Если, конечно, не разглядывать скрученные ветрами и временем стволы сосен, не смотреть на небо, где вереницы гусей волокут на хвостах осенние холода, *рядну здвиженскую**.

* – *Рянда (здвиженские рянды)* – так в Прионежье называют осенние дожди на Воздвиженье (или близко к этому времени), перемежающиеся прояснениями и зарядами мокрого снега и крупы.

Спросите, откуда название такое – Петунья Грязь? Да кто же вам скажет?! Связи с прошлым пресечены, даже и умышленно, злостно варварски пресекаются. Связь времён распадается. В лесах Вытегорщины (или что теперь с некоторой натяжкой можно назвать лесами), немало урочищ с удивительными названиями. Например, по дороге на Урозери, в котором, говорят, до сих пор водятся *белые окуни* («окуни белошеи, уха, как молоко», по словам Паши) мне показали еловый бор с названием Ларь-Нива, чудом уцелевший среди современных хищнических вырубок и лесопосадок советской эпохи. Бор вымахал на месте, где в двадцатых годах минувшего века была хлебная нива жителей деревни Курвошский Погост. Между прочим, в этой деревне я купил избу. Да неудачно: живую деревню местная администрация жульническим способом перевела в аренду строительной кампании для устройства гравийного карьера. Ни меня, владельца избы, ни местных жителей, чьи предки покоятся на древнем деревенском погосте, конечно, никто не спросил.

– А вот и твёрдое место! – воскликнул проводник и легко скакнул с валежины на полянку, покрытую рыжей мшагой. То ли толстый слой плавучего торфа, то ли островок земли.

Я сразу почувствовал это «твёрдое место», когда следом за Пашей неуклюже и тяжело сиганул, и почва подо мной запружинила, заиграла, ближайшие осоковые кочки зашевелились, словно зелёные пауки, а кривоствольные ёлочки по мхам закачались...

Сплавина, зыбун ходячий! Но Паше всё нипочём. Он гребёт ягоду и жадно поглощает её. Присоединяюсь к нему, набиваю рот ягодой. В самом деле, кажется сладкой.

Признаться, прежде я не видел такой ягоды: сплошь тёмно-вишнёвая, крупная. Ни одной бело-бокой, недозревшей. Щедро, целыми горстями рассыпана по кочкам, гребни в рюкзак или просто любуйся. Среди осоки меньше ягоды, но тут как раз и в самом деле – вишни-черешни, за которыми не лень и нагнуться. Однако мы быстро насытились, и вкусная и крупная ягода, а не малина, не черешня. И теперь ссыпаем клюкву в набирки, только звон стоит.

По моей догадке, более всего этот угол *грязи* для Юлии Николаевны и Паша дорог тем, что здесь *не хожено, не брано*. Мох не взрыт сапогами ягодников, нет здесь мусора рыночной цивилизации (обрывков полиэтилена, пивных банок и всего такого), как, например, на упоминавшемся Кедринском болоте. До этой поры я три года подряд ездил в Лужский район на Лосиный мох. Приходилось собирать клюкву и среди мхов знаменитой Лавнии вблизи Ладожского канала. Случалось на мхах Лавнии встречать рассвет в охотничьем схроне-шалашике, наблюдать, как танцуют и дерутся тетерева. Вернулся без трофея, егеря потом язвили: де, усадили питерского писателя в готовый шалашик на самое лучшее место, а он проспал охоту, проснулся, когда пехухи разлетелись от выстрела на другом конце тетеревиного тока. Не жалею, что не воспользовался

щедрым подарком егерей из Новой Ладogi: разве забудешь чудесное действо Природы – боевой танец петухов во мгле весеннего рассвета.

До этого дня мне всюду приходилось собирать клюкву после того, как по мхам и болотам прокатывались волны сборщиков с ягодными совками-кузовками. Оборотистые сборщики (в народе их называют хапугами) собирают рябенькую, недозревшую ягоду, а затем подкрашивают её марганцовкой. Не знаю, правда ли это, но могу твёрдо заявить, что найти такое место, где не *брано*, не *хожено*, – нынче трудно.

Мох прогрелся, багульник источает одуряющие эфирные запахи. Посмотришь вдаль – чистая, рыжевато-зелёная равнина под голубым ситчиком осеннего неба, ни пыли, ни копоти, ни гари... Дышится на болоте легко, собственное дыхание как бы ласково щекочет горло и грудь. И – тишина!.. Её нарушают только перекличка гусей в поднебесье да редкие вскрики вóронов, сидящих на громадном чёрном кресте суховершинного дерева. Поглядывают на нас: не оставим ли чего в пакете среди кочек. Они уже так привыкли к подачкам людей, что расклёвывают, дырявят, рвут даже прочные полиэтиленовые мешки с клюквой, которые беспечные ягодники на целый день, когда и на сутки, оставляют среди кочек. Клюкву вороны, конечно, не клюют, но пакостят. Прежде за ними таких вредительских привычек не водилось. Впрочем, на моховых островинах чёрной корбы, наши вороны, скорее всего, зорко высматри-

вают мышек и маленьких, хамелеонисто меняющих свой цвет болотных ящериц, снующих по разноцветным кочкам тут и там.

Но верно ли, что ещё водятся в этих краях медведи, как уверяет меня Паша? По пути на Петунью Грязь, как раз рядом с остатками колхозного жердевого осека-ограды, видел небольшой клин овса молочной спелости, а рядом ветвистая черёмуха с обломанной вершиной, с насестом среди крепких сучьев. Паша пояснил, что эта поляна с овсом – приманка для зверя. А *лабазка* (насест) на черёмухе – место для стрелка, охотничья засидка, которую жители Водлицы услужливо устроили для богатого *буржуина* из Питера. Говорят, похож на Сергея Миронова, ну, вылитый спикер Совета Федерации*.

Что это?! Из глубины заболоченного леса доносится хлюпанье, сучья трещат, слышится какое-то бормотанье. Вроде как ломится мужик чащобами и разными словами кроет трущобную тропу. Паша сиганул ко мне, запричитал:

– Эва! Эва! Плохо, что табаку нет, нечем курить...

– Почему решил, что медведь? Может лось. Или фермерская корова.

Паша округлил глаза, приложил к губам палец: де, не говори слово «медведь»! И махнул рукой, приглашая меня к тому месту, где он собирал ягоду. Те-

* – У автора книги нет личной неприязни к известному политику С.М. Миронову, бывшему спикеру Совета Федерации Российского парламента. Он также не ставит под сомнение его патриотизм.

перь мне понятна причина для беспокойства: среди кочек мха виднелась куча медвежьего *навозу*, в котором алели не переваренные ягоды.

– ОН тут харчился, а мы его потеснили, – пояснил Паша. – ОН теперь ломает суковья, пугает нас, чтобы мы ушли... Эх, и правда надо уходить, раз нету табаку...

Но мне совсем не хочется уходить. Ещё и чай не пили. И когда ещё сюда, на чёрную корбу да на Петунью Грязь попаду? Паша завтра уезжает в Вытегру, а мне сюда без проводника нет ходу. И я молча принялся ломать тонкие болотные сушины, чтобы среди этих хлябей устроить подобие плота и развести на нём костёр. Надо проветять, просушить носки и портянки. Авось и медведю это не понравится.

Между тем, Паша тоже принялся разводить костерок, используя для этого смолевой пень упавшей сосны, – только не рядом со мной, а ближе к заболоченному березняку, откуда иногда доносились потрескивания.

Собирая сучья для костра, я вдруг увидел то, что как раз Паше и надо – пачку «Беломора». Похоже, завалялась с прошлой осени: буквы выщвели, рисунок чуть проступает. На дне пачки я обнаружил смятую папиросу и крошки табака. Паша обрадовался находке. Крепко зажав это сокровище в кулаке, отправился к своему разгорающемуся пню *курить табак*.

...Напившись чаю, продолжаем собирать клюкву. Сучья не трещат. Выходит, щепотка табака, брошенная в огонь, отпугнула зверя? Впрочем, у медве-

дя тонкое обоняние, и смрад табачный ему, конечно, отвратен. Но, может, *курево* – отголоски старинных представлений, когда воскурениями драгоценного когда-то табака хотели умилостивить, задобрить лешего или водяного, в существовании которых на Вытегорщине кто-то верит и посейчас.

В медвежьих углы, поистине в царство лешего, забираться, чтобы добыть корзину драгоценной клюквы. Когда-то сбор *журавлиной ягоды* считался простым и сравнительно лёгким делом. Взял кошель или коренник (корзину) и пошёл к заветному мху. При каждой деревеньке были свои ягодные уголья. Люди не мешали друг другу. А теперь вот для того, чтобы запастись на зиму лесным витамином, приходится снаряжать настоящую экспедицию. Притом ведь загодя, исподволь готовишься. Ещё зимой в городе, по картам, а чаще по примитивным топографическим планам-крокам выверяешь маршрут к ягодному мху. Случается ночевать прямо на болоте, под открытым небом, правда, у тлеющих чурбаков *ноды*, прикрывшись от дождя плёнкой. Не всегда окупаются лесные тяготы. Однажды мы с питерским поэтом Виктором Павловым, отмахали без малого километров пятьдесят по мхам и корбам вокруг озера Вялье и привезли домой... по стакану ягод.

На глазах исчезают ягодные мхи. Кругом хищнически вырубают леса, и это влияет на урожайность морошки и черники, брусники и клюквы. А, кроме того, лесозаготовители нынче уже не придерживаются правил, предписывающих сохранение верхо-

вых болот, как это устанавливалось советским лесным кодексом. Известно, лес по закрайкам верховых болот, на еловых и сосновых веретьях-островинах по ягодным мхам, не имеет большой ценности, в дело «корбяная» древесина не годится, но его нынче безжалостно высекают – только ради того, чтобы устроить временную гать, спрямить путь, чтобы выместить лежнёвку для волочения леса к лесовозной дороге.

* * *

Вернулись поздно, в избах уже горел свет. На обратном пути делали привал у глазника, где с удовольствием съели горбушку чёрствого ржаного хлеба (покупал в Питере неделю назад), запивая её вкусной ключевой водой. Не просто выбираться на твердь по мокрым мхам, когда у тебя за плечами без малого пуд клюквы, и ты целый день не разгибал спины... Наверное, в Кедре, куда путь проще, мы собрали бы не меньше. Но там ягода иного сорта. И не такая сладкая, как на коварных корбах Петуньей Грязи...

Не обошлось без огорчений. Выбираясь из корбы по валежине, лежащей под водой, я пропорол сапог. Нога скользнула, потерял равновесие, и чуть было не свалился в болотный омут. Но шест в очередной раз меня выручил. А правильнее сказать Паша: крепко схватил меня за куртку, помог вернуться на «твёрдую тропу». Он, как обычно, на правах старшего, шёл впереди, оборачиваясь и поглядывая на меня. Но сапог всё же распорол сучком осинового бревна, острым и твёрдым, как штырь металлической арма-

туры (известно, осина в воде не гниёт), и так распорол, что и не заклеить. Слава Богу, – ногу не поранил, только чуть оцарапал, портянка спасла.

Словом, теперь уж у меня нет дороги на ягодный мох, надо возвращаться в город. Что ж, больше ко-солапому хозяину Петуньей Грязи достанется...

Интересную новость сообщила Юлия Николаевна: питерский *буржуин*, похожий на Сергея Миронova, промахнулся. Очумелыми глазами смотрел на медведя, гребущего лапами овёс, потом выстрелил, но заряд пустил в ближайшую ель. Верно, от страха. А услужливому егерю Батюку заявил, что в медведя попал, заставил его капли крови искать. Но Батюк показал ему сбитые зарядом еловые шишки и хвостинки на неприличной для охотника высоте. Крутой гость уехал в Питер злющий, даже не заплатил, что обещал.

Сентябрь, 2005

Звезда богородичная

1

...Вот и *осеніны богородичныя*, однако, день сухой, тёплый, до заката собирал ягоду, уж так хотелось набрать кошель ярой, крупной клюквы, нигде нет такой крупной клюквы, как на Царском мху. Если не считать заболоченных закрайков Петуньей Грязи, но туда я давно не ходок. Паша выучился на штурмана, плавает на ракетноосце. Разумеется, я бы теперь и без него нашёл дорогу на Петунью Грязь, но там даже и корбовые сосняки и ельники до последнего дерева высекли «лесопромышленники»...

Хочется уже сегодня побольше набрать ягоды, а завтра – кто ж его знает, – вдруг дождь зарядит, нет ничего хуже собирать ягоду по дождю, хотя бы и клюкву. И когда одолевала усталость, разводил костерок.

Истинное удовольствие – пить чай в боровине с беломошинами на краю ягодного мха, под прикрытием хороводных, полукругом стоящих молодых елей с густым лапником до самой земли. Тут же, на краю болота, небольшая *копань* (прудок), где можно набрать свежей воды для чая. У меня к этому урочищу с таким странным названием, мало соответствующим кривым берёзкам по мшистой равнине (обычно они ржавчато-рыжие, но ближе к вечеру вызолотились) необъяснимое влечение. Вокруг верхового болота – ельники, гривки с беломошинами и сосна-

ми, а посреди – веретья-островины с елью и сосной. Сюда ещё не дотянулась загребущая рука лесоистребителя. С северо-востока к верховому болоту прижимают хвойные лесопосадки советского времени, чистые березняки перемежаются еловыми и сосновыми массивами. А то ещё вот по краю болота и *пехняги* – тесные еловые чащобы, надёжное укрытие для зверя.

Кое-где и *небранные* (по слову вытегора Авдеева) еловые и сосновые боры шумят и рокочут, их оставили в целях природоохранных, для воспроизводства лесных богатств. Понятно, когда-то оставили, теперь-то уж ничего не оставляют... Даже в глухой глубинке таёжных районов, где лес нарезали под массовую вырубку, тем не менее, оставляли куртины и даже внушительные компактные массивы в качестве водоохранных. Люди минувшего века хорошо понимали, что леса Северо-Запада – места, откуда вытекают реки, питающие и Онегу, и Свирь, и Ладогу, конечно.

Целый день собирал клюкву. Солнышко пригревало, но и не жаркий был день. Гребни да гребни ягоду и ни о чём не думай. А устал – садись на пень, посиживай, пока не надоест. И ни оводов, ни жутких лесных комаров, от которых, по словам Авдеева, психом можно стать. Даже нет докучливых лосиных блох, обычных для этой поры. Верно, утренники их пригнетили, *инея придавила* (Авдеев сказал бы, окажись он рядом). Вот и присел на пень, смотрю, как над кочками, при малейшем колебании воздуха,

всплывают прозрачные зеленовато-жёлтые облачка – развеваются споры мха.

Отдохнув, снова принимаюсь за работу. Решил не уходить с ягодных полян, пока не наберу полный кошель. Где ночевать, не думаю. Хотя ночи холодные, крепкие утренники мхи инеем покрывают. И хочется, а не получается сегодня вернуться в деревню.

2

Огонь развёл в половине девятого, раскопегарив железную печуру в дощатой будочке на Лемозерской просеке. Изрядно припозднился на ягодных полянах, притомился, сделал, может не одну тысячу поклонов Природе-матушке, вот и решил на краю Царского мха заночевать. Правда, не под открытым небом, как это иногда со мной случается, а в этом лесном вертепе, – его полвека назад устроили лесоводы, трудившиеся на расчистке леспромхозовских лесосек, предназначенных для посадки елей и сосен.

Проветрив помещение, просушив его теплом, прикрыл дверь.

В избушке темно, а коптилку (флакон с соляжкой да тряпичный фитилёк) погасил, берегу горячее. Без коптилки – ну, хоть караул кричи; осенью в лесу уже в восемь темно. Даже такое простое дело, как вынуть вещи из рюкзака, разложить их на столе, развесить на гвоздях – и то неспособно без освещения. Не просто стелиться-укладываться *в темь*. Почему-то все мои фонарики хорошо светят при покупке и в деревне, однако же, оказываются непригодными в лесу.

Авдеев считает, что они просто не выдерживают условий, в которых я оказываюсь во время странствий по лесным трещинам. «У тебя и металлический браслет часов развалился», – заметил он, когда я в очередной раз пожаловался, что фонарик меня опять подвёл. Ну а коли коптилка не коптит, дверцу печурки держу открытой. Управляюсь, пользуясь светом печного пламени, готовлю лежбище.

...Словно карельский водопад шумит осенний лес, трещат поленья в печи, шипят грибы на берёзовых прутьях, уложенных на печурку. Немного насшибал красноголовых подосиновиков по гривам вокруг Царского мха, по сосновым веретьям (островинам) среди мхов.

Намостив на жердевом лежаке сухих стеблей иванчая, соорудив изголовок из расколотого пополам толстого чурбака и сапог, набитых мхом, с наслаждением вытягиваюсь на лежбище. Дверь будочки вновь приоткрыта, в проём вижу яркую звезду, проглядывающую сквозь лапник тёмных елей. Она искрится, вонзает во мрак ночного бора длинные лучи, и мне становится как-то не по себе. Я, лесовик-бродяга, не однажды ночевавший осенью в этой будке, неделями живущий в *шалаше сквозящем* на Ясень-озере, почему-то сейчас испытываю ощущение какой-то первобытной жути. Никогда не видел столь удивительной, искристой звезды, возможно, распавшейся, миллионы, а то и миллиарды лет назад распавшейся в космическую пыль. Учёные утверждают, что мы иногда видим свет давно погасших звёзд.

Слышу крик журавлей, – на гладких моховищах Царского болота на ночь обосновались. Беру со стола блокнот и карандаш, чтобы записать, о чём думалось.

Между тем, звезда разгорается, своими блескучими иглами словно прожигает густой лапник елей. Но, может, это и не звезда, а какой-нибудь вражий космический объект завис над моей Родиной, телеспутник, облучающий нас чёрной неправдой, злобу сеющий среди народов когда-то Великой Страны...

Устроился в лесном убежище, а не идёт сон. Крики птиц мешают спать, пробуждают далёкое, лежу, охваченный воспоминаниями молодости ушедшей, истраченной на скитания по сухим песчаным руслам узбоев и барханам, по рекам Семиречья. А может, очарован, загипнотизирован блеском звезды? Нет сна, ну, ни в одном глазу нет...

Да, так бывает: приютишься в лесном убежище, – в избушке или под кровлей шалаша на берегу лесного озера, – и нет никакой лучистой звезды, а только слышны крики гусей на перелёте да ровный шум дождя, а всё равно не уснуть... Наверное, потому что радостно и покойно душе бродяжьей... Счастливые минуты и часы бессонницы в лесу!

Но нынче сна лишают предстоящие труды. Я так и не решил: собирать ли клюкву по мхам Царского болота или перейти на Урозерский мох? Опять же, – где ночевать, если не смогу завтра вернуться в деревню: в избушке на берегу Урозера или в этом вертепе? Или вовсе не надо обременяться клюквой, набрал ношу – кошель отборной ягоды стоит под елью.

В другой раз можно прийти сюда за клюквой, если покажется мало...

Томимый размышлениями и воспоминаниями, засыпаю, а просыпаюсь в четыре. Дрова в печурке прогорели – и проснулся. Поленьев в запасе не оказалось, поэтому пришлось запихивать в печурку толстый еловый чурбак, лежавший в изголовье. После чего не сразу же заснул. Тем не менее, в семь уже был на ногах. На просеке, и даже в глубине ельника, где ночью зловеще лучилась и сияла загадочная звезда, было светло. Мало спал, а вроде как выпался. В лесу я вообще ложусь поздно, во втором часу ночи, а то и после двух. Раньше – ну, никак не управиться.

3

На северный закраек Урозерского мха вышел примерно в полдень. Но к делу приступил не сразу. По дождю шёл, без плёночного фартука, вода по штанинам ручьём текла, да ещё и при заходе на болото зачерпнул в сапоги, уж как водится... «Не сахарный», – решил было сгоряча и принялся собирать клюкву. Но скоро энтузиазм пропал. На тропе согревался движением, а тут ноги занемели от холода, не до ягоды.

Вчера было сухо, тепло, а нынче откуда-то приволоклись тучи, зарядил дождь, – мелкий, холодный, противный. Теперь и *ряды* – мокрый снег вперемешку с дождём, а то и крупа сыпанёт. *Осенины*, и Воздвижение не за горами.

Нарубил кривых берёзок, навыворачивал кручёного кособолонного сухостоя, выложил помост для

костра, развёл огонь... Кругом болотная хлябь, мокрый снег временами валит, а я наслаждаюсь теплом жаркого смолевого костра. На кольях у огня прогреваются портки, портянки, рубашка... Сапоги тоже сушатся на кольях. Сажу на огромной колоде у огня в трусах, в свитере, надетом на голое тело. А поверх – куртка, пусть даже и мокрая, ткань влагой напиталась, да ведь защищает от ветра. Развешенная одежда просыхает прямо на глазах. Обсушив ступни у огня, натянул толстые шерстяные носки. Ногам сухо и тепло, костёр жаркий горит – и душе веселее.

Пью кофе, поглядываю на угольно-чёрную тучу, захватывающую тёмно-фиолетовыми крыльями и ягодный мох, и всё пространство над урозерскими прибрежными лесами. Всё вокруг помрачается, но вдруг солнце проглянуло, ударил снежный заряд. Ближайший еловый бор исчез в белой мгле, а порыжелые мхи затянуло белым покровом. Снег валит, тут же и тает: подо мхами хранятся летние запасы тепла торфяника. Нет, сейчас мне снег не помеха. Особенно если вот так, у костра, в котором пылает смольё.

Развести жаркий огонь на болоте, даже на мокром болоте, не так уж и трудно, как это думают дачники и городские обыватели. Даже, может, и проще, чем в чаще берёзового молодняка или в осинниках на месте вырубок, в хвойных посадках. На болоте, известно, всегда есть и толстые сушины, и смолевое жердовьё. Другое дело – набрать полкотелка хорошей воды, когда глазник или ручьевина – на другом конце Урозерского болота. Пришлось воду добывать

с помощью каблука: примял сапогом мох между кочками, да и набрал из моховой лунки воды. Понятно, перед тем, как вскипятить её, пришлось профильтровать через бинт походной аптечки.

Пригрелся, любуюсь чистой бирюзой в прорехах облаков, слушаю токованье молодых тетеревов, ручьём разливается их бормотанье. (Петушки сидят на деревьях по краю верхового болота, балаболы, токовище устроили). Ну, это, как сказал бы Авдеев, ложный осенний ток.

Хорошо-то хорошо, а кто же будет клюкву собирать?! Осенний день недолог, Рождество Богородицы, *осенины богородичные*...

4

В будку на просеке вернулся только в девятом часу вечера. А мгла навалилась раньше, да ещё мелкий дождь частил... В этом, чудом сохранившемся еловом урмане и ясными июльскими вечерами дико и мрачно, бывает идёшь – вдруг зверь из чащобы выступает, а присмотришься – древний пенёк замшелый; тут и там колоды огромных осин преют. Подходящие места для партизанского схрона. Ну, разумеется, современные вырубki (по-авдеевски – *воровские*) с поваленными и неубранными деревьями, штабелями гниющего и почему-то брошенного леса, с непроходимыми завалами из комлевых обрубок в два обхвата, преющих сучьев и хлыстов вековых деревьев – самое лучшее место для партизанских схронов. Воскресни Че-Гевара, он бы, верно, по досто-

инству оценил вырубку Вытегорщины. Собственно, вся лесная Вытегорщина превратилась в сплошную *воровскую* вырубку.

Хотел немного обсушиться в будке на просеке и сразу же уйти в деревню. Но густые сумерки наступили как-то слишком быстро, и дождь припустил, а *в теми ночной только тати бродят*, по слову Авдеева. Вот и остался, вторая ночёвка в лесу.

...Недобро шумят деревья, а в убежище помигивает соляровая коптилка, гудит пламя в печурке, на жёрдочках сушится одежда. Утром, перед тем, как идти на Урозерское болото, не поленился натюкать топором дров. Может, на всю ночь хватит топлива...

Конечно, в тесной дощатой будочке не так удобно и просторно, как в избушке на берегу Урозера, срубленной сорок лет назад из великолепной рудовой сосны. Теперь таких избушек не рубят. И здесь нет (как в той избушке) ни матраса, ни полатей из досок, ни кирпичной печки нет с обогревателем-щитом и задвижкой на трубе. Но я притопал к этому убогому пристанищу, чтобы здесь заночевать. Никак не мог не вернуться сюда, я ведь не взял с собой на Урозерское болото кошель с ягодой, здесь его оставил. К тому же отсюда до деревни путь короче. Пусть на полтора-два километра, а всё же короче, чем с Урозера. Даже и километр что-то значит, если тропа буреломами, вырубками да мхами. Случалось, тяжёлая ноша на лесной тропе так вымотает, что, сделав

привал на берегу Ошты, в километре от деревни, утолив жажду чистой, как слеза речной водой, в приречных чащобах оставлял рюкзак с ягодой, а домой возвращался налегке. Идёшь бодро к избе, постукивая батошкой, деревенские обыватели и питерские дачники с удивлением смотрят из окошек. Им в диковинку видеть моё возвращение в деревню без ноши. За рюкзаком же еду на машине утром. К чему торопиться, если в рюкзаке не жуки в мох и папоротник упакованы, если там одна только клюква. Разве медведушко любопытствует. Был случай, когда зверь распотрошил кошель с ягодой. Поэтому я к стволу дерева над рюкзаком приматываю футболку или рубашку, полагая, что одежда, пропитанная копотью лесного костра, смрадом человеческого пота, отвратит зверя.

...Лес ревёт, стонет, завывает, но я больше прислушиваюсь к звону капель, падающих с кровельных свесов в котелок. Ввалившись в избушку, поел брусники, полкотелка съел в охотку, и в горле першит от ягодной кислоты. Но разве утолишь жажду одной только ягодой, хотя бы и ярой брусникой, – выходился по болоту, весь потом изошёл. А чай грел всего лишь один раз за весь день. Ладно, наберётся вода, уж отведу душеньку, истомлённую жаждой.

Слышу, слышу удивлённый голос: «Как?! В лесу – и собирать дождевую воду?». А что делать? Расстояние до копани на краю Царского мха невелико, каких-то триста-четырееста метров, но туда нет натоптанной тропы. И куда пойдёшь: дождь, мрак, бли-

жайшую ель из открытой двери не видно... Вот и приходится смекать.

В бору кто-то остервенело верещит и визжит, а то ещё и по-звериному рыкнет. Из мглы плотных слоистых облаков доносятся клики гусиной стаи, – словно где-то собаки перелаиваются. Становится грустно и тепло на душе. И сколько же было в моей жизни таких ночей в лесных дебрях, ревущих в непогоду...

Ещё некоторое время не смыкаю глаз, думаю о предстоящем возвращении с *дикой* ношей. Бывалые ходоки знают, что и неподъёмный груз в одиночку можно перемещать по тропе, разделив его на части. Но мне этот челночный приём транспортировки груза не нравится. Идешь-бредешь к деревне, а потом возвращайся. Шаг вперед – два шага назад... Но если всё разом тащить: «таймыр»* с клюквой, и берестяной кошель, то на каждой встречной-поперечной валежине придётся посидеть. В таких случаях на привалы затрачивается примерно столько же времени, сколько и на ходьбу по тропе.

А не пришлось бы завтра делить и перетаскивать ношу по частям!

Вспоминаю давешнюю лучистую звезду. Вроде как знак был. Старые лесники, среди них всё тот же Авдеев, убеждали меня, что бесполезно идти даже и на Урозерский мох – только ноги зря трудить. Неурожайный нынче год.

А я «таймыр» под завязку нахряпал. Да ещё и кошель. Хотя, как и вчера, почти целый день по яго-

* – Типовое название рюкзака.

ке, по горсточке собирал. Не один километр накрутил по мхам, где не всегда под ногой упругая мшага. Смирился, что вернусь домой с кошелом, значит, с малой ношей.

Переместившись с моховой глади на топкий край болота, поглядывал во мрак просеки, рассекавшей ельник. Тревога торопила: пора, пора возвращаться к будке, не по твёрдой тропе идти, местами ветровалы обходить. И уж двинулся было к просеке и вдруг увидел медвежий навоз, причём, совершенно свежий, куча дымилась. Я оторопел. Нет, не зверя испугался, пусть лучше он меня боится. В медвежьей куче было много крупной клюквы – вот что меня поразило. Бегал по болоту, горьковатую мелочь собирал, а где-то рядом, оказывается, отличные ягодные кочки.

Медвежьи следы вели в самый мокрый угол ягодного мха, отгороженный густым болотным ивняком. Ягодники в такие закрайки не любят заглядывать, я не исключение. Ивняк на болоте – верный признак топи непроходимой, гиблое место, глади в оба!

Но на этот раз ни раздумий, ни сомнений. Ринулся сквозь плотный кустарник, и чуть было без сапог не остался. Выбрался на твёрдый мох, осматриваюсь. Понятно, это только так говорится – твёрдый мох; оказался среди высоких кочек, между которыми тускло отсвечивала на вид маслянистая торфяная вода. Тут и ахнул, даже присел на валежину – все кочки обсыпаны крупной спелой ягодой. Счастливая лесная находка в неурожайный год.

* * *

Авдеев, прознавший, что я перед отъездом в город приволок *дикую ношу*, сказал с некоторой горчинкой в голосе: «Мы вот нынче, верно, без ягоды будем зимогорить. А ты, парень, добычливый. Всё лето бродишь звериными тропами да погаными вырубками, нагладел ягоду. У нас на это, конечно, нет времени. У нас ведь так: утром в лес, ночевать – домой».

«Кабы не медведушко, – и мне бы не пить зимой целебный клюквенный морс, не угощать гостя рюмкой клюквашки», подумал я, но ничего не сказал, чтобы не смешить бывалого лесника. Вытегоры, как и вообще жители лесных краёв, могут прилгнуть в своих охотничьих и лесных рассказах, но если они это заподозрят у питерского обывателя, – слушать не станут, на смех поднимут... Не стал рассказывать Авдееву и про чудную звезду. Таким пустякам вытегоры не придают значения, они и не разглядывают звёзды по ночам. В самом деле, какие ещё там звёзды в лесу? Одни только вершины да тёмные тучи над головой...

Всё же знак был, несомненно – добрый знак...

2009–2010 г.г.

Поход в сочельник рождественский

Говорилось: в лесу не бывает праздников. Свой день рождения отмечал несколько раз за всю свою жизнь. И вовсе не потому что 4 июля – день основания хищного Карфагена, чтимого в либерально-капиталистическом мире, ненавистного всякому русскому патриоту. Просто потому что июль – время первых грибов-колосовиков, время рыбачьей страды. Наконец, в июле я почти всегда странствую по лесам Вытегорщины, а когда-то по пустыням Евразии странствовал, по барханам и отрогам Тянь-Шаня в Семиречье.

И что такое праздники в городе? Не пойму, как человек, находясь в добром здравии, выдерживает новогодние праздники и каникулы? Эти дни, напоминающие батальные сцены фильма Бондарчука «Война и мир»: вой, визг ракет, грохот петард и хлопков, горящие балконы, сгоревшие жилища... И всюду – словно убитые и раненые в этой баталии – тела, валяющиеся среди чёрных городских сугробов, шатающиеся, очумелые, как после контузии, бредущие куда попало, страдальцы... Ну и мат-перемат, какого, верно, не было и на Бородинском поле, причём, тут женские голоса вполне успешно соревнуют мужским... А если вы хотите эти «батальные» голоса и звуки, врывающиеся с улицы в квартиру, приглушить с помощью телевизора, то и здесь вас ждёт разочарование – и, включив телеэкран, опять же, услышите истерические вопли, увидите какого-ни-

будь Киркорова с выпученными, обезумевшими от злобы на людей глазами. А, кроме того, на тебя, друг-приятель, читатель мой, выплеснут помои пошлости, гнусности, убогой исторической лжи в виде геббельсовской Катюши... Слышу совет: не включать телевизор в Рождество, вместо этого идти в храм, истово молиться. Рад бы, да вот веры маловато, а сомнений много. Это у бывшего члена КПСС, ныне крутого православного писателя Н.Н. К-ва, с которым мы когда-то славно бражничали в его квартире на Моховой после странствий по Семиречью, так много веры, что он поверил даже и тому, что Власов был истинно православным человеком, якобы, всегда мечтал стать священнослужителем. И стал бы Власов таковым непременно, да вот помешала воцарившаяся на Руси «безбожная советская власть», сделавшая его генералом, а Сталин сверх того, назначил его командующим Второй ударной армией. Вот куда завела меня моя неудержимая страсть к публицистике и полемике – в леса и болота под Любанью и Мгой трагического сорок второго года!..

Возможно, иному читателю покажутся странными подобные рассуждения в дневнике лесного скитальца. Даже слышу ядовитое: «Агитка!». Но, дорогие друзья, не может русский человек, даже и в лесу, не думать о том, что происходит в стране, в обществе, на нашей планете...

Собрался в минувшем году на «рождественские каникулы» в лесную деревню, но не заладилось с машиной, пришлось отмечать праздник в городе. Как

и многие русские люди, был настроен благочестиво. Перед тем, как поставить на стол сочиво, жена послала меня посмотреть, есть ли на небе звёзды. Непростая задача! Небо было затянуто слоистыми облаками, да ещё перед окнами нашего дома выросла громадина в 25 этажей, в которой живут состоятельные «гастарбайтеры» с Кавказа; эта громадина появилась, конечно же, вопреки строительным нормам и конституционным правам россиян, несмотря на протесты жителей нашего дома, не прекращавшиеся почти два года. Разумеется, урбанический монстр не мог появиться без разрешения правительства Петербурга.

Открыв створку лоджии, звёздочку высмотрел. И только теперь мог отведать сочиво. После чего, находясь по-прежнему в благочестивом настроении, решил посмотреть рождественскую службу в Казанском соборе.

Как чудесно звучит тропарь «Рождество твое...» и кондак «Дева днесь...» в исполнении мастеров хорового пения, сохранивших ленинградскую певческую традицию! Ради этого проявил терпение и не выключил телеэкран, когда показали ввержение в храм премьер-чиновника, которого почтительно и подобострастно поддерживал за локоток иерарх Русской Православной церкви. Я сразу подумал, что этого никогда бы не стал делать владыка Иоанн (Снычев), митрополит Петербургский и Ладожский, царствие ему небесное. Бывают телесюжеты и покруче. Русские люди были потрясены, увидев батюш-

ку, лобызаящегося в храме с Чубайсом, ни словом не раскаявшемся перед народом извергом.

Премьер-чиновник, вместо того, чтобы смиренно стоять в храме и хотя бы просто изображать наружное благочестие, принялся крутить головой, озираясь по сторонам, как это делают участковые лейтенанты и сотрудники спецслужб, входя в незнакомое помещение, которое им предстоит обыскать. А, говорят, у него есть духовник...

Трансляцию из Казанского собора вдруг прервали и включили Тюмень, чтобы сообщить об открытии нового храма, о чудесах, которые, якобы там происходят. Телеговорунья истошно закричала в микрофон так, будто её уже поджаривали на раскаленной сковородке в аду. И первые её слова были: «Теперь, когда кончилась советская разруха, и началось духовное возрождение...». Я поспешил выключить телевизор, и правильно сделал, иначе бы не сдержал себя от скверных неподобающих слов, уже готовых сорваться с моих грешных уст. Да и как же оставаться в безгневии, когда слышишь такие вот слова; между тем, и на пороге дома, и в городе, и на Невском проспекте видишь нечто прямо противоположное «духовному возрождению» – разгул каких-то диких сект, почти открытую наркоторговлю, шествия воинствующих извращенцев, всякого рода изуверов, то есть то, чего не было и быть не могло во времена «безбожной» Советской власти... И увеличение верующих в храмах – скорее свидетельство не возрастания духовности, о которой любят рассуж-

дать телеговоруны, как-то уж по футбольному комментирующие различные религиозные службы, а следствие как раз нынешней всеобъемлющей разрухи – социальной, нравственно-моральной, экономической.

В советскую эпоху, проклинаемую *либерманами свободного рынка*, обиженный человек шёл к народному депутату, к руководителю партийного комитета, к прокурору, обращался в суд, наконец, писал письма в Верховный Совет. И часто, весьма даже часто, хотя и не всегда, к сожалению, получал искомое: например, квартиру, управу на распоясавшегося чинушу, поправшего советский закон... Словом, в случае несправедливости человек знал, что делать и куда обращаться. Что касается батюшек советского времени последних десятилетий, то они не роскошествовали, как некоторые пастыри ныне, их проповеди находили живой отклик в душах верующих. И даже среди атеистов, пользовались большим уважением. Об этом нам, русским литераторам, говорил владыка Иоанн – бывало, мы с ним пили чай в кабинете Фёдора Григорьевича Углова, известного ленинградского хирурга, великого патриота. И сам владыка, – архипастырь! – в этих беседах покорял нас смирением и скромностью. Да, советская власть была атеистической, но, преодолевая разруху гражданской войны (а потом – и страшные потрясения Великой Отечественной), она осуществляла то, что провозглашает христианское учение: люди насыщались хлебами, и не пять тысяч насыщались, а мил-

лионы; страждущие и расслабленные, опять же – не единицы, а сотни тысяч, миллионы – от недугов исцелялись; утверждалось братство между племенами и народами, причём, на огромных пространствах планеты Земля, на одной шестой тверди её... Но это, конечно же, тема другой книги.

Короче говоря, ничуть не удивляюсь, когда мне звонят люди, спрашивают, не собираюсь ли я на «новогодние-рождественские каникулы» ехать в деревню, и не против ли я буду, если и они тоже приедут в деревню ко мне, чтобы, переночевав в моей избе, потом уйти на неделю в лес, и там жить в лесной избушке или пусть даже в *шалаше сквозящем*.

В канун очередных зимних каникул, когда некоторые питерцы, каждый на свой лад, стали ликовать и праздновать неизвестно какое «рождество» уже 24 декабря, ко мне обратились молодые патриоты и попросили провести семинарские занятия, чтобы отработать приёмы выживания в экстремальных условиях заснеженных лесов Северо-Запада с ночёвками под открытым небом. Я без колебаний согласился. При этом договорились выйти за один переход к избушке на границе между областями.* Забегая наперёд, поделюсь лесным секретом: несколько лет назад мы с Петровичем, – я о нём обязательно расскажу немного, – построили избушку в *урмане* (другими словами – в урёмном, почти первобытном лесу), которая остаётся в прекрасном состоянии до сих пор.

* – Имеются в виду Ленинградская и Вологодская области.

...Тропа была знакомая. Но насыщенный влагой снег придавил ёлочки, пригнул вершины молодых берёз. Привычные ориентиры – охотничьи тески на деревьях терялись. Особенно в чащобах молодняка на месте старинных вырубок... Пригнетённый пластами сырого талого снега молодняк приходилось обходить, сбочивать с твёрдой тропы. Да ещё говорливые спутники затеяли политическую дискуссию, в которую и меня втягивали.

Встали рано, быстро собрались, а перешли речку по бобровому мостику, стали подниматься по склону речной долины, – тут и солнце исчезло, навалилась мгла, завечерело. В Прионежье всегда так об эту пору: до полудня – утро, а после полудня – вечер. Светлого дневного времени почти нет.

На крутяках горы Выдоры, слышали треск двигателей вертолётa. Мы тут же укрылись под ближайшей шатровой елью. Стало тревожно, будто вертолёт – по нашу душу. Хотя и догадывались: какие-нибудь лесные чиновники летят по своим делам. Может, где-то в Оштинской долине наметили участки под очередные рубки; ещё не все леса водоохранные вырубил, ещё не набили деньгами сейфы и карманы. Или *буржуины-жидовины* на медвежью охоту собрались. На Вытегорщине не вывелись бурые медведи, родственники американских гризли. Я их близко видел. Однажды даже пришлось с ними торговаться из-за тропы, когда пробирался трущобами топкого Кельболота. И рад был бы уступить медведице с медвежонком, но боялся увязнуть в зыбуне...

Летит вертолёт по своим делам, может, даже и с какой-нибудь гуманной целью, а лесная душа, как у вьетнамского партизана, тревогой объята.

В последние годы я почему-то вертолёты, которыми восхищался школьником, так восхищался, что даже лётчиком-вертолётчиком хотел стать, воспринимаю как олицетворение враждебных сил, угрожающих и человеку, и всему существу в лесу. Возможно, это следствие изнуряющей борьбы с теми, кто стремится на месте древнего поселения в деревне Курвошский Погост, на месте подворий, дачных домов и кладбища с сохранившемся срубом Троицкого собора, устроить промышленный карьер; эти деятели, иногда наведываются на вертолёте в деревню, их слова похожи на угрозы.

Как бы там ни было, услышав металлическое стрекотание двигателей и бульканье лопастей, мы недолгое время таились под шатровой елью, а потом продолжили своё шествие по заснеженному лесу январским днём.

Хорош партизан – с тесков сбился! Беру направление по компасу, чтобы кратчайшим путём выйти на просеку, по которой проходит административная граница между областями и по которой мы выйдем к избушке. И через какое-то время, как будто это было нашей заветной целью, мы оказались в заболоченном урёмном ельнике, заваленном вековыми деревьями, где никогда НЕ раздавался топор дровосека. Судя по всему, как раз в том месте, где в Киргозеро впадает семь *живых* ручьёв. Милое дело!

Скверно было то, что мы не могли использовать буреломные деревья для перехода через ручьи и топкие участки леса. Помехой был таявший мокрый скользкий снег, таявший, однако не растаявший, лежавший всюду ровным слоем, и мы не могли правильно определить, где твёрдый берег очередного ручья, а где – заболоченное его русло. Лёд был тонкий или его вовсе не было. Иногда всё-таки пытались использовать для перехода через ручей валежное дерево, но это кончалось тем, что кто-то из нас оказывался в ручьевом бочаге, а то и в глазнике с ледяной водой. Короче говоря, в западню попали, и это ощущение усиливали громадные еловые *выворотни**, медведями обступившие нас со всех сторон.

...Небо было в тучах, мы не могли рассчитывать даже на свет неярких зимних звёзд. Дул ветер, ели гудели, метель начиналась. Одежда стала мокрой – от снега и пота. Досаждал не сухой снег, сыпавший с неба, – на нас с еловых лап обрушивался насыщенный влагой снег. Примерно в пять пополудни в лесу стало так темно, что и ближайшее дерево едва угадывалось. Я мог ориентироваться только по светящимся точкам на картушке компаса.

В минувшие годы скитаний я всегда видел над головой чистое небо с дневными и ночными светилами, наблюдал за горизонтом в бинокль. Оказавшись в лесах Вытегорщины, я понял, что, бинокль, с которым я странствовал по древним руслам Чу-реки

* – *Выворотень* – корневище с грунтом, вывороченным при падении дерева.

в песках Муюнкум, по такырам и барханам пустыни Кызылкум, мне совершенно ни к чему. И в первые годы жизни в лесной деревне старался возвращаться домой засветло. Вспоминая же повести и рассказы, прочитанные в детстве, где описывалась партизанская жизнь, я не мог поверить, что люди в ночное время (пусть и с проводником из местных жителей Брянщины или Полесья) пробирались лесными трощобами к вражеским объектам и коммуникациям. Днём-то в лесу гляди в оба – можно и ногу сломать, и шею свернуть, а уж ночью... Словом, описание ночных переходов в тех книгах с партизанскими сюжетами я оставлял на совести сочинителей. Нынче, провожая меня в лесную деревню, моя семья требует с меня что-то вроде клятвы, суть которой в том, что я не буду возвращаться в деревню осенними сумерками, ночью. Обычно отвечаю: «Ну, как можно! Последнее дело ходить ночью... Было дело, было, но теперь – всё это в прошлом...». Между прочим, искренне говорю эти слова. В городе и в самом деле с содроганием вспоминаю ночные переходы. Короче говоря, обещаю, а возвращаюсь, случается, и глубокой ночью. Вот и сейчас – по часам вечер, а фактически ночь, и нам надо как-то выбираться на тропу или на просеку.

Признаюсь, я был близок к отчаянию, хотя, конечно, старался не выдавать своих чувств. И мне опорой тут был Сергей Строгов, замыкавший нашу группу. Он проявил редкую выдержку. На мои вопросы и реплики отвечал спокойно, без малейшей раздражитель-

ности в голосе. Провалившись в глазник, он выбирался из него с поразительным хладнокровием.

Впрочем, среди русских молодых патриотов подобные натуры – не такая уж редкость. Смеем так утверждать. Мне приходилось водить по лесам Вытегорщины и беспартийных патриотов, и коммунистов, а также представителей православия, не желающих брать электронные паспорта; по примеру ревнителей «древнего благочестия» семнадцатого века они даже готовы уйти в леса и создать там общины. Между прочим, именно эта публика проявляет живой интерес к моему семинару по выживанию в лесу, к моим «Запискам лесного жителя», своего рода лесной инструкции для патриотов, изданной, впрочем, таким ничтожным тиражом, что даже и говорить об этом неловко.

Но если бы мне сказали, что для действий в лесных районах против врага нужно подобрать людей в группу партизанского спецназа, то я бы, конечно, прежде всего, выбрал бы Сергея Строгова.

Как сейчас вижу Сергея, его бороду, набитую снегом, напряжённый взгляд. Вообще-то Строгов – молодой учёный, биолог, к сожалению, работает за границей. Но он не из тех, которые вне политики, он из поколения молодых русских интеллигентов, серьёзно обеспокоенных судьбой Родины, пишет статьи, в которых поднимает острые общественные проблемы. Иногда слышу: народ потерял способность защищаться. Но, вспоминая эпизоды лесной жизни, Сергея в камуфляжной униформе, его чёрный берет, украшенный звёздочкой, вот что думаю: если бы Че-

Гевара (или Фидель, или Павка Корчагин) был востребован временем, то он бы завтра явился в нашем русском обществе*. Ну, а я, конечно, партизаном уже не стану, – давно вышел за пределы партизанского возраста, определённого тем же Че-Геварой, – он равен 35 годам. Разве проводником, инструктором по выживанию в экстремальных условиях природной среды взяли бы в *отряд имени Че-Гевары*.

Что касается другого спутника, то он постоянно что-то бормотал, бурчал, творил ли молитву, ругался ли, – мы с Сергеем на него просто не обращали внимания. С ним ничего не может случиться: впереди я, позади Сергей, а он – между нами во тьме метельной колышется бесплотной тенью. Слова же его для нас – что ветер в вершинах елей, что визг и стон вековых деревьев.

...Не подвели светящиеся точки компаса: вот оно, спасение наше – *изобка* в еловом бору, крытая осиновыми плахами! Ввалившись в лесное убежище, убедились, что здесь никого не было с минувшей осени. И что хорошо: нашли всё необходимое для нас. И бересты довольно, и запас сосновой смолевой щепы лежал на камнях печуры. Ну и чурбаки, конечно – и сосновые, и еловые, – сложены костром под ближайшей елью, по-хозяйски прикрытые еловой корой. И даже газеты были в избушке, предусмотрительно раз-

* – События в Новороссии подтверждают справедливость подобных утверждений. Известный петербургский историк Игорь Пыхалов, исследователь сталинской эпохи, с оружием в руках встал на защиту Донецкой Народной республики.

вешанные по стенам на гвоздях для того, чтобы их не расхитили для своих гнёзд мышки. Я не выбрасываю на помойку *брехунки*, которые всякие благодетели запихивают нам в почтовые ящики; газеты, друзья мои, – это, и растопка, и средство для удаления сырости из обуви, для утепления одежды, обуви.

...Ветер всё усиливался, выл не переставая, швырял в волоковое окошко избушки пригоршни крупы и снега. С наших одежд, развешенных на сушильной жерди или по стенам, ручьями стекала вода. Вскоре печура, обложенная камнями, загудела, в изобке стало, как в парной.

Сергей включил портативный радиоприёмник, настроил его на патриотическую радиостанцию. Как раз звучали «Рождество твое» и «Дева днесь...».

Ещё в деревне он решил, что его не отяготит в походе приёмник. Хотя вообще-то я был против лишнего груза, знал, что предстоит трудный поход. Но, конечно, не думал, что он будет таким предельно экстремальным. Выслушав мои возражения, Строгов улыбнулся и твёрдо сказал, что он без Славы Суворова в лес не пойдёт, имея в виду Вячеслава Прокофьевича Суворова, главного редактора патриотической радиостанции, известной под названием «Радиогазета Слово».

Натопив как следует изобку, пьём чай, заваренный мёрзлыми кисточками калины, а также стебельками вечнозелёной брусники и чагой. И сухих прутьев малины напихали в котелок. Далеко за этой заваркой ходить не пришлось, на тропе и прямо у входа в избушку собирали её, и теперь жилище наполнилась

благостными ароматами лесного чая, вытеснявшими тяжёлый запах сырой одежды. Улеглись на полатах, рассказываю о жизненном укладе русского населения в Семиречье, о том, как семиречи в низовьях Чу праздновали Рождество. Что касается Нового года, то он считался как бы детским, школьным праздником. В некоторых семьях даже ёлку ставили – в красном углу укрепляли на деревянной крестовине чингилевое дерево, густо осыпанное сухими острыми шипами, навешивали на него раскрашенные бумажные игрушки, разноцветные ленты (тоже бумажные), кусочки ваты. А если в семье или среди родственников оказывались шофёры или механизаторы, – то «ёлку» из колючего чингиля ещё украшали и серебристой фольгой, вынутой из корпуса отжившего своё конденсатора.

И сколько бы ни щебетали пташки так называемых «духовных» радиопередач, сколько бы ни тараторили тараторки телеканалов по поводу того, как «запрещали в советское время отмечать Новый год и религиозные праздники», а я всегда буду рассказывать о том, что хорошо помню, например, о том, как ходил рождествовать.

Конечно же, я воспитан в духе советского просвещения, и вряд ли меня можно назвать воцерковлённым человеком, случается, говел, исповедовался, но и только. Тем не менее, к Рождеству, Пасхе и Троице у меня особое отношение, сформировавшееся в те далёкие годы детства и отрочества. Это было время сталинской эпохи, ныне проклинаемой

либералами, когда троцкизм и сионизм были истреблены и, казалось, эти явления никогда не возродятся в нашей стране ни в каком виде. Сталин сделал большевизм русским. И ещё не наступила хрущёвская «оттепель» с возродившимся давлением на православие. Следует отметить, что после Хрущёва советская власть не посягала на свободу совести верующих, разве она сектантов, каких-нибудь иеговистов, всякого рода изуверов недолюбливала. И как теперь мы убедились, были на то основания. Но и это, опять же, совсем другой разговор. Тут же я считаю необходимым добавить, что в наше время вопиющей социальной несправедливости, Рождество Христово многие русские люди воспринимают как символ победы над мировым злом, страшным одичанием. Никто не оспаривает, даже и «ужасный Зюганов», что Иисус Христос – воплощение Человечности и Справедливости. Солнце Правды. В отрочестве у меня, разумеется, не было столь возвышенных мыслей. Мне и таким же, как я, мальчишкам «нашего края» Гуляевки (а это были, как правило, дальние родственники, троюродные или двоюродные дядья и братья, дети свояков) просто нравилось рождествовать.

...Как сейчас всё перед глазами. Сумеречный спозаранок, лужи проморожены до грунта, под ногами хрустит мёрзлый снег, льдинки звенят, сбитые носком кирзового сапога. Улица тёмная, ни зги, ни огонька. Редко в какой хате на широком саманном подоконнике горит лампа, запровленная

керосином или соляром. (Электрификация сёл и посёлков в глубинке Семиречья, в низовьях рек Или и Чу, была завершена во времена «брежневского застоя»).

Не горит на столбе «лампочка Ильича», но не совсем же тёмная ночь. Звёзды перемигиваются, ясно различается Большой квадрат, «небесное окно», из которого на меня во время странствий на телеге по степям и тугайным зарослям Чуйской поймы поглядывали ангелы; сугробы мёрзлого снега сияют, мерцают, густо опушенные инеем карагачи стынут – и всё это наполняет ночное пространство сумеречным светом.

Стучим с двоюродным братом Лёшкой в окно, появляется силуэт хозяина или хозяйки, машут рукой, дескать, входите. Впустив, в полумраке провозжают в красный угол с иконками, освещёнными лампадкой на очищенном рыбьем жиру. Начинаем читать-петь «Рождество твое...», а следом – «Дева днесь...». По окончании пения-чтения нас благодарят, одаривают гостинцами, это обычно – куски рафинада, какая-нибудь сдоба. Иногда и орехи. Наверное, грецкие орехи завозить с Кавказа или Узбекистана в глухомань семиреченских степей и пустынь государственной торговле было накладно, но они в то время, доставлялись даже в магазины таких нижнечуйских сёл, как Гуляевка. Или вот тоже радость! – рублёвой бумажкой отблагодарят – стало быть, в кармане билет на фильм «про басмачей», на «Тарзана», на «Чапаева»...

Случалось, стучали в окно хаты дяди Виктора Гиля, любившего петь казачьи и русские народные песни, хотя был немцем-менонитом, чьи предки, спасаясь от преследования в своём отечестве, переселились в Россию. (Особенно же хорошо у него получалось, когда он пел: «Wolga, Wolga – Mutter Wolga»). Его жена Марта Генриховна встречала нас словами: «Рождествовать у меня нельзя, иконы нет». Но без гостинца не отпускала. А уж как радовалась нашему приходу гречанка тётя Соня Пехлеваниди! И в разговорах с нашими родителями, хвалила нас за «ангельское», по её словам, пение рождественского псалма... Так вот: я не помню, чтобы нас прорабатывали на пионерских собраниях или на педсоветах за «ангельское пение»... Если бы власти запрещали Рождество, то, наверное, кто-нибудь донёс бы о нарушении законности.

Строгов вдруг прервал мой рассказ замечанием: «Не знаю, как тогда, но и сейчас, конечно, доносят, свободу любящие либерал-интеллигенты, «образованцы» всякие. Регулярно доносят на поэта Александра Харчикова. Донесли на пожилого отставного полковника ГРУ Квачкова, который, якобы, «призывал россиян к мятежу». Заслуженный, награждённый боевыми орденами воин, почтенный ветеран встречает Новый год и Рождество в Лефортово, в узилище для государственных преступников. А православный писатель Константин Душенов!.. Мне сказали в вашем Союзе писате-

лей: не стоит волноваться, он же только на поселении в Княжево. Решил его навестить, поехал – куда там: за двумя рядами колючей проволоки встречает известный православный публицист Рождество...»

Свои рождественские воспоминания я не завершил. Утомлённый переходом, провалился в сон, но ненадолго: проснулся от рыданий рождественской бури, завываний ветра в трубе.

Теперь из приёмника доносились набатные ритмы песен Русского сопротивления, звучал волшебный рефрен: «Светлая моя Русь!». Одну из таких песен бард исполнил с необыкновенной силой, выразив в полной мере оскорблённое национальное чувство. Вдруг прорезался наглый картавый голос либерального вещунка, принявшегося занудно талдычить об ужасах тоталитарной власти в СССР, о расстрелах в Катыни по версии Геббельса и поляков-руссофобов. Сергей, желая улучшить слабое звучание патриотической радиопередачи, неудачно стронул колёсико настройки. Картавый вещунок не умолкал, только его и было слышно. Что и не удивительно, если учесть ничтожную мощностность единственной в Северо-Западном регионе России русской патриотической радиостанции. Наконец приёмник выключили, и я услышал тихий разговор спутников: «Будто находимся в партизанском краю. Словно откуда-то с Большой земли, к нам доносится голос не сломленного народа... У нас с тобой всё впереди... Лесные уроки Егорыча, его тропы и

схроны пригодятся... Американская база в Манасе... Украина...»

«Хорошо-то как в лесу на Рождество», – подумал я и потянулся было за блокнотом, чтобы записать настроение, да и подробности похода. Но ничего не сделал, тут же уснул и спал почти до полудня.

Решка
K-3(2012)

ЗК-2(06)

ЗК-1/2014

АЛБЕР
ДЛЯ РИС

4 на 5 см
5 см

III

ИСТОЧНИКИ МЕСТНОЧТИМЫЕ

Иордань в Рысельге. Зимнее солнцестояние

23 декабря. Зимний мглистый день, север до костей ниже, щёки обжигает. Обыкновенный для Прионежья в это время года день.

Позавтракал картошкой вчерашнего приготовления, встал на лыжи и побрёл в Рысельгу. Наст хорошо держит, но по крутякам Фомкиной горы, поросшей чернолесьем, проворно не побежишь, да и лыжник я неважнецкий. Хотя вообще-то на лыжах меня учил ходить сам Глеб Горышин, редактор когда-то знаменитой «Авроры». Среди обитателей дома творчества в Комарово Горышин считался первоклассным лыжником. В «Авроре» меня не печатал, к моим *семирекам и сайгакам* он был равнодушен, а на лыжах научил ходить, за что ему и спасибо.

Мне случалось быть в Рысельге, но только в день летнего солнцестояния (а сейчас – зимнее). Мимходом, по возвращении с дальнего Корбозерского урочища завернул в Рысельгу, и тогда я *талого* ручья не обнаружил. Жажду утолял чёрной водой из Перга-ручья. Мудрено найти ручеёк летом в бывшей лесной деревеньке.

Шагал Корбозерским зимником да радовался, а в окрестностях Рысельги попал в настоящие крепки: гу-

стые травы в рост человека, да ещё вперемешку с крапивой, кустарником, осиновым мелкоколесьем. Задичало урочище. И там, где родник с «иорданом», густолиственный черёмушник вперемешку с валежником. Известно, снег зимой накапливается на боковых отростках, на разлогих толстых сучьях черёмух, они разламываются, а ветви, придавленные к земле, по весне укореняются, оттого пространство вокруг быстро зарастает, дичает.

«Черёмуха захламляет округу. Сорно деревцо», – говорит Михаил Авдеев.

Для зверя травяные и древесные чащобы – отличные условия обитания, а для такого, как я горемыки – ну просто крепь непролазная. Добро – медведи к яблоням проложили тропу. А то бы пришлось Рысельгу стороной обходить. Тогда, в июле, не было никакого желания даже и на полчаса останавливаться в Рысельге: оводы тучей висели, а накомарник не защищал. Кровососы проникали под сетку, бились о стенки её, производя ужасный грохот своими крыльями, ну, и жалили немилосердно. Летом на вырубках, на моховых гладях, вообще на открытых пространствах всегда много оводов. Спасение только в тени ельника, под пологом леса.

...Перга-ручей скован льдом, завален снегом. Сухо шуршит снежная крупа, верховой ветер шумит, гуляя среди голых вершин деревьев, хвойные лапы шипят. Перга-ручей, как и многие ручьи Прионежья зимой промерзает почти до дна, потому-то его и не видно и не слышно. Впрочем, меня интересует не-

большой приток его – безымянный *талый* ручей. Ради этого и поднялся на урочище. За прилётом птиц лучше всего наблюдать с ранней весны (когда ещё голоса прилетающих птиц не сливаются в звуковую какофонию), а *талые* (незамерзающие) ручьи в лесу предпочтительнее обследовать зимой.

Прошёл на лыжах туда-сюда, но по-прежнему не видно и не слышно бегучей воды. Неужто и талый промёрз до дна, его завалило снегом? Кругом мёртвые сугробы, тишина, покой. Валежные деревья, пни и сучья в изморози, под шапками и пластами снега изваялись в какие-то фигуры, в которых фантазия и прихотливый глаз человека видит чудищ, зверей, фигуры сказочных персонажей. Выставка скульптур в духе модернизма и сюрреализма.

Стой, не шевелись, где-то журчит! Осмотревшись, замечаю проталинки с зелёными стеблями осоки и листьями папоротника.

Сошёл с широких лыж, как с плота в воду погрузился в сыпучий глубокий снег, осторожно спускаюсь в русло ручейка, стал на колени на краю омута, над которым нависает сугроб и ледяной козырёк. Вода *белая* (прозрачная, не «лесной чай», как в Перга-ручье летом), на дне омута чистый белый песочек. Зачерпнул солдатским котелком – ручеек замутился, но и тут и очистился. Верный признак выхода ключей. Такие незамерзающие источники и ручьи на Вытегорщине и называют *талыми*, *белыми*, и даже – *холодными*. Вопреки утверждению деятелей из «Онегалеспрома», их не так много. По своему не-

вежеству, лесозаготовители не видят уникальные природные объекты. Или лукавят, делают вид, что не понимают, о чём речь.

Вода приятная, какого-либо привкуса, свойственного обычным лесным или болотным ручьям, нет.

Поднялся вверх, где исток безымянного ручья питают родники, выклевывающиеся из-под огромного сугроба на склоне Рысельги. Здесь выстроились в ряд высокие осины с ровными стволами, подобные колоннам, сучья где-то в поднебесье. Истинно античные колонны, только повыше античных колонн.

Вдруг выглянуло солнышко, омут парит, как чан с тёплой водой, сверкают сосульки, колеблемые токами воздуха, ещё и чуть слышно звенят... Иду вниз по ручью, иногда останавливаюсь на минуту, чтобы послушать струение воды. Эти звуки отзываются в душе музыкой. А вот и чёрные чурбаки, образующие правильный квадрат. Можно не сомневаться: это как раз то, о чём рассказывала моя соседка Вера Степановна – остатки «иордана», иордани, купели для водосвятия. Известно, дерево в воде не гниёт, тем более в ключевой.

Вода в омуте прозрачная, видна каждая соринка. Некоторое количество песка в середине сохранившегося основания сруба вскидывается и откладывается вдоль чёрных, гладких, словно покрытых лаком, чурбаков.

Давно люди покинули деревню, неведомо, когда сгнили верхние венцы сруба. А часовню, рассказывают, местные охотнички извели на устройство ноч-

ных костров. Но талый ручей живёт, бьют ключи Хрустального родника (дадим такое название источнику, он этого заслуживает) у основания сугробаazole могучей безукоризненно ровной осины. Ныне урочище не кажется гиблой трущобой.

На снегу по берегу ручья много заячьих следов, есть и красивые лисьи кружева, как же без них, если зайцы бегают. Тут и там осиновая поросль обглодана, а ивовые побеги высоко, выше человеческого роста сгрызены или обломаны – лоси харчилились.

В беседах со старожилками меня, прежде всего, интересуют *местнотимые* источники, подобные тем, что удостоены упоминаний в древних литературных памятниках. Автор поэтического «Слова о погибели русской земли» восклицает: «О, светло светлая и красно украшенная земля русская! Многим красотами дивишься ты – озёрами многими, дивишься ты реками и источниками *местнотимыми*...».

Читая литературные памятники, убеждаешься, что на Руси, изобильной чистыми озёрами и реками, кипучие родники и ручьи считали народным, национальным достоянием, а вот порчу их врагами ставили в один ряд с другими злодействами.

Вспоминаю рассказы моей деревенской соседки, 96-летней Веры Степановны Эховой. И после смерти мужа Николая Михайловича она живёт в деревне Курвошский Погост. Только в октябре, в конце сентября, внучка Светлана, по профессии медсестра, увозит свою бабушку в Сестрорецк, поближе к врачам. Раньше этого времени бабуля ни за что не

соглашается покидать деревню. Вера Степановна утверждает, что даже и в Великую Отечественную в избах Рысельги не остывали очаги, хотя вражеские (финские) самолёты низко пролетали над тесовыми крышами. Исчезла, тихо угасла деревня без трагедий и потрясений, об этом никто не печалится, кто тут виноват?

Особенность рассказов Веры Степановны в том, что даже и события полувековой давности живописует так, будто это было вчера. А уж как припечатает какую-нибудь сударушку из Мегры или Ошты – только держись: «Заходит ейный муж, а она сидит у него на коленях свой рыбник расширивши...». Или вот про Ельцина, когда тот до власти дорвался: «Этот парень научит нас всех в бутылку с...ть, горлышко не замарав...»

Верить нашей долгожительнице, народ в Рысельге жил сыто, не голодал. Дружно жили, между собой не сварились, не клепали друг на друга.

– Разве в Курвошах жили хуже? – спросил как-то Веру Степановну.

– Да ещё бы не хуже! В избах курвошан никогда едой не пахло, завсегда головешкой пахло, – отрезала древняя собеседница и поджала губы. Дескать, о чём тут толковать. Хотя она с самого замужества, с восемнадцати лет, живёт в деревне Курвошский Погост. Выходит, Рысельга ей по-прежнему дорога, как для меня Кумузёк, Карагильские разливы или Гуляевка. Тут необходимо уточнение: если в деревне говорят, что у кого-то в избе *пахнет головешкой*, то

это, скорее, не признак нужды, а свидетельство нерадивости, неумения вести домашнее хозяйство или добывать пропитание в лесу и на своём подворье. У меня в избе как раз чаще головешкой пахнет, чем едой. Разумеется, в том случае, если жена или дочь задерживаются в городе и долго не навещают мою лесную деревню.

Что ты будешь делать?! Меня опять уводит в сторону, с тропы сбочил, отвлёкся на другой разговор. Послушаем же нашу добрую старушку.

– Дедушко наш, а потом и отец, заведовали ёрданом. (Именно так звучит слово «иордан» в устах старушки). И часовней заведовали. Да и тальм ручьём тоже – до того места, где он впадает в Перга-ручей, заведовали. В порядке содержали и часовню с ёрданом, и тальм ручей... Ты, верно, не знаешь, что ёрдан в нашей деревне устраивали на Кирика и Улиту. А в других деревнях ёрдан был в другие дни... Например, курвошане на Большом Талом ручье ёрдан справляли в Духов день, на другой день после Троицы. Из деревни Курвошский Погост, а также из нашей Рысельги на Большой ручей тропы ходалые были налажены, по которым мы туда ходили. Потому как на Большом ручье много народу собиралось, со всей округи Курвошского Погоста собирался народ, настоящий праздник там был... А вот и на нашем талом ручье в Рысельге, пусть и без названия он считается, тоже ёрдан был, только не такой шумный, как на Большом талом. Бывало, за два дня до Кирика и Улиты дедушко давал задание: «Ну-ка, дев-

ки, намойте хорошенько ёрдан и часовню». Уж мы и старались. А как же: батюшка будет святить воду, народ будет святую воду брать себе на пользу. А в другие дни бельё полоскали в талом ручье...

«Как можно, святой ручей...», – хотел было сказать, но сказал другое: «Как же так – ручей совсем мелкий...»

– В самом ёрдане и полоскали. Мы его наполняли доверху и полоскали бельё. А потом конечно, выпускали мытьевую воду, сруб намывали. Следили, чтобы порядок был...

Как видим, народ практически подходил даже к источникам. Вера Степановна мне по такому поводу сказала однажды учительно: «Знаешь, парень, Богу угоден трудящийся, чистоту соблюдающий человек...»

Местное священство это знало. Главное, чтобы сруб к водосвятию был очищен от ила, чтобы часовня была намыта и выскоблена. И по берегам не было бы трухлявых колод, кустарника, травяных джунглей в рост человека, как теперь. Для того и назначался старостой истинно справный мужик Степан Демидович Спирков (отец Веры Степановны). Между прочим, он в колхозные времена бригадировал, даже короткое время был председателем невеликого колхоза «Клим Ворошилов», объединявшего крестьян всё той же Рысельги.

Но не одни «иорданы» у меня на уме, не мог не расспросить я Веру Степановну о коллективизации. Живой свидетель, больше уже никого нет! И память хорошую сохраняла почти до конца дней, хотя и жаловалась порой, что «язык туповат стал».

Всего в округе Курвошского сельсовета, в котором насчитывалось 1200 дворов, раскулачили двух мужиков. Средняка Онина раскулачили, совершенно лояльного к советской власти, мужика честно-го, притом же возглавлявшего колхозную бригаду; ещё и кузнеца Чиркина раскулачили. И ведь в лагере мужики оказались по свидетельским показаниям землячков, а не по указанию Сталина, и даже не по злой воле Берии, который, возможно, и не был грозным наркомом в то время, когда раскулачивали и ссылали курвошан. Об этом мне рассказывала не одна только Вера Степановна. Много чего рассказывали во-время *горбостройки* и ельцинских реформ долгими осенними или зимними вечерами деды, замшелые вытегорские лесовики, мужики-фронтовики, вытащившие на себе колхозы в послевоенное лихолетье, никого нет на свете, пусть земля им будет пухом...

По заверениям Веры Степановны, ничего подобного в любезной сердцу её Рысельге не было, и быть не могло. Поверим на слово нашей славной старушке.

Между прочим, кузнец Чиркин из лагеря вернулся живым-здоровым, что просто потрясло вдов, чьи мужья погибли или пропали без вести на фронтах Великой Отечественной войны. На глазах у всего народа Чиркин достал пачку денег, отправил паренька Мишаню Киршова в магазин за водкой, всех стал щедро угощать.

Якобы Чиркин с горечью воскликнул: «И-ихь! Мешал я им!». Но тут же и добавил: «А зла не дер-

жу. Вот встретил бы сейчас – и тоже бы угостил... Видите, я живой, и руки-ноги целые. На поселении был не последним человеком. Там тоже ковали нужны были, и там тоже трудящегося человека ценили. А взяли бы на фронт... И-ихь!»

Надо заметить, подобные разговоры я слышал от ссыльных немцев во время странствий по Семире-чью. В семидесятые годы многие из них работали в природоохранных структурах. И, между прочим, все эти *маллеры*, *герберсагины* и *кирхмаеры* были добросовестными егерями, лесниками, лесничими, директорами заказников и лесхозов. Востребованы ли в новом отечестве их уникальные знания, опыт защиты живой Природы? Очень хотел бы я это знать...

«Никита наш, Хрущев, – записано в одном из путе-вых блокнотов, – клеймил Сталина. Некоторым нравились речи Хрущёва, есть люди, которые креп-ко обижаются на Сталина... Если по правде, без по-литики, то, может, мы ещё спасибо должны сказать ему. Настрадались мы, конечно, в трудфронте, но не больше горя хватили, чем русский человек – живём ведь, радуемся, и не увечные... Кого в Си-бирь сослали, кого – в Фергану, там и зимы не бы-вает, а нас вот – в Семиречье. Не Ферганская доли-на, но тоже арбузы, дыни, кукуруза. И даже сахар-ный тростник выращиваем и давим, мёд варим. Если трудиться, как следует обрабатывать подво-рье, да во время поливать, то, получается, что и тут не хуже, чем в Поволожье или на Украине. В каж-

дой семье мужики здоровые, увечных инвалидов нет. Сам знаешь, как горе мыкала ваша соседка вдовая, Таня Гапонова... Днём в колхозе она с кетменём мантулила, а после работы, в праздники и выходные – с тем же с кетменем на своём подворье убивалась... А ну-ка обработай тридцать приусадебных соток! И детей надо накормить и в школу отправить в чистых рубашках да в наглаженных галстуках, да присмотреть, чтобы не натворили чего-нибудь, непоседы, сорванцы, безотцовщина сирая... Кто бы мог подумать тогда в Гуляевке, что ты поступишь в Ленинградский университет, говорят, стал корреспондентом журнала «Вокруг света»... А хотя бы и нештатным, – «Вокруг света» же, не какой-то брехунок! У тебя тоже отец рано помер, говорили, фронтовое ранение сказалось ...»

Ну, конечно, это страницы совершенно другой книги.

Сиж у ручья на черёмуховой колоде среди сугробов, разглядывая зелёные кружева папоротника в русле талого ручья, и тоже зелёные, как лук зелёные, стебли осоки, согреваемые теплом ручья, упирающиеся в нависающий ледяной козырёк и сугроб. Однако не могу и нынче в Рысельге задерживаться. Становится мглисто, мутно. Что же удивительного – день зимнего солнцестояния самый короткий день в году, и в средней полосе России – не более семи часов, а в на Вытегорщине и того меньше. Торопись, путник, как бы метель не закружила – снег уже крупными хлопьями валит, и всё вокруг помрачается с

каждой минутой, надо, надо поторапливаться... Как-нибудь осенью с кошельком загляну сюда. Может, калины наберу: вижу, тут и там серые прутики из сугробов торчат, на которых капельками крови рдеют мёрзлые ягодки. Калина, смешанная с сахаром, – лакомство, ценимое в моей семье наряду с брусникой и клюквой...

Праздник сладкой печали

Управился с деревенскими делами: выкопал картошку, насобирал и клюквы. В минувшие дни ягоду по мхам собирал дотемна, поэтому ночевать приходилось в дощатой будке на просеке или под елью на краю болота, привязав к хвойным лапам кусок плёнки на случай дождя. Теперь можно и в Рысельгу заглянуть. Много лет живу в деревне, а в Рысельгу осенним днём всё как-то не было дороги. Может, так бы и не собрался, если б не калина.

Летом я с Корбозерского зимника завернул на урочище, мечтая здесь напиться из Хрустального родника, о котором был наслышан. Славный денёк тогда выдался: оводы и слепни поедом ели. А жажду утолил Перга-ручей, самый обыкновенный лесной ручей с тёмной торфяной водой, похожей на лесной чай, заваренный чагой. Но что Перга-ручей! Есть страны, где всю жизнь пьют и солоноватую, и мутную воду. И в России есть области, где пьют такую же воду, ещё и радуются, узнав о том, какую воду лакаем мы, жители столичных городов, мегаполисов рыночной цивилизации. Отравленную воду пьём, это может подтвердить любой честный специалист-эколог. И никакие фильтры не помогут, никакие инспектора из «Водоканала», надзирающие за уровнем предельно допустимого загрязнения в источниках городского водоснабжения, нас не спасут, если Нева

отравлена вредоносными металлами и химическими соединениями, разрушающими человеческий организм.

И зимой в декабре минувшего года я не задержался в Рысельге, даже чай не пил, поскольку в лесу после полудня густой снег повалил. Удачная получилась зимняя экскурсия: удалось отыскать и тальный ручей, и его истоки, и место, где был сруб иордани.

Старые коряжистые яблони, с сучьями, обломанными медведями, точно указывают место, где находились дома и подворья жителей Рысельги. Впрочем, говорят, большей частью яблони произвели крутые охотнички, приезжающие в Ошту из Питера или из какого-нибудь Гамбурга-Мюнхена. «Буржуины-жидовины приехали, – сообщил мне вчера Авдеев, – Медвежью берлогу рыть приехали... По примеру олигарха Черномордина уже всех медвежат в округе перещёлкали. Что и говорить, крутые охотники...»

Согласен с читателем, который сидит и в душе автора этого лесного повествования: надо поближе познакомиться с нашим незримым собеседником.

Родился Михаил Авдеев в деревне Курвошский Погост, в годы ельцинской разрухи жил здесь, рачительно, со свойственной авдеевской породе основательностью, вёл крестьянское хозяйство (трактор, жеребец, овцы романовской породы, корова, пожни, картофельный *рассажник*), но не было никакой возможности реализовать продукцию: картошка-синеглазка, превосходное молоко, настоящее вологодское масло!!. Свернул хозяйство, переехал в село

Ошту. В прошлом он работал лесником, а лесовик он – с рождения, природный, и таковым останется навсегда. Нет-нет, да и вспомнишь в лесу его.

...Хорошо плодоносили деревья, до сих пор оставшиеся яблони плодоносят, недаром медведи ломают сучья. Известно, *сивер* в Прионежье пагубен для фруктового дерева, но Вера Степановна уверяет, что яблоки из Рысельги для компота хороши. Так вот же – на дрова поизвели почти все яблони, как и часовню. Между тем, чтобы заготовить отличное топливо для костра, нужно только протянуть руку. Вокруг чащоба лесная: и берёза, и ольха, и ель, реже – сосна. Можно сказать, тайга. Не надо далеко ходить, чтобы найти жарину для устройства нодьи, но, конечно, надо немного потрудиться – надо ведь в чащобу идти, в пехняги, волочить оттуда эту самую сушину-жарину, не царское это дело, говоря современным языком...

Не о том речь, бог с ними, с яблонями! На бывших подворьях сохранились кусты калины, вот что меня сюда привело, и я эти кусты намерен нынче обобрать до последней ягодки. Ради калины-ягоды, горькой-прегорькой калины красной, я и притопал в Рысельгу.

День прохладный. На открытых пожнях и нивах (бывших пожнях и нивах, теперь же поля бурьяном и кустарником позарастали), где сиверу раздолье, так и очень даже неуютно, особенно если на тебе – летняя куртка. Однако же – сухой день, солнышко, пусть и не жаркое, приятно греет. После обеда и совсем

прояснилось. Всюду в лесу ощущаются пряные горьковатые запахи палой листвы и вянущей травы.

Перед тем, как подняться на гриву, где располагалась деревня, я отдыхаю на берегу Перга-ручья. Любуюсь ярким рыжим облаком кленовой поросли, словно бы плывущим над блестящими струями ручья. Кругом багряные кострища рябины, уже и листья красные, а не только кисти. Урожайная нынче рябина, медведю лакомое изобилие!

...А потянет ветер – листья осыпаются, валом валют так, что возникает пёстрая завеса. Иногда листождёрные порывы ветра довольно свирепо обрушиваются на рябины и осины, производят там немалые опустошения. В лесу настоящий листопад, лист валит массой, рыжая метель кружит. И даже если и нет ветра, всё равно листья в воздухе мельтешат стаями жёлтых бабочек. Просеки и поляны выстланы багряной и жёлтой листвой. Чащи во многих местах сквозят. И вот – уже исчезло рыжее облачко над ручьём, только серые прутьики сиротливо торчат. Оголившись, и без того невеликие деревца совершенно потерялись среди берёз и осин. В этих краях клёны, за редким исключением, живут под пологом матёрого леса, потому-то они убогие, низкорослые. Теперь уж так до весны, точнее – до июня, когда у клёнов появится крупная листва. Но украшением леса они станут, конечно же, с наступлением очередной золотой осени, при этом надо иметь в виду, что в наших краях не каждый год бывает *золотая* осень. Любуюсь ёлочкой, осыпанной разноцветной палой листвой разных оттенков – от

ясно-жёлтого, с прозеленью, до ярко-красного, вишнёвого. Ёлочка словно бы принаряжена к новогоднему празднику, хотя ещё только день осеннего равенствия... Пиршество для взора ненасытного.

Перед лицом проплывает комарик. Ну, это нынче, после утренника, комары такие смиренные и безвредные. А вчера вечером, в деревне, изрядно злобствовали, когда я пихал в гору велосипед с мешком выкопанной картошки.

В лесу тихо-мирно. Но это обманчивая тишина. Добры молодцы из лесного департамента во главе с лесничим Оштинского лесничества Батюком уже нарезали делянки под высечку за Рысельгой, причём как раз там, где формируются истоки Большого Талого ручья, наиболее чтимого в прошлом источника. Бывший колхозник и несостоявшийся ельцинский фермер Васька Курицын суетится, устраивает мигрантов-лесорубов, приехавших леса Оштинской долины «профессионально» истреблять. Придётся опять депутату письмо писать с просьбой направить запрос губернатору по поводу «водоохранки». Получается, что они только на бумаге – эти самые приречные водоохранные зоны.

Доносится несмолкаемое верещание дроздов и каких-то лесных птах, расклёвывающих гроздья рябины. Такая вот ещё лесная картинка: стоит рыжая ольшина, а на ветвях её рдеют грозди ягод. Значит, на соседней высокой рябине свиристели или дрозды резвились. Эх, верно, птицы и мои заветные, *нагляженные* ещё летом кусты калины раздербанили...

При этой беспокойной мысли ускоряю шаги. Думаю же так: а хорошо, что резвятся и разбойничают свиристели с дроздами. Пусть роняют ягоду, струи Перга-ручья весной по всей округе разнесут плодоносную косточку. Может, через несколько лет в окрестностях уже нашей деревни, в том месте, где этот ручей петляет по луговине и, перед тем, как влиться в Сеп-ручей (приток реки Ошты), выходит из берегов в паводок, появятся новые побеги калины, может, даже и не хуже тех, что в Карданге повыворчевали людишки из «Онегалеспрома». Их в местной прессе важно величают лесопромышленниками, хотя уместнее называть лесоистребителями, лесограбителями. Все окрестности вокруг разрушили, устраивая лесную биржу, – площадку для разделки леса и укладки штабелей. Бульдозером содрали верхний слой земли вместе с кустами калины, с плодоносным гумусом, который веками накапливался на месте *первобытного* Кардангского соснового бора, среди которого и укоренилась в оные времена деревня Карданга. Теперь от этой деревни и бора остались три сосны на деревенском погосте. Могучие толстые деревья с кручёными стволами и сучьями, подобными обычным деревьям, величественно возвышаются над древними могилами, полусгнившим срубом часовни, штабелями гниющего брошенного леса.

Говоря языком Веры Степановны, *галаты несмысленные* вывернули *белужину* в Карданге, обнажили *матёрую* землю. А там, где ещё четверть века назад стояли крепкие рубленые дома (даже и в два этажа были

дома), ныне сиротливо торчит почерневший от снегов и дождей, скособоченный от бесхозности «дом» несостоявшегося фермера Васьки Курицына. Значительную часть угодий бывшего колхоза-миллионера и бывшей деревни занимают гниющие отходы лесозаготовок. Громадные кучи толстых сучьев, реечника и горбыля – первое, что можно увидеть в Карданге. Отличные условия для размножения жука-короеда, червя-древоточца! Да и некоторая часть и делового кругляка почему-то гниёт и прееет в штабелях, теперь и на дрова не годится этот лес. Даром не возьмут в Оште – заплати за доставку дров, а тебе привезут прелый хлам, которым, ну, никак не накалить зимой лежанку, нет уж, спасибо, кормильцы!.. Доставка дров теперь не дешёво обходится, не колхозные времена... Роскошная калина была в Карданге! Пятнадцать лет назад, мне и в голову не приходило ради калины совершать экскурсии в лес, подобные этой. Сел на сталинский велосипед марки ЗИС, покатил по колхозному грейдеру, и через десять-пятнадцать минут в Карданге...

Как-то спросил этого Ваську Курицына, якобы, отдавшего свой колхозный пай и всё фермерское хозяйство в аренду «Онегалеспрому» за несколько бутылок «жириновки», палёной водки, изготовленной в череповецком подвале кавказцами:

– Вырубят леса Оштинской долины, вывезут эти штабеля, захотят твои дети и внуки, снова вернуться к земле, – что тут будет расти?

При этом я указал на вывернутые глыбы матёрой земли, на разводы соляра и машинного масла в лу-

жах, на фрагменты раздавленного лесовозного аккумулятора...

– Заставим расти! – уверенно ответил мой собеседник. – Обработаем химией – во картошка будет! – Пьянчужка вскинул перед собой кулак, демонстрируя размеры чаемых в будущем клубней. Что и говорить, оптимист Васька. Помнится, *прорабы перестройки* всякие черниченки и немцовы в конце прошлого века твердили: «Только справный фермер Россию накормит, а совки-колхозники не умеют и не хотят работать...». И простодушный русский человек верил! И сейчас готов откликнуться на призывы всё тех же немцовых выйти на Болотную площадь, как и на Украине, голосует за олигарха, тратившего миллионы на перевоз проституток в Куршевель.

...Но вот и пришёл, куда надо: кусты калины, а кругом чащобы лесные, такие же, как и всюду: ольха, осина, а между ними – тёмные пирамиды елей. Черёмуха, конечно, как же без неё. И «мост» через талый ручей – стволы осин и берёз, которыми просто-напросто завалено русло ручья. Деревянные горбатые мосты строить подобно тем, какие строились мастеровитыми вытегорами в старинные колхозные времена, нынче «Онегалеспрому», якобы, накладно. Поэтому лесозаготовители, повторяю, просто заваливают ручей в месте переезда стволами осин и берёз, а иногда и толстыми комлевыми частями елей. Представьте себе, когда-то чтимый народом, *талый* ручей заваливают, уникальный памятник природы губят. Слышу, слышу голоса заклятых друзей из об-

ластного природоохранного департамента: «Ну вот – уж и ручей не замути! По Вологодской области тридцать тысяч озёр, не счесть этих ручьёв... А как же лес вывозить? Да ведь и с выгодой надо вывозить, так, чтобы не остаться в накладе, даже и наш президент призывает всех россиян и каждого в отдельности показывать конкурентоспособность. Опять же, инвестиции в экономику области, рабочие места... Мигранты, говоришь? Ну и что же, что мигранты? Во всём цивилизованном мире так...». Вопросами же экологии, судьбой Природы-матушки господа чиновники не озабочены. А руководители страны? Слушал речь премьер-чиновника на очередном *давосе* – смехотворные рассуждения об альтернативных источниках электроэнергии, о «заповедниках, которые, конечно, надо охранять, но без фанатизма». Все эти и подобные им слова премьер-чиновник произносил, по своему популистскому обыкновению, с металлом в голосе. Отличный материал для политического памфлета, но я всего лишь скромный литератор, очеркист.

...Срываю тёмно-красные, винного насыщения ягоды. Иную кисть, прежде чем бросить в берёзовый кошель, разглядываю. Поднесёшь к глазам кисть – косточку видно. Ягоды чистые, без налёта пыли и гари. В Карданге или на обочинах Шимозерской дороги, по которой день и ночь громяхают лесовозы, да хотя бы и в нашей деревне Курвошский Погост, такой ягоды не увидишь.

Ощипав скудный урожай на старых кустах, вымахавших в лесной чащобе до трёх-четырёх метров, спускаюсь в балку, заросшую осинником. Здесь тихо, как будто и ветра нет, только вершины высоких деревьев шумят и гудят. Но иногда сивер прорывается и сюда, производя здесь опустошение.

Известно, 23 сентября – день осеннего равноденствия, – особый день, вроде как праздник... Ну, разумеется, не для всех особый, а только для скитальцев подобных мне. Тому, кто плавает по морям-по волнам, странствует по пустыням, по лесам и тундрам (по своей охоте или по необходимости, диктуемой профессией), не нужно объяснять значение дней равноденствия, когда солнце всходит точно на востоке и заходит точно на западе, что представляет удобство для определения времени без часов, для ориентирования без компаса. Ну и сама природа в это время находится в пограничном состоянии. Незначительные отклонения тут не имеют особого значения. День равноденствия, можно сказать, конец бабьего лета, время окончательного прощания с летом, говоря народным языком Веры Степановны, *всякому лету аминь*. В старину на эту пору осени приходились всякого рода обряды, ныне они прочно и навсегда забыты. А вместе с ними – и вековые наблюдения. Вчера мне Вера Степановна, сообщила: «Убрала репу и свеклу. Корень нынче в земле никак не растёт, а – только зябнет».

Моё внимание привлекли длинные побеги калины с крупными, тёмно-зелёными листьями (по виду, как на огуречных плетях), на которых почти не было

ягод. Да и дивно ли: побеги затенены, окружены осиновой порослью, тянутся к свету и, судя по всему, не собираются плодоносить. Вынул из чехла топор и, чтобы прибавить калине света, принялся энергично сокрушать осиновую поросль. Уж так хочется, чтобы в округе Курвошского Погоста, деревни, зарастающей дурниной, чернолесьем, было бы побольше калины. Вот и прореживаю. А то начнёшь искать калину-ягоду – ноги сносишь. В нашей деревне, заселённой дачниками, калина пользуется большим спросом: по некоторым сведениям, калина удаляет из организма молочную кислоту (или способствует этому), уменьшает нервную возбудимость. Всем нужна нынче горькая ягода-калина, а вблизи деревни осталось три жалких куста. Да и те перестали плодоносить, задурнились мелколесьем, чащобами кустарника, глушатся бурьяном.

Вот и рублю осинку, застящую свет калине красной, осветляю плодоносные кусты.

Намахавшись топором, присел у комля толстой дуплистой осины. Чуть в стороне алые гроздья волчьего лыка дико зреют. Как раз на тропке, ведущей к Большому Талому ручью, куда и жители Рысельги ходили на «иордан» в Духов день. Человечьи тропы долго сохраняются.

Рощи всюду обнажились, а на этом могучем дереве листва лишь чуть тронута желтизной. На вершине листья кипят, шумят, в то время как ствол дерева, и даже верхние сучья, – совершенно неподвижны. Наверное, будет шуметь и кипеть листва этого лес-

ного великана до морозов, пока не пожухнет, а сорвут её зимние сивера...

Наблюдаю, как ястребок-габука гоняет глупых молодых сорок. Одну из них он, похоже, серьёзно ранил. Вихляясь, птица ушла от разбойника, скрылась в чащобах ольхи.

Вспоминаю, как я первый раз ранним утром притопал в деревню Курвошский Погост, где я теперь, по слову Веры Степановны, «прописан навсегда». Наверное, потому вспомнил, что это случилось как раз в день осеннего равноденствия. До свёртка в сторону деревни я приехал на колхозном автобусе с лесорубами. (Колхоз тогда ещё был жив, хотя и хирел – перестройка грянула!).

Спрыгнув со ступеньки автобуса, я зашагал лесным колдобистым просёлком. Листья на берёзах и осинах едва дрожали. Громко, вот как сейчас, свистели и верещали птицы, то и дело перелетавшие с места на место тут и там. Кроме писка и пересвиста птиц, слышался шум ручья, и чем ближе к деревне, тем сильнее он шумел.

Выбравшись из унылого мелколесья, увидел дивную картину – открылась разлогая долина с холмогорьями, покрытыми лесами, расцвеченными красками золотой осени, а вблизи – холм с берёзовой рощей на сглаженной вершине, и тут же насыщенно-зелёная луговина, на которой блестели лужи ночного дождя. Васильевский мокрый луг*. По отверш-

* – Автор имеет в виду выдающегося русского пейзажиста В.В. Васильева и его поэтическое произведение «Мокрый луг».

кам чернели избы и разные крестьянские постройки, среди которых выделялось высокое стройное деревянное здание; угадывался заброшенный храм. Именно – угадывался, поскольку не было ни куполов, ни звонницы, ни крестов. И по склонам холма виднелись луга с тёмно-зелёной отавой. Судя по всему, деревенская гора тщательно выкашивалась, ни кустиков, ни рыжего бурьяна. Тут и там возвышались стога сена, успевшие уже потемнеть.

Верещанье птиц, шум ручьёв (как оказалось, в пределах деревни два больших ручья), зелёные угоры, озарённые утренними лучами, сруб храма на холме, избы, казавшиеся безлюдными в этот ранний час (дым нигде не курился над печными трубами), – всё это вызвало в моей душе сильное смятение. Спазмы перехватили горло, я вдруг почувствовал слабость в ногах, присел на придорожный камень.

Сколько таких, полузаброшенных и совершенно заброшенных деревень и хуторов перевидал на своём веку, но не припомню, чтобы я прежде испытывал такое сильное чувство при виде деревни, также показавшейся мне заброшенной.

...Сидеть бы вот так, под этой густолистой осиной да предаваться сладким или грустным воспоминаниям, радоваться сущей природой, ещё сохраняющей величие. Но тревога не покидает меня и здесь, в глухой, заросшей лесом балке.

Нынешним летом нам, дачникам и бывшим колхозникам, с большим трудом удалось вытурить экскаваторный погрузчик «Онегалеспрома» из карьера

посреди деревни. Не успели порадоваться маленькой победе, как узнали, что скверные людишки из того же «Онегалеспрома», объединившись с торговцами гравием, открыли новую выработку в долине реки Ошты, реки форелевой. (И краснокнижный хариус водится!) А ещё, ходят слухи, – готовят к открытию карьер и в деревне, уже, якобы, землеустроители отвели землю под карьер какой-то вологодской фирме. Причём, как сообщили мне защитники природы из Вологды, карьер-то будет промышленный!

И в самом деле – *галаты несмысленные!* Землю надо утучнять навозом, пахать, вы же её изъязвляете глубокими, вечными шрамами, сдираете с неё плодородный слой, зелёные лесные одежды.

В моём многострадальном Отечестве, когда-то гордо и грозно именовавшемся словом Советский Союз, совершаются «оранжевые», бандеро-фашистские* и прочие «революции» (то есть перевороты, спровоцированные *цивилизованным миром* во имя торжества западной капиталократии), а отношение к земле, к природе остаётся прежним. Да что там – во всём ухудшилось это отношение за последние два десятилетия... Тут вполне уместно напомнить, что только в колхозе «Большевик» (без учёта *частного сектора*) было около двух тысяч голов скота, теперь

* – Работа над книгой была завершена до всенародного референдума в Крыму и Севастополе весной 2014 г. Но автор решил не вносить изменений, чтобы не превращать сложившийся текст в подобие лоскутного одеяла.

же и место не указать, где были телятники и коровники, а также выгоны и пожни, которыми в восьмидесятих годах минувшего века славились окрестности Курвошского Погоста, всё позарастало чапыжником-кустарником. Или жесткостебельным бурьяном, а «сорная трава и козлу не корм», – говорит Авдеев.

...Вернувшись из Рысельги, принялся разбирать ягоду, раскладывая кисти на досках топчана в так называемой светёлке – в той части избы, которую я нынче не отапливаю. Здесь уже раскатана на полу (на листах плотной бумаги) брусника и клюква. Ради сохранения ягоды и не протапливаю избу, хотя и осень, и ряды случаются. Некоторые кисти развешиваю на бечёвке в сенях. Приеду зимой в деревню, может, даже и на Новый год или на Рождество приеду, и буду с удовольствием пить с калиной чай. Разумеется, всю ядрёную ягоду увезу в город, здесь оставляю, что похуже. Жена протрёт ягоду сквозь специальное ягодное ситечко, смешает с сахаром и поставит стеклянные банки с заготовкой на стеллажи закрытого балкона. Эту тёртую калину лакомством, а иногда, как и лечебное снадобье, она потом будет подавать к чаю. Управившись с ягодой, вышел из избы, чтобы немного поработать в дровянике, наколоть поленьев, а уж потом попивать чай с калиной, читать Бориса Шергина. Почти забытый советский писатель, оставивший превосходную литературную обработку сказаний о Русском Севере, о поморах,

возможно, прежде скандинавов совершавших арктические походы на острова *студёных* морей Ледовитого океана, – на Шпицберген и Новую Землю, на острова Франца-Иосифа, – страшно долгими месяцами зимовавших на этих суровых полярных рубежах нашего Отечества. Теперь это бесценное наследие наших великих предков бездарно проматывают новые правители, которым досталось великое наследие СССР.

Солнце закатилось за гору Выдору, покрытую лесом, и я чувствую, что уже настоящая осень приблизилась. Ещё чёрные дни ноября не наступили, ещё какое-то время заря играет после захода солнца, но осень уже ощущается во всем, и в промозглой сырости вечера, и в том, как быстро погружается в ночную тьму долина реки.

Праздник кончился, пора и отдохнуть. Но перед тем как уйти в избу, ещё некоторое время сижу на ступеньках крыльца. Смотрю, как над приречными осинниками и березняками клубятся туманы. Никогда и нигде я не видел таких чудесных туманов и столбов пара – там, где родники и ручьи.

Не было застолья сегодня, и еда была совсем не праздничная, а самая обыкновенная, какая бывает, когда я ухожу в лес на короткое время: ел хлеб, запивая его водичкой из талого ручья. Нет, не было праздничного застолья – в душе был праздник.

Сентябрь, 2012

Иордань на Большом Талом ручье

1

Встал почти в шесть. Как обычно, с полчаса разминался в дровянике: пилил-колол берёзовые чурбаки. Позавтракал тремя кружками клюквенного киселя, сваренного накануне, и отправился в лес. Пройдя какое-то расстояние по накатанной самосвалами дороге, свернул в чашобу, к Вой-ручью.

Утро сегодня прохладное, ясное. Высоко в небе облака разлохматились. Нельзя сказать, что они обещают дождь, но их многовато скопилось. Пусть уж лучше будет так, как сейчас: тихо и солнечно. Приречные березняки и черёмушники наполнены зелёным майским светом, шумит Ошта, – река, впадающая в Онегу, точнее, в Петровский канал неподалёку от Вознесенья. Ну и, разумеется, птицы пересвистываются-перекликаются. Настойчивее других привлекает к себе внимание неведомая мне птаха, издающая легко воспроизводимую человеческим голосом простенькую мелодию: «Чи-ви-у! Чи-ви-у!» Благовест вещает лесной колокол (кукушка считает). В природе ликование, в душе же умиротворение, покой.

Сегодня почему-то не рокошет безостановочно экскаватор лесозаготовителей, расковырявший в долине реки котлован. А коли это землеройное чудище, давно выработавшее свой ресурс, прыскающее по сторонам маслом, изрыгающее гарь и смрад, пе-

рестало двигаться, то не воют и гружённые гравием самосвалы.

Иду бодро, в начале десятого – я уже у берёзы с наростами чаги, которую снимаю, пустив в дело лапландский нож. Говорят, чага полезна для здоровья. Во всяком случае, натуральный продукт. Конечно, к чаге надо привыкнуть. Есть люди, не признающие не только чагу, но и другие настои – допустим, с малиной, черносмородиновым листом, мятой...

Что касается меня, то я к череде и мяте приучен с детства. Мать бросала в рыбацкий котёл с кипятком пучки трав (и даже вишнёвые побеги) по той простой причине, что на рыбацком становище на берегах Чу-реки не было «фабричного» чая. В деревне же пью чагу, нет нужды взбадриваться с помощью кофе или крепкого чаю, если работаешь в огороде или бродишь по лесу в поисках святого, местнотчистого, источника. Попил клюквенного киселя или «лесного чаю» из котелка у прозрачного глазника среди мхов болотных и – бодр.

Правда, ныне уже не могу совсем обходиться без заварки. Провозишься с мережами на Ясень-озере, нахлюпаешься в холодной воде, отмахнешь километров десять по лесной просеке, – как тут не соблазниться заморским чаем? А то присядешь на часик-другой к столу, на котором пылятся пожелтевшие от солнца черновики, тут уж без крепкого чая не обойтись. Особенно после обеда.

Давешняя берёза с чагой была примечена, ещё вчера, когда бродил по руслу Вой-ручья, приняв его

за Талый. Сейчас весна – Вой-ручей шумит, клокочет, а там, где на пути его торчат каменные преграды – даже и *воет*. Летом же он чуть струится, а бывает и так, что в русле его видишь только сухой песок да потеющие камни. Самый обыкновенный лесной ручей с чистой, но тёмной водой. Таких ручьёв много и по водосбору реки Ошты и по склонам её долины.

Но не слишком ли удалился в сторону от реки? Уже и шума её не слышно. Надо всё же поглядывать, если не на компас, то на солнышко. А то ведь можно и затеряться в этих чащобах прибрежных, местами непроходимых (осина, берёза, ольха, черёмуха, ивняк – всё перемешано, перевито медвежьим хмелем). Но кое-где и сосновые боровинки шумят, тихо рокочут; всевластный, безжалостный «Онегалеспром» ещё не извёл лес под корень, хотя всё к тому идёт...

2

Примерно четверть часа я брёл по заболоченному редколесью и снова вышел к ручью, разительно отличающемуся от Вой-ручья. Вода в нём была не тёмная, а прозрачная, *белая*, как говорят жители деревни. Русло ручья врезано не глубоко, потоки не подрезают берег, струятся по камням, лаская слух переливчатым пением и звоном.

Вот что мне на днях рассказала Вера Степановна, к которой я никогда не прихожу без блокнота. Она в «летний сезон» (то есть с апреля по октябрь) по-пре-

жнему живёт в деревне, только на зиму её увозят в город.

– На Талом вода никогда не замерзает. Ты сходи-ка туда зимой, увидишь, что не вру. Даже в самые сильные морозы не замерзает. Только парит всё время, отчего красивые такие забереги образуются. В солнечный день – красота Господня. Там и был ёрдан. В Духов день со всей окрестности народ собирался на ёрдан. Не только из Курвошей приходили, из Миронова приходили, с Климшинской горы, с Ермаковщины приходили. Да ты не записывай, этих деревень теперь нет. После погружения креста брали в ёрдане воду – углы в доме кропить, личико новорожденному мыть от сглазу... А как наберём воды – некоторые девки и бабы прыгали в ёрдан прямо в одеждах. Баба Лиза Климшина из деревни Климшино, что на Климшинской горе, обычно пример подавала... Потом активисты в Курвошах комедить стали. Бога ниспровергать стали, из часовни жертвенные деньги выгребать стали...

«Коммунисты верно...» – попытался было уточнить, но Вера Степановна, сурово остановила.

– Ври больше! Какие коммунисты! Их тогда у нас и в заводе не было! Активисты, говорю тебе, из молодёжи комедили. Коммунисты у нас уже после войны появились. Некоторые мужики с фронта партийными вернулись, колхоз поднимали...

Успокоившись, продолжила:

– А потом, как батюшки не стало, ёрдан и закрылся. Но мы и без батюшки ходили на ёрдан. Обычай

этот в наших краях и доньше соблюдается: на Смоленскую на Мегру-реку приезжают. Берут святую воду из реки, купаются и денежку бросают, зять рассказывал. Значит, все так делают, как мы когда-то на Талом.

Но, возможно, читателю необходимо напомнить, что Духов день – память о сошествии святого духа на другой день после Пятидесятницы (Троицы) – престольный праздник не в числах, почитаемый всюду, где только жив русский человек: и тут, в деревне Курвошский Погост, и на хуторе у подошвы сыпучего бархана в Семиречье, где я родился. Только в Семиречье на Троицу хаты украшали, конечно же, не берёзовыми ветками, а зелёными прутьями талы – пахучей *семиреченской ивы*.

Бывая в различных сторонах Отечества, непременно расспрашиваю про колодцы, родники. Некоторые из них даже обследовал, потратив на это изрядно времени, что, конечно, отвлекало от литературной работы. Ты ищешь в лесах Прионежья никому не нужный, сгнивший до основания сруб купели или часовни, стоявшей над источником, а твой коллега в это время «лопатит» криминальный сюжет или романище про генерала Власова со скоростью десять-пятнадцать страниц в день...

Попаду ли сегодня на Большой Талый ручей? Нивы и пожни, которые когда-то тянулись по обеим сторонам реки Ошты (и до колхозов, и в советское время) позарастали, превратились в непроходимое чернолесье... Не просто будет отыскать ручей.

Вера Степановна не могла быть проводником. Не изъявили желания идти к Талому и местные старожилы: ни Александр Степанович Игнов, к которому я иногда прихожу за каким-нибудь советом, ни дедка Шаня из ближайшей Карданги, матершинник и богохульник. Деревенского пенсионера на подворье всегда ждёт какая-то работа: овец напоить, дров наколоть, бидон воды на тачке с родника привезти, грядочку вскопать под морковь и чеснок. А, кроме того, есть и заказы: взрослые дети-горожане просят сплести кошель для ягод и грибов, а внуки и правнуки – смастерить салазки, чтобы было на чём с горы кататься на зимних каникулах... Да искать какой-то ручей в лесу – стоящее ли дело; бродить по заболоченным приречным чащобам, где топко и мокро, спотыкаться о коренья и трухляки – чего ради? Вот если бы я попросил, допустим, помочь установить заколы к мережам на реке или показать тетеревиный ток в ближайшем бору, пожалуй, кто и согласился.

3

Отмерив сто пятьдесят шагов от берега Ошты вдоль ручья, обнаруживаю то, что хотел увидеть: остатки сруба. Вернее, нижний венец его, покрытый дерниной и мхом. Что это? Иордань? Часовню тут ставить было бы неразумно. Русло Талого ручья широкое, значит, надо полагать, вешние воды Талого во время бурного снеготаяния всё сметают на своем пути. Скорее всего, здесь была иордань. И кардангский дедка Шаня уверял меня, что часовня на-

ходила в стороне от ручья, стояла под шатрами огромных елей. Тот самый дедка Шаня, с которым мы находим общий язык, когда мне надо развести пилу по-зимнему или по-летнему, или когда уже ему надо ручным окучником (плужком) обработать картофельные борозды, но с которым мы иногда спорим по поводу православия.

Если купель, то почему она на левом берегу ручья, а не на правом? Дедка говорил совершенно определённо:

– Иордан смотри, не переходя через Талый. А часовню тебе не найти. Её Игнашка в пехняги с места нахождения уволок с робятамъ, со своими дружками. Ещё при мне дело было, значит, до войны, до того, как уекли меня в тюрьму за недостачу муки на складе в Мегре... Тогда такой свободы не было, как теперь. Нынче если ящик пива украдёшь – тоже посадят, а если сто миллионов, то с почётом даже и президент тебя примет. А как же – инвестор!... А Игнашка часовню уволок с места нахождения лошадиной тягой в отместку попу за старое. Больно строг был. Бывало, зайдёшь к нему, забудешь картуз снять и лоб перекрестить – уж и губы наставит. Да потом ещё и от родителей подзатыльник получишь. Вредной поп был. И ведь уже при советской власти робят наказывали за попа, вот что интересно!.. Ну, так запомни: место нахождения иордана, может, ещё найдёшь, сопревшее бревно где и торчит. А часовни место нахождения не скажу. Врать не буду, не скажу, меня она никак не касалась...

Судя по всему, эти остатки сруба под слоем мха и дёрна и есть та купель, которую наполняли в Духов день. Её «место нахождения» – полтораста шагов от устья и на урезе ручья и размер сруба сходятся с записями в блокноте, которые я сделал со слов деда. А ему верить можно: вернувшись из лагеря здоровым и невредимым, он до самой пенсии трудился лесником, а эта работа вырабатывает у людей привычку к точности и обстоятельности в пояснениях и описаниях.

...Потыкал концом палки в середине и по углам «сруба» – что-то твёрдое. Причём, палка уходила в дёрн примерно на одинаковую глубину – примерно на четверть. Выяснить, что подо мхом, не стал. Пошёл вверх по ручью, заваленному тут и там полусгнившими валежинами. Да ещё кусты, еловые выворотни, непролазная черёмуха. Кое-где и карабкался по крутякам – Талый струится по распадку, разделяющему две поросшие лесом горы. Но надо сразу сказать, что все тутошние «горы» – суть холмы или гряды холмов: крутобокие, высокие, но всё-таки холмы, а не горы.

4

Чистые источники ныне большая редкость. Поэтому и рассказываю о Большом Талом так подробно, хотя, может, это и непростительное легкомыслие. А ну как хлынет сюда народ, и не только из Вытегры и Вознесенья – из Вологды, Петербурга, Петрозаводска?..

Пока же на берегах Талого ручья не видно ни следов человеческих (медвежья есть), ни признаков человеческой деятельности; брёвнышки под слоем дёрна я в расчёт не беру.

Может, этот ручей в таком первозданном виде сохранился как раз благодаря забвению. Я не однажды убеждался, что природная среда вокруг известных источников рано или поздно уничтожается, изменяется совершенно: ближайшие луга вытаптываются, рощи и боры вырубаются, появляются каналы, дороги-подъезды, различные строения, при этом в жерло источника всаживают бетонные кольца и металлические трубы, что, в свою очередь, ведёт к порче или гибели ключей и родников. Но и без ухода источник может со временем заглохнуть, заилиться, а берега – заболотиться. Некоторые ключи Талого всё же нуждаются в том, чтобы человек приглядывал за ними. Прежде – и приглядывали. Говорят, церковный сторож, охраняющий часовню и купель, чистил родники, убирал упавшие деревья и неподъёмные чураки, сплавлял их вниз по ручью. У него тут и пожня была, то есть покос, – своего рода сельская льгота за выполнение общественных обязанностей. Это сейчас всё осинкой да кустарником заросло, да болотным кочкарником покрылось, а тогда приречные земли обихаживали, обрабатывали. Так было и при Ленине-Сталине, и при Алексее Михайловиче, царе Тишайшем, и при Иване Грозном, который, как о том свидетельствуют «писцовые книги», повелел реку Ошту с лесами и угодьями взять в

оприщинину. И откуда узнал Грозный (или его дядки) про речушку, летом переходят вброд?; возможно, она была другой, но при всём том не Волхов, не Свирь, не Паша, не Оять...

Задаю себе вопрос: когда же в нашем Отечестве утвердилось святотатственное отношение к природе? И прихожу к мысли: конечно же, ещё до появления известного призыва не ждать милостей от природы. Иван Владимирович Мичурин тут вообще не причём. Он был вечным тружеником, хорошим садоводом, наблюдательным естестволюбом. Попытался выразить свои взгляды на проблему «человек – природа» в духе своего времени, и теперь нам, живущим в третьем тысячелетии, кажутся странными высказывания Мичурина.

Вот так, рассуждая про себя, иногда и присаживаясь на еловый выворотень, чтобы сделать какие-то записи, я пробрался к верховьям Большого Талого. К тому месту, где всё пространство покрыто ярко-зелёными наростами мшаги, на которых и в жаркий июльский полдень всегда блестят жемчужные капли влаги, а по крутым склонам петляет десятка два ручейков. Соединившись в распадке, словно бы в мощенном плоскими оглаженными камнями, они становятся Большим Талым ручьём. Набрал в котелок родниковой воды, утолил жажду, принялся за работу: расковырял острым концом батошка жерло источника, очистил камешки от ила, также очистил излучины руслица от ила, палой листвы и различных наносов. И вот ручеёк заклокотал громче, на-

пор воды увеличился, залившиеся бочажки промылись, освежились.

По склонам распадка есть места, где почва, покрытая мхами, сочится, выдавливая за каплей каплю, что служит свидетельством близкой водяной жилы. Над родниками, бьющим среди замшелых песчаников, толстые стройные осины стоят, кора чистая, никаких грибов-трутовиков; вершины, пока ещё безлистые, корягами плывут среди облаков, голова закружится, если долго смотреть. Есть, конечно, в распадке и берёзы, и ели. И даже клёны и липы вижу, которые тоже удивляют меня своими большими размерами – некоторые в комле значительно толще руки. Для тех, кто привык видеть эти деревья в парках, скверах и садах, удивление автора «большими размерами» может показаться странным. Но не забудем – Вытегорщина, здесь они растут только в подсаде, обычно навсегда оставаясь худосочными деревьями. Даже занесены в Красную книгу Вологодской области, как редкие ботанические виды, чему, впрочем, арендаторы-лесозаготовители не придают никакого значения, во всяком случае, за уничтожение краснокнижного, широколиственного подсада лесная инспекция никого не штрафует.

В одном таком месте я чуть было не утонул на пологом склоне, где бьёт родник, исторгающий железистую ржавчато-красную воду с запахом и привкусом минералки. Словно бы там, в толще горы, – бездонная ёмкость с раствором охры. Рыжий ручей, соединившись с Талым, не изменяет его цвет – вода чуть ниже по течению совершенно прозрачная.

Тут и случилось приключение. По пути к самым верхним истокам ручья, пришло в голову расчистить сухой жердью Ржавый ключ (назовём его так), kloкотавший среди ядовито-зелёных, в охристых пятнах, моховых кочек с каплями влаги. Я шагнул поближе к источнику и увяз в искрасна-ржавчатой жиже. Сначала по колено, но потом провалился по пояс, а ноги не находили опоры... К счастью, в руках была крепкая еловая жердь! Положил её на кочки, отжался, дотянулся до ветвей толстой старой черёмухи, расчехнувшейся над злополучным местом. Думал, ключ бьёт среди камней, а попал в колодец с ледяной водой, слегка прикрытый тонким слоем мха.

Выбравшись на «твёрдое», я первым делом засунул в колодец жердь – она легко ушла на всю длину...

У Ржавого ключа пришлось задержаться часа на полтора – развёл огонь, сушил портянки, носки, одежду. Куртка и штаны, по мере высыхания, покрывались охристыми разводами, становились похожими на робу десантника.

5

И спустившись вниз по ручью, нашёл себе работу: орудуя острым концом еловой жерди, попытался раскопать остатки сруба. Мох-то я скovyрнул, а дёрн остался. А сапёрной лопаты или обыкновенного заступа у меня не было. Принялся руками рвать переплетённые корни, чтобы содрать дёрн, иногда пускал в дело и нож.

Поковырившись таким образом в земле, вскрыл чёрные плахи, сплочённые весьма основательно. Со стороны, где купель омывалась ручьём, я увидел брёвнышко, такое же чёрное, как и плахи. Войдя в ручей, ухватился за острый обломанный его конец. Но большая часть его была замурована глинисто-песчаными наносами. Поднатужившись, я снова стал дёргать бревно; расщепив его конец, увидел чистую непорченную, жёлтую как масло, древесину.

Но почему купель на левом берегу, а не на правом, как в том меня убеждали курвошане? Как она переместилась на левый берег? Или деда что-то напутали?

Покружив вокруг остатков сруба, обнаружил среди елей и берёз старицу, наполненную стоячей (талой) водой. Видимо, ручей промыл, разработал рукав-отводок, с помощью которого когда-то наполнялась иордань-купель, а природная излучина превратилась в старицу.

Не знаю, сколько верующих нынче в Оште, в Карданге и Курвошах, вместе взятых. Не думаю, что много. Но почти все жители, с которыми мне доводилось вести беседы за самоваром, осуждают тех, кто когда-то святотатствовал, спиливал кресты, рушил маковки храмов, раскатывал часовни; порицают и тех, кто и нынче, ради огромной наживы или мелкой корысти, продолжает *комедить*, уничтожает вековые сосновые и еловые боры, настоящие памятники природы. Местные «предприниматели» поти-

хоньку разрушают здание Троицкой церкви – выд-
рали двойные оконные рамы со стёклами, якобы, для
теплиц. Ветеран-колхозник Александр Степанович
Игнов (никогда не ходил в церковь и верующим себя
не заявлял), называет прохвостами тех, кто *роет* (то
есть рушит) сруб бывшей церкви в деревне. Между
прочим, он в советское время не был разрушен, со-
держался в хорошем состоянии, хотя и без куполов
и крестов. Его во время войны пытался поджечь
финский спецназ, но местные жители, – старики и
дети, – погасили огонь.

По этому поводу у меня был разговор с неким
Пластининым, местным лесозаготовителем, кото-
рый, по моим сведениям (может и не вполне досто-
верным) помог вывезти в Ошту выдранные рамы.
«Между прочим, Троицкий храм значится в перечне
списка памятников деревянного зодчества, который
составил выдающийся архитектор-реставратор Опо-
ловников. Его надо восстанавливать, а не разру-
шать...», – заявил я однажды Пластинину, желая
произвести на него впечатление. И я услышал спо-
койный ответ: «Памятник охраняется государством?..
Тогда, в чём дело? Теперь всё разрешено, что не зап-
рещено законом. Это при коммунистах всё было по
понятиям... По мне, так я бы давно карьер в вашей
деревне открыл, дорогу гравием подсыпать. Глава
администрации пока не разрешает. Говорит: церковь,
кладбище, на тебя ещё указала Галина Ивановна,
сказала, что ты можешь депутату Госдумы письмо
накатать. ... И что церковь, верующих-то нет?! И что

погост? – Кости истлевшие в земле! Кто недавно похоронен, я бы на своём транспорте перевёз на оштинское кладбище...»

Страшно и горько слышать такие слова. И ведь Пластинин не враг пришлый, местный житель и, может, здесь его детям и внукам жить... Некоторая логика в его рассуждениях, есть: человека лишили корней, и ему уже ничего не жалко; ради дешевизны стройматериала, прибыли, он ни погоста не пожалеет, ни храмины древней...

Ну а если всё можно рушить и осквернять, что хорошего ожидать от людей? Удивительно ли, что святотатственный нигилизм, проявившийся в уничтожении купелей и часовней над родниками и *талыми* ручьями, – а это ведь истоки рек, питающие великие и малые реки и озёра Северо-Запада, Срединной России, – распространился на всю природу. Я твёрдо убеждён, что всё это следствие падения нравственных идеалов и устоев уже в конце девятнадцатого века, и в этом вина отнюдь не большевиков, на которых теперь всё валят. Господа оппоненты! Полистайте внимательно хотя бы биографические повести Алексея Ремизова! Вот уж кто не был большевиком, – а почитайте! И в Вознесенье, и в соседней Оште мне приходилось беседовать с господами, которые твердят о «лесопокрытой территории», пригодной лишь для извлечения прибыли, для наживы. Но ведь документы на аренду и высечку лесов им выдают в самых высоких инстанциях, чиновники не способны разглядеть на картах и планах

местночтимые источники, заповедные боры, верховые болота с ягодными мхами. Да и не хотят этого видеть.

К сожалению, не смог я привлечь внимание к бывшему Троицкому храму и православных батюшек. Один из них, отец Владимир, почитаемый среди питерских казаков, сказал мне без обиняков, по-казацки: «Я кадиллом махать – а на меня голуби или галки будут капать...». Я никогда не видел какого-либо батюшки в селе Оште или в деревне, зато не считают за труд приезжать сюда из Вытегры и Финляндии какие-то «пасторы» каких-то непонятных конфессий, они старательно и настойчиво окормляют потомков вепсов и новгородских первопроходцев (то есть православное население) уже не меньше двадцати лет. И местная администрация им оказывает всяческое содействие – «духовное возрождение»! Однако я отвлёкся...

Слишком рано и слишком поспешно мы удалились от культа предков, который, несомненно, сохранялся ещё со времён дохристианских, праязыческих, и который тысячу лет назад был облагорожен, вознесён к горным высотам Русским православием. Местночтимые источники – не только объект культового обряда; они – зримый нравственный идеал, и, если хотите, часть экологического воспитания людей.

Уважаемые читатели! Бывая в лесу, странствуя по равнинам и лесистым холмогорьям, где когда-то гнездились деревни, вы непременно обнаружите какой-нибудь родник. Попытайтесь узнать прежнее назва-

ние родника, поинтересуйтесь его прошлым. Если есть время – попытайтесь восстановить его. Ведь известные чтимые источники (и безымянные тоже) – в сущности, памятники природы. А, кроме того, они (подчеркну это ещё раз) питают большие и малые реки и озёра Северо-Запада. Я понимаю, что воссоздать, восстановить источник в прежнем виде, – с часовней и купелью, – не так-то просто, тут нужно быть мастером, строителем-реставратором, каким был, например, великий русский подвижник Александр Викторович Ополовников, восстанавливавший памятники древнего деревянного зодчества. (Между прочим, сержант артиллерии Ополовников в 1943 году, после ранения, приказом Верховного Главнокомандующего был отозван с фронта для реставрации памятников деревянного зодчества, разрушенных войной). Допустим, не так много людей, способных ставить срубы, но очистить источник от ила и хлама или заменить подгнившие венцы незащитливого сруба способен каждый мужчина, привыкший работать на своём подворье или на даче. И это для многих из нас – единственная возможность приблизиться к благородной борьбе за экологическую безопасность, за сохранение среды обитания человека. Ведь ясно же, что уважающий себя русский человек не пойдёт в «зелёную партию», в какой-нибудь «Гринпис», в программных документах которого главное даже не защита животных, а права «сексуальных меньшинств» (извращенцев) или «религиозных меньшинств» (то есть, сект).

Преобразите трудом источники, осените их крестом, если вы верующий; или же не будучи таковым – окропите, оросите их трудовым потом. И будет благо великое, ибо чистые струи освежат заиливающиеся реки России...

...Выйдя из лесу, поднялся на погост, где возвышался бесхозный, совершенно забытый крещёным миром полуразрушенный храм. Был дивный молитвенный вечер, долгий-долгий, такой долгий, что казалось, сумерки не наступят, и ночи не будет. Янтарный свет струился повсюду, но постепенно истаивали в дымке дальние синие гривы, тускнели и ближние лесистые холмогорья, покрытые розоватыми и фиолетовыми полосами и пятнами, и только бархатистые сочно-зелёные травяные пожни ласкали взор.

Вот как: поиск и обследование Большого Талого ручья заняли у меня целый день, а не два-три часа, как я прикидывал. И это притом, что я не стал полностью расчищать плахи. Напротив, уходя с берегов ручья, уложил мох и дёрн на прежнее место, сокрыл до времени дно купели с глаз человеческих...

Сердце Палого мха

Сухим, ясным выдался нынче Егорий Вешний. И даже в такой день шумит и гудит на краю Палого мха еловый бор, вернее, остатки того, что было бором.

Отдыхаю на высокой болотной кочке у тропы, на которую перед тем, как сесть, уложил жерди, постелил берёзовую кору. Это для того, чтобы не порушить открывшуюся жилу, не захлать жерло родника. В то же время, чтобы путнику удобно было сидеть у источника, размачивать в светлом омутке походный сухарь и есть его, запивая ключевой водой. Ключик – тут же, у основания кочки играет, открылся с десятков лет назад. Оказавшись здесь, я непременно прочищаю канавку, по которой в сторону Медвежьего ручья и стекает мхами родниковая вода, наполняющая омуток у кочки.

...Куда ни гляну – моховые кочки в воде, говоря языком вытегоров, *ровда* не вышла (подо мхами ещё сохраняется мерзлота), вешняя вода ещё не ушла в толщу мхов и торфа, не испарилась.

Что это там, между кочками? Отчего-то вода колышется! Повсюду вокруг белые ватные облака отражаются, а тут – вижу ритмичное колебание воды. Словно бы в толще мхов насос работает, силится вытолкнуть воду в желобок между кочками. Иногда всё же вода выдавливается наружу, и она струйкой стекает в расчищенную канавку... А на моховых наростах сверкают не высыхающие капли, и над

ними радуга вдруг расцветает. И как бы не замечаю того, что обычно ввергает в печаль меня – огромные хлысты больших деревьев, брёвна, вдавленные в ягодный мох лесозаготовительной техникой.

Палый мох, остатки бора по краям его, еловые веретья-островины – бесценные природные схроны драгоценной воды. Сталью отливающая ручевинка среди толщи мхов, которую я по пути на дальние ленинградские озёра два-три раза в году прочищаю, не пропадает бесследно. Родниковая вода просачивается сквозь мхи к ручью, питающему знаменитый в этих краях Кельручей, в свою очередь, питающий Ронгу-речку – самый крупный приток реки Ошты. И все эти бесчисленные родники, ручьи, речушки, подобные Оште, и превращают Онегу в бесценное хранилище превосходной питьевой воды...

Забыли люди Михаила Михайловича Пришвина, замечательного русского писателя, призывавшего нас «хранить места, откуда вытекают реки»!

Сколько таких мхов погубили, и сколько безымянных ручьёв, подобных Медвежьему и Кельручью, и даже крупнее ручьёв, завалили грунтом, стволами деревьев, превратили в гниющие заболоченные пространства! Говоря языком арендаторов лесных участков, – *заипалили* ручьи. Да ещё, бывает, скверные людишки бросят в мох вышедший из употребления какой-нибудь механизм; тут мне сочинять не приходится: у истоков Вой-ручья лесовозный аккумулятор в ручеёк точит кислоту, а Вой-ручей, между прочим, тоже впадает в реку Ошту, форелевую, светлоструйную.

Общественность должна ясно осознать, что на нашем Северо-Западе ручьи и родники загрязняются, иссыкают и даже исчезают, прежде всего, там, где прихватизаторы Русского леса хищнически истребляют боры, верховые болота с ягодными мхами.

Приезжали ко мне в деревню репортёры «ТВ-КПРФ» (телеканала у Компартии пока нет, но группа молодых энтузиастов готовит и распространяет на различных сайтах и в социальных сетях ядовитые критические видеоматериалы), рассказывал им о том, как работнички «Онегалеспрома» испохабили приречные леса, верховые болота Оштинской долины, леса водосбора реки Ошты. И далеко нам ходить не пришлось: рядом с деревней Курвошский Погост в зарослях душистой, мёд источающей *рамжи* (местное название таволожки) торчит дырявая металлическая бочка, из неё в глубокие колеи стекает машинное масло. А когда-то в этом месте роднички выбивались, собирались в омуток с песчаным дном, а на суку под елью висел берестяной ковшик.

Беседовал месяц назад с господами-арендаторами, возмнившими себя крутыми владельцами таёжных лесов Северо-Запада, понял, что озёра, питающие Ошту, в их понимании просто лоханки с водой, а ручьи – что-то вроде сточных канавок, которые только мешают лес вывозить. Вот их и *защипаливают*... Разворочен грунт по кряжам-крутякам, по склонам Оштинской долины. Вырубили вековой охранный лес, и теперь пластами сползает к реке незакреплённый мощными корнями грунт. По пути движения глина

заваливает малоприметные на глаз равнодушного заготовителя, мигранта-лесоруба бесчисленные родники и ручейки, рождающиеся среди камней, покрытых толстыми мхами, лесной подстилкой.

Читатель этой книги должен знать ещё и вот что: чиновники из аппарата губернатора (а также и арендаторы) таковым беседам и терпеливым разъяснениям удостоили меня в моей деревенской избе (и даже на ближайшую вырубку я им экскурсию устроил) только потому, что были энергичные депутатские запросы из фракции КПРФ в Госдуме, запросы депутата Святослава Михайловича Сокола. Уже по этой причине я не согласен с теми радикальными товарищами, которые считают, что протирать штаны коммунистам в буржуазном парламенте нет никакого смысла.

«Мы же только лес берём, – снисходительно объяснили мне мои собеседники из «Онегалеспрома», – вода в озёрах и ручьях остаётся... И всюду вдоль реки лесопокрытое пространство...». Словом, живого леса не видит, а только товар видят, то есть кубометры и прибыль с этих кубов. И даже бывая в лесу, будто не замечают чудесный свет весенних берёзовых рощ. Нет, не видят Живой Природы прихвизаторы Русского леса!

И если вы спросите меня, а что же собой представляет это самое «лесопокрытое пространство», где ещё не так давно шумели и рокотали колхозные леса, то скажу вам, это даже в лесном блокноте записано: «Теперь там сплошь кустарник, мелкое частолесье, над которым тут и там возвышаются одинокие деревья. Может, через двести лет и вырастет

хилый лесочек. Но, скорее всего – ничего не вырастет, поскольку рядом нет семенных куртин, елей и сосен, богатых шишками...»

...Ладно бы – вырубili да вывезли лес. Так нет же! Брёвна, хлысты, матёрые лесины (и даже целые штабеля леса!) всюду гниют и преют. Только теперь уж они позарастали чернолесьем, которое и скрывает их от сурового прокурорского надзора, увы, гипотетического... На самом же деле прокуроры дорóги в лес не знают, я в этом убедился... Впрочем, может, и знать не хотят...

Светлые берёзовые рощи расхитили, наполненные голубоватым светом, истинные храмы Природы...

Рудовые сосны по крутякам Оштинской долины, словно медью окованные, жарко-красные в лучах восходящего солнца – расхитили, повырубili...

Вековые шатровые ели, прибежище белок и куниц, сохраняемые до перестройки в качестве эталона древесной растительности, семенного фонда, – тоже не пощадили... И даже осины неохватные повергли, исполинами возвышавшимися тут и там, с гнёздами пернатых хищников на могучих сучьях (орланов, лесных воронов), повалили великанов с дуплами-жилищами филина, краснокнижной желны (чёрного дятла). Повалили да и бросили тут же: повалили, выхватили сосну и ель – осина же оказалось без надобности...

Когда-то мастеровитые вытегоры такие деревья употребляли на изготовление *карбасов*, – легких, ходких, удобных в управлении веслом с одной лопастью. Нынешний заготовитель леса полагает, что

оштинская осина в дело не годится, и пусть бы так думал. Но, к сожалению, её рубят, как правило, только для того, чтобы «зашпалить» родниковую жилу, ручевину, устроить переезд, как говорится, *напрямки*. Хотя лесовозы могут по гривам объехать топкое место, то есть водосбор ручья, ягодный мох.

Истребляется среда обитания человека и всего сущего на земле, истребляется Живая Природа во всех её проявлениях...

Слышу, слышу вопрос: «А что же – в советские времена не валили лес?»

Рубили, конечно, и при Советах, может, и слишком много рубили. Особенно после войны, когда лес был необходим для восстановления сёл, посёлков, городов, шахт, заводов, вообще народного хозяйства. Иногда лес был единственным строительным материалом, притом же, пригодным к немедленному употреблению в дело. Словом лес рубили для возрождения жизни человеческой, изуродованной страшной войной.

Да, рубили... Но ведь под надзором лесной охраны с природоохранными советскими законами в руках, которые были похерены всё теми же *либерманами*, адептами *свободного рынка*. Делянки разных пород леса были строго определённого размера, и уж никак не бесконечными километрами измерялись. Соблюдался, пусть и не всегда, порядок высечки леса, опять же – с учётом сроков созревания пород. Рубили не где попало, а в пределах Гослесфонда, а так называемые колхозные леса сохранялись, и по этой причине тоже к сёлам, посёлкам, деревням, к

дачным участкам подступали берёзовые рощи, еловые и сосновые боры.

Увы, рубили... Но, по окончании рубок, делянки очищались от хмыза и древесного хлама, засеивались семенами лесных культур, покрывались щетиной зелёных саженцев-сеянцев хвойных пород. И там, где рубили леспромхозы, ныне поднялись еловые и сосновые рощи, которые обживают представители местной фауны: лоси, медведи, белки... С ужасом думаю: «А что как «Онегалеспром» «выиграет» тендер на рубки ухода в этих рукотворных лесах?!»

И уж конечно, в советскую эпоху леспромхозы не губили верховые болота*, не вырубали лес по гривам вокруг ягодных мхов, по веретьям-островинам на верховых болотах. Верховые мхи оберегались не только природоохранным законодательством, как уже говорилось, они также были под приглядом и местных жителей. Слова «народный контроль» – не были пустым звуком. Теперь это признают даже убеждённые антисоветчики.

Вот сижу и вижу: и здесь тоже напакостили кормильцы-благодетели...

* – Некоторая часть заболоченных территорий в 70-е годы минувшего века была осушена в ходе мелиорации. Тут нужно учесть, что руководителям советского государства в течение многих десятилетий приходилось решать проблему продовольственной безопасности в сложнейшей международной обстановке – свирепые санкции США и Запада против СССР несопоставимы с нынешними против России. Озвучивая доктрину госбезопасности США, президент Рейган, прямо заявлял, что он «заставит русских жрать опилки».

...Пора, пора впрягаться в лямки «таймыра», не близкий путь к Ясень-озеру (под прибрежными моховыми сплавинами там ждут меня глубинные щуки), а вот люблюсь игрой воды в руслице ручейка, прислушиваюсь к струйной музыке.

Ритмично и непринуждённо бьётся сердце Палого мха, дышит ягодный мох, чудом не погубили его работнички «Онегалеспрома»! И давешний *зад* по-прежнему живёт среди высоких кочек Палого мха, большой в чёрных и серых узорах, настоящий аспид. При заходе на мох я, было, наступил на него, и он *клюнул*. К счастью, толстая резина сапога защитила ногу.

Спокойно и ритмично и моё дыхание, жажда утолена, душа упоена покоем Палого мха.

Май, 2012 г.

Родник в Ивках

Вокруг только сугробы, снег слепит глаза, смотреть невозможно. И всё же замечаю, как над голубоватым сумётом на склоне холма парок струится. Или позёмка начинает мести? Где-то там должен быть источник, который мы чистили прошлым летом. В солнечный зимний день я решил сходить на лыжах в Ивки, чтобы убедиться, что не зря мы трудились.

Источник в Ивках не был исключением, и в прошлом он был под сенью часовни во имя Смоленской Божьей матери, лик которой освещался лампадкой. Часовню же осеняли огромные зелёные кресты многовековых сосен, посаженных, якобы, руками первопоселенцев, основателей Ивок. И каждый житель Ивок во всякий день и час ощущал над собой незримые покровы Заступницы-Богоматери, во всяком случае, верил в это. Возможно, здесь со времён пра-языческих рокотал сосновый бор, остатки которого (как и часовня) исчезли в годы Великой Отечественной войны. В Ивках стоял батальон Красной Армии, финны это знали, обстреливали и бомбили деревню днём и ночью. Теперь потомки оккупантов приезжают в село Ошту (случается – и в деревню Курвошский Погост), похваляются: «Мой дед здесь воевал!». Простодушные вепсы (да и русские тоже) слушают, понимающе кивают головами, некоторые даже попали под обаяние финских пасторов. В какой-то степени этому в девяностых способствовала

и сельская администрация, откуда-то сверху приказали: «Пусть пасторы проповедуют в клубе! Теперь духовное возрождение!»

Деревня Ивки обозначена только на старых картах; ныне же это просто урочище, глухой волчий угол. Правда, скоро и этого не скажешь – уже близко лес рубят. Но по-прежнему над Ивками высокое небо без пепла и сажи, без облаков, насыщенных кислотными и ртутными соединениями. А мои друзья, которых я приводил сюда на экскурсию, утверждают, что они в Ивках ощущают нечто такое, что укрепляет их веру, расшатываемую городской повседневностью.

Верить преданию, люди в Ивках, как и в Рысельге, жили в согласии между собой и окружающим миром. Работая в поте лица своего на своих крестьянских полосках, а впоследствии и на колхозных нивах и пожнях, радовались скромному добытку, а нищих и попрошайек здесь не бывало. Я же, постигая прошлое таких лесных деревень, как Ивки, не перестаю восхищаться нашими предками, оберегавшими и столетние боры, и озёра, и мхи, и, конечно же – источники первородные.

...Впервые в Ивки я с дочерью и друзьями попал несколько лет назад. Шли дорогой, размолоченной лесовозами, сигая через глубокие колеи-траншеи, тут и там увязая в грязи. И всех нас – и детей, и взрослых – истомила жажда. В Ивках мы быстро обнаружили источник среди зарослей малины и кипрея, но, набрав в котелки воды, только губы омочили.

Вода разила илом, отдавала тухлым. Впоследствии мы узнали, что геологи, выполнявшие задание вологодской коммерческой компании по добыче и продаже нерудных материалов, здесь брали пробы. Установили треногу, бурили жерло родника, обрушили грунт. К счастью, сруб сохранился. Пить страшно хотелось, жадно глотали малину, отчего жажда только усиливалась; поэтому, отдохнув у стожка сена, который местные охотники заготовили на зиму для приманки лосей и кабанов, решили почистить источник. Это притом, что у нас были только корзинки и лукошки, мы же малину пришли собирать, а не родник чистить. Ну, ещё сапёрная лопата была, которую я взял с собой на всякий случай. Впрочем, Герасим, внук Петровича и самый младший участник нашего ягодного спецназа, на одном из подворий (под яблоней в зарослях кипрея) нашёл ведро – ржавое, дырявое, но вполне подходящее для дела.

Прежде всего, мы принялись чистить и углублять задернившуюся, заросшую травой сточную канавку. Затем ведром стали энергично выхлупывать застаившуюся воду, вычерпывать ил, разивший сероводородом и чем-то отвратным.

Не один час трудились (каждый в меру своих сил, разумеется), томимые жаждой. У меня футболка пропиталась солью. Конечно же, с ног до головы заляпались вонючей грязью.

И когда казалось, что нас покидают последние силы (а кое-кто уже сидел, прислонившись к стожку, безразлично глядя и на энтузиастов, заляпанных

грязью, и на кусты малины с ягодой), и нам не выгрести ил и песок, прослоенный илом, не найти силы для возвращения в деревню, мы вдруг увидели чудо: ключи первородные, вдруг ударившие в стык плах в нижней части сруба. Я вырезал из стебля дягиля трубочку и с её помощью наполнил котелок голубоватой водой, вкусной и холодной. Утолив жажду, умылись родниковой водой; а некоторые и окатились из котелка. Одежды мы развесили на сучьях яблонь, где она часа два поласкалась на ветерке, при этом грязь как-то сама по себе отпала. Даже запах ила выветрился. Участники похода отдышали у стожка, пили чай, заваренный мятой, сдобренный малиной, а также ивкинскими яблоками, надо заметить, очень вкусными.

Не много мы принесли в тот день ягоды, но все были довольны походом. Герасим даже попросил на память трубочку из дягиля, не знаю, сохранилась ли она у него.

...И теперь я в этот солнечно-морозный зимний день (и сивер тоже, позёмку метёт) пью чай, заваренный сушёной малиной и чагой, но только без яблок. Чай же грел среди сугробов на месте, где стоял стожок, используя для этого ольховые жерди, летом положенные в основание стога и берёзовую стожарину.

Думка нехитрая – про источники местнотимые, о чём же еще. Вот мы почистили родник, и струи его и в летнюю пору, и сейчас, в морозный день, под покровом снега и наледи, стекают в ближайший ру-

чёрк в балке, который и летом едва заметен, а сейчас завален снегами. Но все эти ничтожные, незримые человеческому глазу струйки, в конце концов, вольются в реку Ошту. И поэтому я могу утверждать, что Нева, на берегах которой раскинулся страшный в своей громадности Вавилон, станет чище. Пусть на малую толику, на бесконечно малую величину, но – чище. Эх, а сколько таких вот источников, питавших Онегу, Свирь, Ладогу и Неву, захламлены, погублены навсегда!

Аз есмь сомневающийся в вопросах веры. И всё же... Господи, если ты есть на самом деле, спаси и сохрани Ивки, а также и всё другое – Рысельгу, Кардангу, ещё живую деревню Курвошский Погост, истоки Талого ручья, Ясень-озеро с окрестными лесами... И небо над ними сохрани, такое вот, как сегодня – разукрашенное перьями розовеющих облаков, защищающее нас от жестких космических лучей! И самого русского человека спаси, просвети его, возможно в этот час шагающего по заснеженной просеке к ближайшему Урозерскому глухариному бору с бензопилой на плече. Или бредущего по загаженному асфальту Вавилона на «болотный» русофобский митинг.

IV

РИТМЫ ЛЕСНЫЕ

Тропы роковые, затеси в пехняхгах

1

Спешу выйти к озерку у Солгоры до того, как совершенно исчезнет тусклое светило, похожее на красное пятно погасающего деревенского фонаря, заправленного плохой соляжкой, погасающее, но ещё видимое в чащобах осин.

Торопись, путник, да по сторонам посматривай! Навстречу идёт медведица, она что-то вынюхивает на тропе, от неё не отстаёт медвежонок. И, куда бежать? С рюкзаком-то, с полной ношей... Отступаю, стараюсь увеличить расстояние, сделать его безопасным... Медвежонок, верно, первый заметил незнакомое существо, остановился, поднялся на задние ноги, разглядывая меня, силится приподняться над кустиками подлеска и стеблями травы. И медведица встала, слышу, как она втягивает в себя воздух и с шумом выдыхает его, что-то бормочет. Возможно, это было рычание зверя, но мне слышалось, будто медведица, как деревенская старуха Дунаиха бормочет. Странно, что я в тот момент даже не советы и предостережения Авдеева вспомнил («Матку с детищем остерегайся – съисть...»), а старуху Дунаиху, которая постоянно бормочет проклятия в адрес своих соседей – питерских обывателей, обосновавшихся в деревне.

Увидев, что медведи стоят на месте, и я прекратил отступление, остановился, любуюсь игрой мышц, тусклым блеском рыжей шерсти.

Сильно ли испугался – не баба оштинская с отроком, медведица с медвежонком?! Отвечу так: я был поглощён наблюдением, впервые в жизни близко видел зверя. И не в клетке зоопарка, а в естественной его среде... Сказать, что не ведал страха, не могу, и понимал же, что надо как-то обезопасить себя от нападения медведицы, конечно же, видевшей во мне угрозу её дитяти. Во рту стало сухо, страх гнезвился где-то в подкорке, но в то же время хотелось наблюдать за поведением зверей до тех пор, пока они сами что-то не предпримут со своей стороны. Не стал искушать судьбу; медленно поднял вверх пилу-лучковку, на которую обычно опираюсь, как на посох, прохрипел слова: «Я сильнее тебя, зверина, я больше тебя! Уходи по-доброму...» Медведи в какое-то мгновение, – даже треска и шороха не услышал, – исчезли в еловых пехнях. Постояв минуту, осторожно двинулся по тропе, поглядывая по сторонам.

Эта встреча с медведями случилась примерно там же, где я несколько лет назад впервые увидел медвежонка. Вышел на просеку из трущобистого ельника, а медвежонок в тот момент проворно вскарабкался на высоченную мачтовую сосну и раскачивался на ней в своё удовольствие. Но, вероятно, заметил меня, быстро спустился на землю и бесшумно исчез среди сосновых лесопосадок. Хорошо слышал, как его когти при спуске драли древесину. Может,

тот давешний медвежонок и стал матёрым зверем, у которого уже есть потомство. Вот какая замечательная тропа: медведи – пожалуйста, а вот незнакомых людей никогда не встречаю. У Авдеева же на это другое мнение: «Удача, что детище тебя не стало за штаны теревить. А то бы мы с тобой не беседовали... Нынче пожалела тебя matka, в другой раз обязательно съест. Или стопчет. В другой раз без разговоров уступай дорогу. Лучше бросай рюкзак, уходи, куда знаешь. Только не беги, этого не делай никогда...»

2

Что медведи! Мрак сгущается, ночь наступает, лес кругом незнакомый... А мне надо выйти на берег озера, где собираюсь устроить ночлег. И дождь зарядил, частый, противный... Уже два-три часа не переставая сеет. Неизвестно, что ждёт меня впереди...

В путевых очерках многолетней давности я рассказывал, что мне приходилось (и не однажды) останавливаться на ночёвку там, где застигали сумерки. В пустынях это случалось часто. Но я не тужил: среди песчаной пустыни Муюнкум расположиться можно на склоне любого бархана (только, пожалуйста, подальше от накатанных вездеходами дорог) – всюду сухой чистый песок, хранящий иногда и до полуночи тепло минувшего дня. И всюду находил какое-либо топливо, надо сказать, калорийное топливо – гребенчук, жузгун. Саксаул, конечно, а как же, хотя и не везде.

И в лесах Северо-Запада устраиваюсь, с некоторым комфортом даже. Например, можно отлично устроиться на ночь в первобытно-матёром лесу на краю мха у Солгоры, куда я путь держу, где есть всё, необходимое для обитания не только зверя, но и даже и человека: и смолевые сушины, и валежины всякие, а растопка – стоит только протянуть руку. Ну а пока вокруг лес нехоженный.

Да вот ещё эта скверная привычка ходить лесной тропой и ночью. Мои хозяйюшки, жена и дочь, всякий раз строго наказывают, чтобы я в деревню возвращался засветло. Эту привычку также порицает Авдеев. Должен сказать и такое дело. Оказавшись в лесу впервые в жизни (а это случилось, когда я уже отслужил на флоте), я вспомнил повести и рассказы про партизан. Признаться, сомневался, что в лесу или в тайге отряд народных мстителей может ночью перемещаться. Пусть даже и с проводником. Думал, это просто литературные допущения. Ну а теперь, что ж... Бывает, припозднишься в лесу по какой-либо причине, а – идёшь, пусть теряя остатки сил, бредёшь, выстукивая осиновым или берёзовым батошкой канавку вековой Урозерской тропы, которую поколения вытегоров торили сотни лет. При этом, конечно, поглядываю на светящиеся точки компаса. Чуткая нога и мой посох, истинно *зрячий* посох (а без оногo я давно не хожу), непременно нащупают канавку тропы, даже и в ночь-полночь нащупают. Ну а сбился с тропы во тьме крошечной августовской или осенней ночи, – не беда – в лесу же и останусь

до утра, а лес – мне дом родной. Другое дело, если на Вытегорщине лесов совсем не останется, а похоже, к этому дело идёт...

3

Всё же здорово, что за двадцать лет я натоптал несколько троп – веером они расходятся из деревни в сторону ленинградских озёр. Но не пора ли подробнее рассказать о том, что собой представляют лесные стёжки-дорожки, по которым я странствую.

По одной из них я хожу к ягодному мху, по другой – ловить щук, третья ведёт к необитаемому окупё-вому озеру... Бывает и так, что одна и та же тропа ведёт и к ягодным полянам, и к заветному, необитаемому озеру. Такая тропа-кормилица с тесками-затесьями есть у меня.

В моих тропах нет ничего общего с тем, что мы видим в пригородных лесах Ленинградской области. Идёшь по осиновому чащобнику или ельнику, высматриваешь редкие засечки на деревьях – вот и тропа. Стало быть, я тоже, как некоторые местные жители, попросту говоря, стёсываю топором или ножом кору, и, такими-то вот клеймами обозначаю, путь следования к озеру или ягодному мху в лесной глуши. И ни один уважающий себя промысловик-охотник (или грибник-ягодник) не может обходиться без хорошо налаженной тропы. Разумеется, каждый лешак-лесовик, вроде меня, знает свои тески, они сохраняются годами.... Это как почерк человека.

Бывает, точно знаю, что можно спрямить путь, допустим, к щучьему Ясень-озеру или к Солгоре с ягодным мхом и озерком, где всегда наловишь окуней. Иногда и спрямляю. Но, в конце концов, возвращаюсь на старинную крестьянскую дорогу позапрошлого века, на фронтовую дорогу, на старинный волок, которые тоже помечены тесками.

Но сейчас вокруг осинник непролазный на воровской вырубке, где несколько лет назад рокотали мачтовые сосны... Хилое осиновое жердовье, и ни одного теска!

4

Багровое закатное светило в последний раз проглянуло сквозь тучи и чащобы, вижу только алое пятно, и этот единственный мой пространственный ориентир может вот-вот исчезнуть.

Темнеет буквально каждую минуту, я тороплюсь, забываю об осторожности, падаю. Корпус компаса, повреждённый много лет назад, возможно, ещё на берегах Или, обёрнутый лейкопластырем, просто развалился на части. Пытаюсь овладеть ситуацией: убрал стекло и осторожно пошёл вперёд, поглядывая на компас, лежавший на мокрой ладони, то есть на то, что осталось от прибора. Иду, сдерживая дыхание, словно опасаясь, что дыханием своим могу сдуть стрелку, ничем не защищённую, свободно вращающуюся на игле.

Также поглядываю на едва видимое, погасающее солнце, все ещё румяным пятнышком проступающее

сквозь тучи и частый осинник. Вдруг споткнулся, каким-то чудом удержался, но стрелка слетела с иглы, исчезла в густой траве. В то же мгновение и я повалился на землю и, мокрый от пота и дождя, лёжа на холодной земле, перебираю былинки и листья – пытаюсь найти иголку в стогу!

И – нашёл, двинулся вперёд, глядя на пластмассовый кружочек с хаотически колеблемой стрелкой, которая может в любую секунду слететь чёрной пчёлкой.

И – слетела же!

«Это конец!...» – нацарапано в походном блокноте тупым карандашом. Теперь это мне кажется малодушием. Но в ту минуту, когда исчезло румяное пятнышко зари, я стоял в сумраке надвинувшейся ночи, в гиблом осиннике, где не было, и быть не могло ни смолистых сосновых сушин, ни еловых выворотней, ни толстых валежин. Не было ничего такого, что позволило бы развести жаркий огонь, чтобы согреться и высушить одежду, и чтобы потом возле него если не спать, то хотя бы подрёмывать, дожидаясь рассеивания мглы, когда ближайшее дерево можно различить в двух-трёх шагах, и нижние сучья не так уж и опасны.

Между тем ещё какое-то время шёл, понимая, что без ориентиров, без компаса, нет мне дороги к шалашу у Солгоры. Я заставлял себя остановиться. Я был с ног до головы мокрый, сухой нитки на мне не было, одежда уже не грела, а только холодила, надо было попытаться развести огонь в мокром осинни-

ке, используя для топлива, пусть и не жаркое, осинное чадающее жердовье. (Известно же: *осина не горит без керосина...*). Но, влекомый непостижимой инерцией движения, шёл и шёл вопреки правил науки выживания в экстремальных лесных условиях, какая-то сила толкала меня... Не трудно было предположить, что в таких условиях вряд ли выйду к заветному озерку. Ибо известно – путник в лесу никогда не удержит необходимого направления в сумерках. Да хотя бы и днём, если нет компаса, тучами всё небо заволокло, и солнца не видно.

Тащился, сознавая, что нога, возможно, предательски уводит меня сторону от Солгоры...

...Вдруг осинник вырубки поредел, расступился, и я прямо перед собой увидел... Нет, не избушку, и даже не шалаш, а – тонкую берёзку с едва заметным теском.

Погладил ствол берёзки, убедился, что действительно тесок, нет, не померещилось, как это бывает с путником в такие роковые минуты блужданий по лесу или по рубкам.. Иду, напряжённо разглядывая и деревца, и стволы больших деревьев тоже. И вот осина с теском! А, кроме того, разглядел примятую траву. Не знаю, почему я решил, что примятая трава ведёт к урочищу у Солгоры; примять её мог и зверь, и даже выводок глухарей, теперь птенцы размером с добрую курицу, только ещё плохо летают. А тропы глухариных выводков и зверя не всегда совпадают с человеческой тропой (хотя иногда и совпадают). Впрочем, в тот момент я себе подобных

вопросов не задавал. Просто шёл – медленно, осторожно, словно опасаясь угодить в медвежий капкан, наступить на противоположную мину времён Великой Отечественной войны.

Деревца с тесками стали повторяться, и это убеждало меня, что на этот раз не ошибаюсь, что скоро выйду к шалашу с растопкой, с чурбаками для костра. Пусть и не избушка, а всего лишь только шалаш, крытый еловой корой; *заячий шалашик*, по словам Авдеева, но крыша над головой.

Теперь главное – не торопиться, легко же сбиться в сумерках, потерять тропу, которую здесь мне, видит Бог, помогает натаптывать лесное зверье...

Но тут надо кое-что пояснить читателю. Известно, зверь охотно использует участки тропы, торённые человеком. Зверь даже иногда делает повороты, если тропа уходит в сторону под углом. То есть не спрямляет её, что обычно свойственно зверю. Объяснение простое: медведь (лось, дикий кабан), не чувствующий опасности, ходит там, где меньше препятствий. Что же удобнее человеческой тропы? Разумеется, – зверовая, по, опять же – по колее заброшенной лесной дороги торёная. Получается, что человек и зверь взаимодействуют в лесу иногда довольно-таки успешно.

Всякая лесная тропа – свидетельство деятельности бывших до нас людей. Я, например, пользуюсь колеями старинных крестьянских дорог, они тоже оказываются подходящими для устройства лесной тропы. Все ягодные мхи и лесные озёра, даже если к

ним не ведут дороги, тем не менее соединены более или менее различимыми тропами. В одном случае это чищенные тропы (тески различаются, нижние ветви на стволах деревьев подрублены), а в другом – почти непроходимы, например, там, где вырубки, которые оставили ненавистные Авдееву *буржуины-жидовины*, где тропы, хотя бы и обозначенные на картах (и даже высвечивающиеся на экранчиках «навигаторов»), совершенно непроходимы. И хорошо, что я за эти годы натоптал несколько троп! Может, самое лучшее, что я сделал за эти годы рыночных реформ и прозябаний – так это то, что натоптал, наладил тропы. Повторяю, ни один уважающий себя промысловик-охотник (грибник-ягодник) не может обходиться без налаженной тропы. Скажу более того: если у тебя читатель, нет торной тропы к необитаемому дальнему озеру, к заветному ягодному мху, то лучше и в лес не ходи! Гуляй себе по тропинкам вокруг деревни или дачного посёлка, собирай подберёзовики, моховики и тому подобные *поганики*... (Между прочим, в Оште до недавнего времени и чёрные грузди, и даже лисички считались *поганиками*). А коли нету тропы – ковыряй земельку на своём участке, выхаживай лук-чеснок, пока тебя ещё не выжила какая-нибудь богатая богатыня...

...Смелее шагаю по тропе, угадывая знакомые приметы бора у Солгоры: вот лежит огромная, в два обхвата осина, не одно десятилетие гниёт и преет, потому и вижу отлично в сумерках её высокий пень с двухметровыми «щепицами», тусклым светом тле-

ющими во мраке, видимые ночью именно вследствие тления и гниения. А далее – ель с огромным теском, его и ночью можно увидеть с двух-трёх шагов. Отличные приметы живого урочища у Солгоры. И самая надёжная примета, вековая – камень кубической формы, разрисованный иероглифами лишайника, сверху мхом заросший. В густых сумерках он медведем выступает из трущобного мрака. Возможно, в далёкую, дохристианскую эпоху, этот камень был местом поклонения древних жителей Вытегорщины... Да неужто кончилась вырубка с осинниками и хилыми березняками?! Неужто я на краю бора у Солгоры, которого ещё не коснулась *мертвящая рука капитала*?! Через полчаса буду у шалаша. Хотя понимаю: и полчаса могут показаться вечностью; успокаиваю себя тем, что сбиться тут никак невозможно. По правую руку еловые посадки советского леспромхоза, они через полвека превратятся в лесные экосистемы, правда, отдалённо напоминающие еловые боры. Если, конечно, не попадут в загребушие лапы арендаторов... По левую же руку – мокрая корба, топь с ивняком, с мокрыми мхами и пригнетённым уродливым березнячком.

В мало хоженном, местами совершенном незнакомом мне лесу, я стремился выйти на свою тропу, – и вот она, родная, и в густых сумерках безлунной, дождливой августовской ночи её узнаю, не спутаю ни с какой другой...

Чувство радости, ощущение победы испытал я, когда вошёл в дикий еловый бор и увидел толстую

валежную ель, преграждающую мне путь: преогромный выворотень её чернеет на краю топкого мха, вершина же скрывается в густом непролазном ельнике. Такое препятствие и днём не обойти. Останавливаюсь, сажусь верхом на валежину, чтобы отдохнуть, прийти в себя после перехода по заболоченным ельникам да по трущобным вырубкам, сбросить нервное напряжение. Сто-двести шагов отделяют меня от того места, где буду наслаждаться теплом божественного огня.

Но я не тороплюсь, даже расстегнул лямки рюкзака. Иногда доносятся звуки и шорохи лесных обитателей, предпочитающих бодрствовать ночью. Не только тело, но и душа отдыхает! Нет места на земле безопаснее этого матёрого бора, погружённого во мрак мокрой ночи. Ни бандитов здесь, ни наркоманов. И даже для сотрудников спецслужб, надзирающих за активистами оппозиции, за русскими патриотами, я здесь недосягаем.

Не ведал, как добраться сюда, а вот – живу!

Август, 2012.

Предприимчивые хлопотуны

Живописные, громоздившиеся тёмными башнями облака обещали грозу, что благотворно повлияло бы на шук, прибавило им бодрости. Куда там! В небе громыхало-полыхало, а дождичек был так себе. В ходу только *травянки* (малорослые щучки), эти всегда в ходу и всегда голодны. Всё-таки не теряю надежды, что глубинные шуки ночью (под утро) начнут шевелиться-двигаться. Хотя бы одна глубинная шука подцепилась, а то всё щучки да щурята... Решил обновить живцов на всех жерлицах, настроился удить и в сумерках, до тех пор, пока поплавок различается среди кувшинок; надо на всех ловецких кольях заменить живцов.

...Перегрёб дальнюю Игнатовскую заводь Ясень-озера, направляю лодку в сторону толстой, обрушенной бобрами в воду осины. Внимание привлекли круги, расходившиеся от громадного чёрного комля дерева, торчащего из воды подобно туше какого-то крупного зверя. Наверное, плотица кормится или окуни за мелюзгой гоняются. Обогнув подводные сучья топляка, угрожающие моей «душегубке», увидел бобра, сидевшего на остатках плота, поросшего ивняком и травой. Он деловито обрабатывал толстую ветку осины. Положив весло на борт лодки, бесшумно скользившей к берегу, наблюдаю, как бобр всё так же сосредоточенно, ни на что не отвлекаясь, продол-

жают глотать осину. Кажется, заметил меня – плюхнулся в воду. Но не исчез под водой, не скрылся среди бобровых каналов и нор, которыми изрыт весь берег, заваленный стволами елей, направился прямо ко мне. Лодка, конечно же, продолжала тихо скользить к берегу, слышался только звон капель воды, стекавших с весла. Бобр деловито проплыл вдоль борта (это был молодой бобр), развернулся по ходу движения лодки, поплыл рядом со мной. Внимательно посмотрев на меня (я хорошо различал его глазки) он вдруг сильно хлопнул хвостом, окатив при этом меня брызгами. Я просто опешил: даже медведи сторонятся и уступают мне тропу. А тут такое нахальство... Вода в озере тёмная, но путь бобра под водой ясно указывали пузырьки воздуха. Бобр вылез на берег, отряхнулся и, не спеша, исчез среди завалов поверженных елей и осин.

Расскажу мужикам в деревне – поверят ли? Такая встреча на озере – редкое, явление. Бобры ведь народец сумеречного времени. А между тем, ещё светлый ясный вечер.

Следует заметить, про бобров написана гора книг, надо иметь большие литературные амбиции, чтобы сообщить читателю что-то новое и интересное. Собственно, ещё книги Серой Совы (известного также под индейским именем Вэша Куэннезин) как бы закрыли бобровую тему. Лучше Серой Совы невозможно написать про бобров. И всё же... Ну что я могу поделаться, если эти хлопотливые существа постоянно напоминают мне о себе своим присутствием!

С бобрами я в друзьях, они мне помогают обустроить быт; правильнее сказать, я постоянно пользуюсь их трудами: всюду нахожу тщательно ошкуренные от коры и заболони чурбаки, заморенные в воде или, напротив, хорошо высушенные на солнце. Случается, целые брёвна подбираю, годятся для дневного костра, сооружения костровой ветрозащитной стенки. Между прочим, берёзовые чурбаки, очищенные от коры или заболони, словно на токарном станке обточенные, подсушенные на солнце или у костра, — отличное топливо как для дневного, так и для ночного тлеющего костра. Полгода назад я уложил на покажи сухую берёзу, старательно очищенную бобрами от коры и заболони. Надо найти время, чтобы раскряжевать бревно топором или пилой-лучковкой. Отличный верхняк для ночного костра. Кроме того, из берёзового чурбака нужно выстругать новое топорище.

Следует заметить, стволы поваленной берёзы с доброкачественной древесиной большая редкость в лесу. Ветер редко ломает берёзу, разве подопревшую, которая в дело не годится, а для дневного костра — в самый раз. Сломленные ураганным ветром берёзы быстро сопревают, если залёживаются, ведь их кора, совершенно непроницаемая для воздуха, не лопается, как у других пород деревьев... Другое дело, как в том случае, когда бобры повалили берёзу и тут же её обработали.

Непреренно подбираю и бересту для растопки там, где бобры занимаются своей хозяйственной деятельностью, иногда непонятной даже и мне, лесному страннику. Особенно хороши ошмётки толстой коры, — я их

обычно использую для освещения жилого пространства тёмной августовской или осенней ночью. Поэтому вблизи становища никогда не обдираю берёзы, нет причины заготавливать кору, пользуюсь готовым. А если кто мне тут укажет на дерево с ободранной корой, то это дело рук таких же, как я лешаков, только обитавших на озере до меня двадцать-тридцать лет назад.

Следует знать, что береста, туго скрученная с помощью нагревания в трубочку, годится и для изготовления поплавок для «тридцатки», сеточки-выручалки. Не всегда щуки цепляются на крюк жерлицы, в таком случае выручает изодранная корягами «тридцатка»; поставишь к ночи, и запутается какая-нибудь рыбёшка, на уху всегда наловлю. И не далее как вчера, прибуksировал к берегу осину, которую прямо в воде, на плаву, обточили неутомные соседи. Не сомневаюсь, что за трое-четыре суток она проявится у моего неугасимого огня возле шалаша; из этого ствола, обглоданного бобрами, получится *верхняк* для трёхчурбачной ноды, не уступающий и берёзе, разве тепловых калорий поменьше.

Спросите, зачем обирать бобров, если есть топор или пила-лучковка? А всё потому, что в лесу не хватает времени: увлёкся ужением плотиц и окуней, и не заметил, как солнце, сиявшее весь вечер в перьях розовых облаков, вдруг скрылось за дальней гривой, прибрежные рощи и боровины помрачились. Тут и вспомнишь, что августовская ночь долгая, тёмная, а на стану всего-ничего, один чурбак, в котором совсем немного *руды*, и нужен запас топлива, чурбаки иногда слишком быстро

прогорают. В ближайшем бору, конечно, есть нагляженные сушины, но, упаси бог, заготовливать в сумерках топливо для костра. «Последнее дело валить *в темь*х дерево, хоть живое, хоть мёртвое», – всякий раз предупреждает меня при встрече Авдеев. Вот и приходится подбирать, что плохо лежит на берегу.

Случается, повалив в чаще высокую тонкую берёзку или ивовый хлыст, бобыры обгрызают только ветви, а жердь почему-то оставляют в воде у берега или в прибрежных канавах, которые они же и прогрызают – там, где берег озера плоский или пологий. Эти канавы (лучше сказать – каналы), прежде всего, служат им для удобного передвижения по низинному участку берега, для сплава чурбаков, из которых они строят избушки и плотины, а также для буксировки зелёных ветвей, потребных для кормёжки. Вот и подбираю брошенные бобрами жерди: их использую для навешивания жерличных рогаток. Заморенные в воде, вылежавшиеся в иле, эти колья долговечны, прочны, они мне служат не один сезон. Но со временем концы ловецких жердей всё же становятся хрупкими, могут обломиться, если на крюке окажется приличная глубинная щука. Потому я их каждый год испытываю на прочность. Жерди, не выдержавшие испытания, выдёргиваю, буксирую к жилому бору, чтобы потом использовать их для укрепления кровли сиротского убежища – шалаша.

И как бы я переходил реку Ошту, если бы не бобыры? Ведь старый висячий мостик на цепях против деревни, перекинутый колхозными пастухами, дав-

но снесло паводком. Новый же некому строить – под сурдинку о гибели «справного мужика-крестьянина», уничтожили колхозное хозяйство «Большевик», извели всех бурёнок. И в пресловутом «частном секторе» нет коров... Есть мост для вывоза леса с левого берега реки, но он в стороне от моей «партизанской» тропы. Да и видеть я его не хочу...

Бобры – замечательные мостостроители. Они валят высокие прибрежные берёзы и ольшины и, таким образом, выручают меня в полоую воду – в паводок весной, во время продолжительных осенних дождей. Обычно бобровые клады больше года не служат, поскольку их сносит в половодье. Но я всегда нахожу удачно поваленное, перекинутое через речку дерево. Чтобы превратить его в полноценный мостик, остаётся только обрубить сучья вершинника. Понятно, прежде чем стать на гладкое бревно, раскачивающееся под воздействием веса пешехода, надо вырубить длинный опорный шест.

Живи мирно в союзе и дружбе с большими и малыми обитателями леса, и никогда не будешь в убытке. При условии, если всё примечаешь в лесу, не ленишься подбирать то, что тебе, можно сказать, бросают под ноги братья твои меньшие...

И я не истребляю бобров ради шкуры или мяса. Авдеев, побывавший на Ясень-озере, где я провожу большую часть лесной жизни, где, так сказать, «отдыхаю» (ставлю по три десятка жерлиц-самоловок, до двенадцати часов ежедневной каторги), сказал мне: «Вижу, бобры облюбовали твой жилой берег. Всюду

зелёные хлысты и ошкуренные чурбаки. Верно, скоро хатку построят рядом с твоим шалашом. Потому как ты их не обижаешь. Зверь не дурак, он ведь всегда чувствует обличье человека». (Бобр, как и заяц, – по понятиям вытегоров, – зверь, хотя и некрупный.)

Пока не построили хатку, а ведь с наступлением сумерек слышу плески; тихими вечерами они словно пушечные выстрелы. Это когда бобр, в момент опасности (или по какой другой причине), ударяет широким хвостом по воде.

Ещё скажу по секрету: у меня на становище есть бобровые капканы, которые я подобрал под елью на зарастающей тропе. Вероятно, их припрятал какой-нибудь лесной дед, да запомнил место, теперь уж не найти ему свой схрон. А признаться в том – ни за что не признается... Или занемог так, что в лес – ни ногой. Внуки же оштинских дедов-лесовиков нынче знают только одну тропку – к ближайшему шалману.

Остановиваясь на короткий привал под елью, я три года посматривал на эти капканы, и всё же перенёс их в трущобу на Солгоре, спрятал рядом с изобкой. Может, в лихую годину и пригодятся. Жизнь какая? Кризис за кризисом, опять, как при Ельцине, зарплату трудящемуся задерживают по два-три месяца; моему другу-литератору (работает в домовой котельной) *крутой* хозяин только «квитки» с начислениями выдаёт вместо денег... Поймаю бобра, если приспичит. Я же вырос в семье, где промысел ондатры (наряду с рыбалкой) был основным средством существования нашей большой семьи, и, конечно же,

был научен некоторым азам промысла. Еще школьником ловил капканами ондатру, а также фазанов, совершавших набеги на бахчу, расклёвывавших нежную завязь арбузов и дынь. В тугайных и травяных чащобах на острове, омываемом узёками, были натоптаны тропки, и все они вели к той части огорода и бахчи, где под солнцем вились арбузные плети с ажурной листвой. Надо же было принимать меры против вредителей. Мне кажется, я смог бы добыть и бобра: Авдеев показывал мне, как ставить капканы, он также сказал, что надо делать, чтобы бобровое мясо не разило осиной. И я не принадлежу к людям, исповедующим крайности, а взгляды некоторых приверженцев «партии зелёных», всякого рода «яблочных» партий, мне просто чужды. Читал их агитки: «Есть мясо животных – дикость и варварство. Мясоедство должно быть запрещено. Немедленно. Запрещено законом. Мясоедов обличать в средствах массовой информации, как опасных для цивилизованного общества людей...»

Мясо ем, конечно, и с удовольствием, и не знаю человека, который бы умер от мяса. И баранину ем, и верблюжатину, и конину случалось, ел. Но в последние годы увлёкся жерличной рыбалкой, стал заядлым щукарём, в деревне и в лесу отлично обхожусь рыбой и грибами, некоторым количеством мясных консервов. Пока нет особой необходимости добывать бобра.

И, конечно же, совсем не понимаю людей, которые на моих лесных друзей возводят напраслину, готовы их истребить на озёрах даже не ради меха, а

из какой-то просто патологической неприязни к ним. Некоторые любители и даже знатоки природы недовольны неутомимой работой бобров, на любом приличном ручье устраивающих плотины и, повышающих уровень не только в ручьях, но и в озёрах, что ведёт к заболачиванию побережья водоёмов, подтапливанию ягодных мхов и участков леса. Бывает, так изроют своими каналами берег озера, что ни конному не проехать, ни пешему не пройти. По словам друга Петровича, «бобры экологию испортили».

С этим утверждением отчасти можно согласиться. И даже прямо сейчас расскажу случай, когда и мне пришлось претерпеть из-за бобров, целая история приключилась.

К югу от Киргозера простирается отличный клюквенный мох. Было время, сюда даже из Ленинградской области, из Шустручья, приезжали колхозники на тракторе за клюквой. Нынче дорога в сторону Киргозера так раздолбана лесовозами, что старенькому «белорусу» её не одолеть. Да уже и тракторов нет в Шустручье, посёлок доконали-таки «нацпроекты» – окна домов колхозников заколочены горбылями, подворья заросли бурьяном, местами и кустарником. Случалось бывать в Шустручье, видел. И соляр нынче дорог – дорожке литра молока. А на своих двоих далековато жителям этого убогого сельского селища. Короче говоря, нынче у меня нет конкурентов на ягодных полянах Киргозерского мха. Одно время со мной ходил сюда Петрович. Но и он что-то в последнее время сдал; вооружившись гаеч-

ными ключами, всё больше на своём деревенском подворье возится с мотоблоком. Даже вездесущие Авдеевы сюда перестали навещаться, где-то поближе к Оште ягодные мхи месят и мнут.

...Дело было хмурым осенним днём, когда я на несколько месяцев, – до майских ясных янтарных вечеров, – прощался с Ясень-озером и окрестными ягодными мхами. Убрав кровельную плёнку шалаша, спрятав «душегубку» в заболоченной трущобе до следующего года, решил завернуть на клюквенный мох. Утро было ясное, обещавшее отличный день бабьего лета, но пока возился с кровлей и прочими делами (к зиме надо как следует убраться в жилом бору), потянул сивер, тучи напоззли, дождь начал сеять.

На берегу Киргозера по своей привычке, собирал ягоду, не обращая внимания на погоду. В этих краях бояться дождя – клюквы не наберёшь. А места на западной стороне Киргозера отменные. Даже кочки, заросшие багульником, голубикой и осокой, обсыпаны ягодой. Местами она как будто нарочно рассыпана на ровных чистых полянках плотной мшаги с коротким ворсом, покрытыми зелёными, белыми и вишнёвыми пятнами и узорами, так напоминающими мне туркменские ковры, которыми когда-то я любовался на базаре в Ашхабаде. Где руками грёб, а где и кузовок пускал в дело. Например, там, где *ковры* – где гладкий моховой разноцветный покров и нет багульника, орудовал кузовком.

Перед закатом дождь на время прекратился, низовой предвечерний свет высветил лесные гривы

вокруг озера и прибрежные мхи, изукрашенные окристыми и зеленовато-жёлтыми полосами. Присев на высокую кочку, поглядывал на избушку на той стороне озера, там, где стоит наклонившаяся к воде осина с обломанной вершиной. Листва уже вызолотилась, сучья местами оголились, и чёрный сруб, словно золочёным орнаментом покрыт.

Но вдруг снова всё вокруг помрачилось. Сивер уже не переставая насвистывал в прибрежном сосняке. Но настроение у меня было хорошее. На ягодных моховых закрайках меня никогда не покидает ощущение покоя и радости. Спина ноет, а всё равно хорошо. Посмотрю на ту сторону, на избушку в золочёных узорах, и продолжаю очёсывать кочки кузовком. Хотя следовало быть поближе к избушке. Помнится, шимозёры, жители вепсских деревень в Шимозерье, поучали меня: «Ягоду собирай до пяти, потом уж зверь из урмана выходит...»

Был настроен столь благодушно, что даже не потрудился, чтобы подойти к ручью, вытекающему из озера и узнать, в каком состоянии переход. И уже дальние гривы в густеющем мраке теряли свои очертания, а я всё черпал ягоду, правда, не всё подряд, выбирал кочки побогаче. Но черпал также и воду за голенища!

Наконец, приблизился к жёлтым сухим камышам, точно указывающим на исток ручья. Но что это?! Путь мне преграждают глубокие бобровые каналы. А сам ручей подобен Оште, превратился в настоящую реку.

Всякий, кто, подобно автору этих строк, любит лесные скитания, должен знать простую истину: обычно брода нет там, где ручей вытекает из озера, какой к чёрту брод, глубина же здесь, как в заводи озёрной, просто так не перейдёшь.

Бобры уже покинули свои дневные укрытия, занимались обычным своим делом – буксировкой всякого хмыза. Бог весть, где они ветви и сучья скусувают, а и в прошлом году ясным солнечным днём не видел тут вблизи ни одного лиственного деревца. Ни осинки, ни ольшинки! Бобры подняли уровень в озере и в ручье, и прибрежный лиственный древостой вымок, оставшуюся часть берёз и осинки они расхитили раньше; вокруг одни только пеньки, похожие на воткнутые в мох кольца с заострёнными концами. Не дай бог, повалиться на такой пенёк! Кругом торчат созревшие берёзы, сосновые и еловые суховершнные сушины. Ну а по мху виднеются кривые болотные сосенки-ёлочки, похожие на старых старух, согбённых над кочками, всё ещё собирающих клюкву.

Не обращая на меня внимания, бобры таскают по своим каналам ветви и хлысты, волокут всё это к хатке, подобно охотничьему стану, возвышающейся среди моховой глади на краю Киргозерского мха. Меряю шестом глубину, убеждаюсь, что можно хорошо выкупаться, если оплошаешь. Положение отчаянное: непременно надо идти к избушке на той стороне озера, а на пути глубокий ручей, через который предстоит как-то переправляться. Да вот ещё бобры каналов нарыли, ну, натурально – вредите-

ли, экологию испортили. Но не тащиться же обратно к Ясень-озеру – по трущобистым дебрям во мраке осеннем! Сумерки отрезали путь к Ясень-озеру. Только к ручью – туда, где через ручей перекинута кладь, – заморенное в воде бревно, приспособленное для перехода! Слышу вопрос: «А если добратся до окраинной лесной гривы, и там заночевать?». Так обычно и делают охотники или грибники-ягодники, припозднившиеся на каком-нибудь верховом болоте. Вижу и гриву, и сосновый бор, но туда тоже тащиться по раскисшим, насыщенным водой мхам. И не так-то просто отыскать подходящее место для ночлега, топливо для ночного костра осенними ненастными сумерками. У меня же тут нигде нет *нагляженного* места. Тогда как на восточной стороне озера – избушка, надо лишь по мхам обойти заводи. Хотя тоже путь не близкий, два-три километра берегом, и, прежде, конечно, надо переправиться через ручей. И далеко, и трудно, а – избушка! Надёжная крыша над головой, и печурка. Я её, конечно, уже не вижу, но точно знаю, где она, вон там притаилась, где прибрежный ельник сплошной массой чернеет...

*Ин-да, побредем, Петрович!** И я волокусь к ручью, уже не обращаю внимания на то, что голенища черпают воду. Даже ввалился в бобровую канаву. Вода поначалу показалась не очень холодной, но вскоре почувствовал, что не Алушта, нет, не Южный берег Крыма...

* – Слова протопопицы из «Жития протопопа Аввакума...»

Подойдя же к ручью, ощутил нечто такое, что можно выразить словами *тихий ужас* – одни лишь гнилые колья на месте перехода... Бревно снесло течением! – первое, что приходит в голову. А брода в этом месте нет, и никогда не бывало, даже и в межень (при летнем уровне воды).

Прочь уныние! Ширяю жердью в чёрную, как смола воду... Какое везенье – бревно на месте! Бобры перегородили ручей плотиной, и бревно исчезло под водой. Опираясь всё на ту же жердь, стал на кладь, скрытую под водой, осторожно переступая по бревну, переправляюсь на другой берег, между прочим, тоже залит водой. И хорошо, что за спиной почти пустой рюкзак, клюкву же в пластиковом мешке бросил среди кочек там, где собирал ягоду. Завтра что-нибудь придумаю. Видел на той стороне озера, неподалёку от избушки, какие-то брёвна – плот или остатки плота.

Ручей позади, но мало радости, кругом хлябь, мокрое болото. Как будто бодро иду, но окраинный ельник, вроде и не приближается. Да ещё бы: сапоги пудовые, вода в сапогах хлюпает. И ступни немеют от холода, хотя и портянками утеплена нога.

«Ну, всегда же ты заведёшь в корбу, да такую, что мудя в воде», – слышал я не раз от Петровича.

...Нашёл высокую кочку, разувшись, вылил из сапог воду, натянул сухие, шерстяные носки. Портянки же и мокрые носки запихнул в рюкзак. Словно гири с ног свалились! Иду легко, бодро, и вот уже

и ельник с лесопосадками, и бревенчатый переход через ручей, впадающий в озеро с востока, и я уже на желанной тропе в ельнике.

Ввалившись в жилище, сбросил мокрую одежду, быстро облачился в то, что нашёл. Вся эта одежда, развешанная на гвоздях, конечно, трачена молью, поточена мышам. Но ведь сухая, и тепло держит! И растопка есть в избушке, и запас топлива! По всему чувствуется, что здесь были Авдеевы. Теперь не каждый человек оставляет в избушке дрова и растопку. Ещё несколько минут, и в печурке полыхают сухие берёзовые поленья...

Да, это так: подкузьмили мои друзья-бобры, чуть не пропал, но нет у меня к ним претензий, какие ещё претензии – живут они здесь. Ну, подняли уровень в озере, и что? Только условия для нереста улучшились: по мхам, залитым полонной водой, рыба любит икру откладывать. Лучше рыбе отнерестится по мелководью, чем в глубине озёрной. А что леса вокруг повырубали, боровины, оставленные советскими леспромхозами в качестве природоохранных или водоохранных, а также для воспроизводства лесного фонда, – нынешние арендаторы расхитили, уникальную Оштинскую экосистему скверные людишки, ненасытные живоглоты губят, – обывателя это, похоже, совершенно не волнует. Не далее, как три дня назад, местные жители на так называемом «сельском сходе» одобрили проект устройства промышленного карьера в деревне Курвошский Погост, то есть фактически одобрили

её уничтожение. А Петрович, мой друг и товарищ таёжный, увы, промолчал, и чиновная дама расценила это как одобрение бесчеловечного, антиэкологического проекта.

2013

Под игом ночей в пехнях

1

Сижу у тлеющей но́ды под защитой шатровой ели. Чурбаки горят ровно, коротким пламенем, по всей длине. В бору сумерки наступают сразу же после захода солнца, и некоторое время было так темно, что за пределами костра я ничего не видел. Но вот появилась луна, и теперь бор в полосах мёртвого лунного света, в отблесках живого ночного костра, озаряющего комли елей и сосен.

Праздно привалившись к прислону из смолевых чурбаков и жердей (ночной запас топлива), смотрю на озеро сквозь кровельную плёнку, ещё не запорошенную еловой пылью, не затемнённую копотью костра, значит, не утратившей прозрачности. Гляжу на озеро, как из огромного окна богатого особняка. Любуюсь лунной дорожкой маслено-жёлтого цвета, какой бывает у свежей щепы сосновой сушины. Вспоминаю, как я первый раз тащился сюда, к Солгоре, не сводя глаз с пятнышка погасающей зари, а компас развалился.

В поисках необитаемых озёр мы с Петровичем (когда вместе, иногда порознь) странствуем по лесам и вырубкам Вытегорщины и Подпорожья. Покинули менее обитаемые вологодские озёра, создали на ленинградских озёрах инфраструктуру выживания – натоптали тропы, обозначив их тесками-

клеймами, построили избушку, сплотили два плота. И всё это – вроде как для других людей, совсем чужих нам людей.

Господи! Ну, какая нужда гонит людей в леса (и ведь уже изрядно расхищенные леса!), в горы Полярного Урала, в песчаные пустыни, в моря, наконец? Что вынуждало художника Роккуэлла Кента странствовать по свету вместо того, чтобы иллюстрировать классиков литературы, – Шекспира, Мелвилла, в чём он, между прочим, не имеет себе равных? Судя по документальным фильмам, в морях Мирового океана, на яхтах или даже на плотах, даже на утлых шлюпках-яликах, люди месяцами, а то и годами живут. Вот так живут и возвращаются в города счастливыми. Если, конечно, вообще возвращаются, если не остаются навсегда на каком-нибудь коралловом островке в Тихом океане или в пучине морской... Нет, не могу я тебе, читатель, ответить на подобные вопросы. Меня же в леса Вытегорщины влечёт власть природы. Точно так же, как прежде, в молодые годы, эта же власть природы влекла меня на просторы песчаных пустынь Евразии... Возможно, человеческая душа, угнетённая чуждыми ей ритмами и звуками города, требует насыщения картинами, глосами и ритмами естественной природы.

«Ты ещё не перегорел! Не успокоилась твоя бродяжья душа!», – сказал мне Петрович, когда я ему сообщил, что иду на ленинградские озёра.

Мои странствия, конечно, ничто по сравнению с теми, что совершаются смелыми и безрассудными землянами (вроде того же Фёдора Конюхова) по мо-

рям Мирового океана на жалких судёнышках под парусом. Но тоже неделями скитаюсь, и под конец этих скитаний мечтаешь насладиться уютом деревенской избы, а уж баня с пропитанными копотью стенами, словно бы покрытыми чёрным глянцем лака, с камнями печуры, опушёнными сажей – ни с чем несравнимое блаженство. Оазис, мечта бедуина в песчаной пустыне аравийской.

Лежу возле разгорающихся чурбаков, поглядывая на оранжево-фиолетовое узорочье пламени, задрёмываю; громкое фырканье ночного костра, удары шишек, падающих на кровлю шалаша, разнообразные лесные звуки и шорохи беспокоят дремлющий мозг, и уже вместо деревенского оазиса, о котором мечталось, грезятся обрывки мелодий, стихов...

Что такое?! Слышу повторяющиеся, вроде как металлические звуки с того берега. Нет, не показалось, отчётливо слышу: ельник идёт бродяга, и у него в котомке брякает и звякает плохо уложенный котелок с ложкой и кружкой. Это меня, конечно, настораживает, нащупываю шершавую костяную рукоять ножа под изголовком, то есть под сапогами, набитыми сухим мхом. Добрые люди не шастают по ночам в лесу. Если принять во внимание, что бродяги-бомжи обретаются в основном в городах и крупных посёлках, то можно предположить только одно: вокруг озера бродит какой-нибудь зэк, бежавший из тюрьмы. Говорят, из вологодской тюрьмы частенько бегут, некоторых беглецов годами не могут разыскать. Да их, якобы, и не усердно ищут наши доблес-

тные «правоохранители», полагая, что они неотвратимо опять окажутся в тюрьме, совершив очередное преступление. Это с русскими патриотами скоро расправляются, и сроки дают приличные. К счастью, я за все годы скитаний по лесам, не встречал преступников и деклассированных элементов. Правда, некоторые чиновники из лесного департамента Вологодской области, особенно те, кому приходится примерно раз в год сочинять отписки на запросы депутата Госдумы, таковым, – деклассированным элементом, бродягой, – как раз считают автора этих строк. Возможно, они по-своему правы, я, в самом деле, значительную часть своей жизни провёл в скитаниях. Собственно, в этом и нет ничего нового: писатель, философ и поэт Генри Торо в глазах жителей американского Конкорда был бродягой и бездельником, даже в тюрьму его сажали.

...Ещё одна неприятность: вокруг костра и шалаша летает моховой шмель, недовольно гудит. Никак шершень?! Цапнет, мало не покажется! Живёт в пластах мха, которым я обложил нижний ярус временного лесного пристанища, потревожил его, когда укреплял жердевой каркас шалаша, сооружённый на скорую руку. Да ещё огонь, смолевой дым. Вот и недоволен. Летал кругами шмель (или шершень, кто же его в темноте разглядит!) гудел-гудел да и улетел искать более спокойное место. Между прочим, северные моховые шмели советскими учёными были занесены в Красную книгу. Напрасные труды: гнусные людишки, лесоистребители, не пощадили мхов.

Ночь тихая, ни веточка не треснет в сучьях ели, под сенью которой я однажды спасался во время сильного ливня с ветром, и не было другого укрытия, кроме этой матушки-ели. Даже металлические звуки прекратились.

2

...Как будто вчера было, хорошо помню день и час, когда меня застигла дождевая буря на тропе по пути к Солгоре. Перед тем некоторое время спасался от дождя под плёнкой на Ясень-озере, и мне показалось, что дождь стихает, и я решил вернуться в деревню; на тропе между Ясень-озером и Солгорой попал под сильный проливной дождь. Однако я не жалел, что ушёл с Ясень-озера, на берегах которого тогда не было никакого лесного убежища, даже и примитивного стана, где бы можно было укрыться в непогоду. Только плёнка привязана к лапам елей, самый настоящий заячий шалашик на случай непогоды. Поэтому и решил, что уж лучше идти куда-нибудь, пусть и в дождь, чем сидеть под плёнкой и околевать от сырости и холода.

Выйдя на берег необитаемого в то время озера у Солгоры, я понял, что идти дальше не могу, что надо остановиться...

Выл ветер, вот эта могучая шатровая ель на краю прибрежного бора, раскачивалась, как былинка. Гром грохотал не переставая, чудовищный треск оглушал, то и дело вспыхивали синие молнии, и разряды словно бы всаживались в ближайшие ели. Однажды я

даже совсем рядом увидел вспышку огня, подбежал к ели, в которую, как мне показалось, ударила молния. Но ни свежей щепы, ни повреждений в виде трещин я не обнаружил. А громовую стрелку, сварку песка в виде песчаной сосульки, не стал искать, не до того было.

Ледяные потоки дождя, конечно же, пробивали хвойный шатер. Но все же теперь, под елью, за шиворот не текли ушаты воды, как это было полчаса назад, когда я, подобно объатым ужасом *детям, бегущим от грозы*,* стремился к Солгоре, чтобы найти убежище в еловом бору. Тогда ещё не было избки на восточной стороне озера, даже не было этого шалаша под елью у тропы, откуда в лунные ночи открывается чудесный вид на озеро.

Дождевые потоки били откуда-то сбоку, под хвойным шатром клубилась водяная пыль. Трудно в таких условиях развести огонь. Но у меня нет выхода, и я у самого комля выложил костерок из смолевых сучьев, положил как можно больше берёзовой коры, – благо, её тут в достатке, она и сейчас под елью же нанизана на заострённые сухие сучья. Добавил в растопку несколько комочков еловой смолы. Укрывшись сверху плёнкой, осторожно извлёк из коробка спичку, чиркнул о черкало...

* – Автор имеет в виду название и сюжет красочной, поэтической картины дореволюционного русского художника К. Маковского, которая была известна во всех уголках СССР, благодаря репродукциям, издававшимся огромными тиражами.

Ещё минуту назад не верилось, что в таких условиях, под потоками дождя и секущего ветра, бьющего с разных сторон, смогу развести огонь. Но вот – полешки разгораются, пусть пока и не слишком жарко. Первые минуты огонь оберегался, как птенец под крылом наседки, – я его прикрывал своим телом и полою куртки. Поэтому и занялись быстро крупные сырые сучья, а на комле ели начинает выступать смола. Вот оно, счастье живого огня!

Теперь бы ещё и помыться... Во время стоянок в лесу, когда горит костер, очень даже сподручно мыться во время ливневого дождя: высунулся между торцом ноги и краем боковой защиты шалаша-заслона, подставился под потоки дождя, намылится, потёрся ветошкой, и – снова под навес, где всегда тепло, если жаркие чурбаки. Хорошо бы и теперь воспользоваться случаем, смыть с себя пепел и копоть. Да нет же: устал, продрог, можно схватить жесточайшую простуду, врачей нет, и только до деревни полтора десятка километров, может и больше, кто же их тут мерил, эти километры...

Раздумывая о помывке, смотрю, как языки пламени лижут комель дерева, тянутся вверх. Да так вытягиваются, что бороды мха на сучьях, которые минуту назад казались сырыми тряпками, сейчас вот вспыхивают, как порох, и уже тонкие сучья начинают обугливаться и тлеть. Смотри, путник, хорошенько смотри, – может загореться живое дерево! И загорелось бы, да дождь потоками, водяная пыль.

Принялся орудовать костровой кочергой – палкой с крюком в виде клюшки. Да так энергично сбивал языки пламени, скользившие по стволу, что даже согрелся.

И это было моей ошибкой! Я ведь размазывал выступающую свежую смолу кочергой по дереву, и огонь от того только усиливался, и языки пламени вспыхивали и гасли над головой, на такой высоте, что я уже едва мог дотянуться до них.

Отбросив кочергу, разгрёб толстый слой лесной подстилки, разодрал руками и ножом дернину и тонкие корни, добрался до песка, до *белужины*, горстями земли сбил пламя. Затем снова схватил клюку и уже, ничуть не заботясь о спасительном тепле, развалил костёр, отодвинул чадающие головни подальше от комля, от корневых еловых отростков.

Всякому, кто собирается в лес, необходимо знать, что как раз эти боковые корневища, выступающие в стороны, и удерживают ель в вертикальном положении, даже и при ураганных ветрах. Повреждённые же огнём (или, что тоже бывает – топором) они не могут удержать могучее дерево; наша российская ель непременно падает с такими повреждениями, поскольку она, в отличие, например, от семиреченской (в горах Тянь-Шаня) лишена мощного якорного, стержневого, корня.

...Здоровье своё береги, путник, но матушку-ель не губи, не уничтожай, пригодится! Если, конечно, её не похитит загребушая рука арендатора.

Вновь сложенный на безопасном расстоянии от комля костёр жарко пылал, а я, прислонившись к дереву с обгорелой корой и натёками выступившей смолы, согревался волнами тепла. Я чувствовал, как к осмолённой ели прилипает мой свитер, но на это уж не обращал внимания.

А ветер гудел и выл, и ель раскачивалась, как одинокая рябина на лядине.

3

Ну а нынче тихо в лесу, только эта ель, которая сберегла мне здоровье, хоть как-то защитила, и под которой я впоследствии на скорую руку соорудил сквозящий шалаш, иногда немного поскрипывает. (А ещё какие-то металлические звуки всё же доносятся). Возможно, она уже двести или триста лет поскрипывает... И что я о ней знаю?

В годы странствий по Семиречью, мечтал написать очерк или рассказ, в котором была бы наглядно и живо показана сложная жизнь обитателей, например, песчаного бархана Кокчугуз в дельте Или, поросшего белым саксаулом и жузгуном.

Или взять хвойный бор на Солгоре, в лунном свете он сейчас хорошо виден. Что о нём знаю? Перечисления видов обитателей бора займут не одну страницу. Ибо известно, живые существа в бору Русского леса живут и на земле, и под землёй, и в подстилке лесной, и на деревьях – от комля и до самых верхушек, их здесь огромное множество, городской обыватель даже и не подозревает о существовании не-

которых видов. Да и жизнь тех, которых он часто или редко видит, тоже для него, как правило, не ведома, если он не специалист-зоолог, не орнитолог. И если дать художественное описание жизни соснового или елового бора, то получится интересная книга. Но тут нужен зоркий глаз Зворыкина, нужны глубокие научные знания Мантейфеля, Формозова. Я же очеркист, повествователь скитаний.

Уничтожают светлые берёзовые рощи, еловые веретья-островины среди болот, непроходимые пехняги с тропами и лежками крупного зверя, сосновые боры с токовищами глухаря (редкое чудо земное!)... И ради чего истребляется среда обитания человека и всего сущего на земле, живая природа во всех её, совершенно непостижимых проявлениях? Добро бы для устройства жилищ, каких-то полезных производственных зданий. Да нет же – леса вырубают ради ненасытных потребителей бумаги! Городской обыватель не успевает выгребать из почтовых ящиков рекламные листки, официозные или бульварного типа газетки-брехунки, в которых главное – кричащий заголовок крупными буквами во всю полосу, а читать нечего, и факты извращены; журнальные же киоски на станциях метро и по всему городу забиты *весёлыми* журнальчиками с глянцевыми обнажёнными телесами на обложках, – вот на что истрачены еловые и сосновые боры, чистые берёзовые рощи, истинные храмы Природы. Жадные, ненасытные люди холодно и равнодушно истребляют природу лесов Прионежья, ещё даже как следует не изученную до конца.

Нет, не хвойные боры рубят, не берёзовые рощи – Русский дом, *планету людей* уничтожают!

И что же получается, дорогие друзья? Здесь, на Оштинском рубеже, финским агрессорам насмерть противостояли советские дивизии, сформированные из сибирских и вологодских мужиков. Гитлеровские сателлиты очень скоро поняли, что у них нет никаких преимуществ в лесных дебрях, чем они прежде похвалялись, вспоминая былые бои на Карельском перешейке. Значит, красноармейцы защищали от оккупантов еловые и сосновые боры, рыбные озёра, форелевые речки и ручьи, а также, конечно, – все эти талые, холодные и белые ручьи, источники местнотимые.

Тоска сердечная охватывает, когда с лупой в руках перечитываю покоробившиеся, побуревшие от пота и дождевой влаги страницы путевых блокнотов. Эти письменные «затеси» в блокнотах я оставлял во время привалов на Урозерской тропе. Теперь там, где была старинная Урозерская тропа, совершенно непроходимые вырубки; вытегоры (Авдеев, например) непременно называют их *погаными* или вот ещё *воровскими*. Собственно, и тропы теперь нет, как таковой, какая там тропа, если кругом пресловутый «порубочный материал» – вершинник, комли могучих деревьев. И тут же двадцатиметровые стволы, длинные, без изъянов, сосновые и еловые жерди, имеющие вполне товарный вид. Вот что совершенно невозможно объяснить, даже и рыночными законами и порядками – лес рубят, и бросают!

Уже и не верится, что не так давно совсем другое было на пути к Ясень-озеру, как об этом свидетельствуют походные записи карандашом: «Первый раз иду мне совершенно незнакомой, а для местных жителей – *вековечной* Урозерской тропой. Поэтому поглядываю на компас. По обе стороны сплошь высокие деревья, ровные, прямые, сучья и ветви только на вершине, и оттуда на тебя смотрит глухарь, прилетевший на ночёвку; свесился, удивлённо крутит головой: «Что за пень вертячий-ходящий в урмане?» Ну, ни одного суковатого дерева, такого, чтобы можно было во время привала зацепиться за сук, покачаться на суку, растянуть, размять, расшевелить позвонки. На всём пути от Ивинской дороги и до Вой-ручья, и далее – до Палболота, Палого мха и Ясень-озера – ни одной ели, ни одной сосны или осины подходящей (с суковьюём) для упражнений. Мачтовый лес. Даже и берёзы – высокие, стройные, гладкие; листва и сучья высоко. Сбился с тропы, заблудился – не забраться, чтобы оглядеть окрест... Встретится медведица с *детищем* или *бык* осенью (лось) – не спастись... И такой вот лес, именуемый в экологических монографиях **первобытным**, а в зарубежной экологической литературе его ещё называют **климаксным** (то есть достигшим равновесия с климатом и различными биологическими видами своего развития в эволюционном процессе, неспособным к дальнейшим эволюционным изменениям), нынче истребляется (всюду вижу деланочные столбы, тески, указывающие границы так назы-

ваемых выделов – массивов, определённых под вырубку) вывозится за кордон на потребу ненасытному *буржуину-жидовину*, европею, захапистому пиндосу-америкосу...»

«Храм природы разрушен, и это невосполнимо! Всякий храм – православный ли, языческий, или памятник советской культуры, можно реставрировать или полностью восстановить, если есть на то воля людей – верующих, ценителей архитектурных раритетов минувшей (или истреблённой до того) цивилизации».

«Уничтоженный бор возродить невозможно. Даже сосновые и еловые лесопосадки советских времён, ныне греющие душу скитальца, вряд ли когда-либо, даже и в отдалённом будущем, станут тем, что мы называем русским словом бор».

«Леса Оштинской долины, и всего обширного водосбора реки Ошты, подобны подрубленному дереву, которое ещё не рухнуло только потому, что лесоруб решил хорошенько осмотреться, а также отдохнуть, прежде чем нанести последние решающие удары топором. Жизнь на дереве кипит: тут, высоко над землёй, желна хлопчет возле дупла с птенцами, которым она поминутно таскает корм, не ведая, что и дереву, и птенцам совсем немного жить. Тысячи корешков этого дерева, защищённые пробковыми, почти невидимыми крошечными чехольчиками, продолжают проникать в плотные пласты земли, тянут влагу и всякое питание для могучего древесного организма, листва весело шумит и кипит, как на

любом другом дереве, поступает сок по стволу, даже к самым верхним сучьям и листве. Вот сейчас лесоруб, отдохнувший, наметивший место падения дерева, встанет, возьмёт топор, чтобы довершить работу. А дерево и в эту последнюю минуту ободряет его же свежим ароматным дыханием...»

Таковы мои мысли и настроения, когда я отдыхаю на какой-нибудь валежине с рюкзаком, наполненным ягодами или рыбой.

Пользуясь случаем, отвечу на вопрос, который мне в дискуссиях задают «друзья» из природоохранного департамента: «Ну а если перестойный, переспелый лес? Оставить на съедение короеду и древооточцу?» И некоторые политики и депутаты любят порассуждать о переспелых и перестойных лесах.

Измышление лесных *академиков*, обслуживающих тотальный лесоповал. И уж кто-кто, а учёные мужи отлично знают, что бор, как единое целое, тем более – крупный лесной массив, – строго говоря, не может быть перестойным. Или «перезрелым», как, например, яблоко или арбуз. В бору не бывает деревьев одного возраста. На месте упавшего дерева (или рядом с засохшим) тут же начинают стремительно развиваться деревца, до того находившиеся в подсаде, в тени. И если отдельная сосна или ель живёт сто пятьдесят-триста лет (а сто лет – лишь возраст товарной пригодности хвойных пород), то еловый (или сосновый) бор, как целый организм, вечен. Отдельные деревья, засыхают или падают, но бор жи-

вёт сотни и тысячи лет. Если, конечно, человек не вмешается. Что касается древоточцев и короедов, на которых любит кивать учёная обслуга лесоповала, и в самом деле уничтожающих ныне целые массивы, то это, опять-таки, дело рук человеческих. В устойчивом хвойно-лиственном биоцинозе древесные вредители находятся «под контролем». И всем известные дятлы – не единственные природные «регуляторы» и «контролёры».

Сегодня властные мерзавцы за просто так отдают наши богатства жадному инородцу, тем же финнам. И уже *погосты*, древние поселения, отдают – в деревне Курвошский Погост экскаваторы-погрузчики подступают к горе с древним кладбищем, сохранившимся срубом храма, подворьями деревенских жителей, участками дачников... В двух шагах от моей избы маркировочные пограничные столбы появились, недвусмысленно указывающие на границы промышленного карьера. Да что там! Огромные акватории студёных, ледовитых морей с островами, прежде викингов освоенные русскими поморами, засеянные их костями, отдали жадному иноземцу... Патриотическая риторика, иногда звучащая в устах Президента страны, в средствах массовой информации – это одно, правительственные решения и постановления – совершенное другое, а деяния мафиозных групп на местах – за пределами человеческих законов...

Когда-то мне не давала покоя мысль, что ради орошения земель, ради свеклы, кукурузы и люцерны

были превращены в пустыню сотни километров уникальной поймы низовьев реки Чу. Как и деды мои и родители, выросший в Семиречье, я не мог не понимать, что там без орошения нет земледелия, но и не мог смириться с тем, что с лица Земли исчезли разливы, узёки – протоки с сомиными, сазаными и язевыми ямами, озёра с белыми кувшинками, с вызолоченными краснопёрками в прозрачной глубине, с камышовыми крепями, тянувшимися на десятки и сотни километров, с непроходимым приречным тугаем, где находили прибежище камышовые косули и кабаны. Конечно – и семиреченские фазаны, чудо тугайных зарослей, здесь их в те времена было не меньше, чем чёрных ворон. Случалось, на нашей бахче вредительствовали...

Царство природы разливов Чуйской поймы годами изучали различные экспедиции биологов, зоологов, ботаников и, насколько мне известно, это грандиозное комплексное исследование, предпринятое в соответствии с великим «Сталинским планом преобразования природы», не было завершено. Разрушение Чуйской экосистемы было довершено во время крушения СССР, невосполнимая утрата для земель, это случилось на моих глазах.. Считаю, что можно было сохранить природу низовьев Чу-реки при всех издержках начального этапа социализма на нашей планете. Тут просто вынужден сделать ещё одно отступление, которое кому-то может показаться агиткой, грубой публицистикой. Перед тем, как отправить рукопись в типографию, я дал её почитать NN,

филологу с большим редакторским опытом. На полях страницы с моими воспоминаниями о судьбе природы низовьев Чу-реки он оставил замечание: «Вот ваш коммунизм, хвалёный развитой социализм!». Слова «развитой социализм» были жирно подчёркнуты красным карандашом. Возможно у некоторых читателей такие же мысли. Поэтому считаю необходимым сообщить следующее. В. Молотов, один из выдающихся руководителей советского государства, верный соратник Сталина, в интервью поэту Ф. Чуеву по поводу «развитого социализма», измышленного начётниками и горе-теоретиками, сказал такие слова: «Нет у Маркса, Энгельса, Ленина такого социализма, где продолжается господство денег... Нет такого социализма... Ну вот... такого, где бы социализм был при деньгах, при мошне...»* Стало быть, до катастрофы СССР советское общество находилось, подчёркиваю особо, на самом начальном этапе социализма. Социализм ещё предстояло построить.

А ныне стал свидетелем гибели лесов Вытегорщины, пожалуй, и всего Северо-Запада, преступно расхищаемых так называемыми арендаторами; пожалуй, совершенно справедливо их в народе, среди местных жителей, погоняют буржуинами-жидовинами!.. Нет, я не смирился, обрёл себя на совершенно безвозмездную, никем не оплачиваемую в наше время каторгу литературного очерка.

* – Ф.И. Чуев. «Молотов: Полудержавный властелин». – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.

Тепло костра, ароматы разогретой хвои притупляют чувство опасности, располагают к беззаботному отдыху. И новый день жду, как подарок. Хотя и знаю: труды предстоят немалые. Утром должен обойти озеро, наловить живцов, обновить наживку на крюках жерлиц-самоловок. Не по твёрдой тропе идти – по мхам прибрежным, где нога не находит опоры, глубоко погружаются в мох, а иногда и проваливаются в бобровые ходы; брести, волоча за собой пластиковый мешок с жерличными рогатками, а ещё в руках живцовая удочка и ведёрко с водой, в которой плещутся окуньки и плотицы... И толстые суковатые валежины тут и там.

Обойдёшь вот так озеро, и, кажется, будто прошёл километров тридцать по трущобам осинника...

Смотрю на луну с хорошо видимыми силуэтами «морей», вспоминаю наши странствия с братом Володи по тугайным дорогам Семиречья на телеге. Указав кнутом на огромное ночное светило над рощей туранги, он объяснял мне, что это Каин закалывает брата Авеля.

Смотрю на озёрную чашу в мёртвом лунном свете, напряжённо слушаю, как в ельниках Солгоры снова своими котелками и ложками позванивает бродяга, возможно, совершивший не одно каиново злодеяние... Всё же начинаю догадываться, в чём дело, кладу нож под сапоги в изголовке.

Вот так, слушаю звуки ночные, которые доносятся с дальней зверовой тропы, а рядом, в лесной юдо-

ли, – на гнезде сидит курочка-ряба (рябка), и ведь совсем рядом сидит, каких-то двадцать-тридцать шагов, эта самая рябка, рябчиха, под укрытием густой хвои низкорослой ёлочки, яйца парит в гнезде, устроенном в выемке обомшелого толстого пня. При этом ощущаешь, что ты и сам часть природы, как рябчиха, или как тот зайчишка вчера на просеке, пересекающей еловые пехняги. Я его вспугнул, и он побежал, да только не от меня, а ко мне, поэтому я, было, наступил на него; но и, увернувшись от моего сапога, он не скрылся в еловых пехнях, ещё и с остановками, бежал, дурашка. А ведь другой бы на моём месте, какой-нибудь работник лесоповала, догнал бы и пинком ноги до смерти забил бы этого зайчишку.

Сколько всего было в эти дни! Какие-то четыре дня и три ночи, а будто уже месяц живу в лесу. Сплю не больше четырёх-пяти часов в сутки, усталость даёт о себе знать, а в деревню возвращаться не то роплюсь... И эта лунная ночь, и дальние холмы с матёрым лесом, встающие над озером горами – ещё один подарок судьбы.

«Как погляжу на тебя, – сказал мне однажды Петрович, с которым мы исходили приречные леса Оштинской долины, – половина твоей жизни борьба с природой...» Не совсем так. Конечно, жизнь в лесу, как и в городе – тоже борьба за существование. Праздно не полежишь на хвое под елью. Отчаянное выживание, но есть и минуты радости – минуты гар-

монии с природой, ставшей большой редкостью в так называемом цивилизованном обществе, куда нас упорно влекут «успешные» менеджеры-правители... И нет никакого Каина, хотя я хорошо слышал металлические звуки, никакой там не Каин, не бродяга, а всего лишь лось, бредущий вековечной тропой в ельниках вокруг озёрка, задевающий рогами мёртвые сухие нижние сучья елей, оттого, словно бы металлические звуки...

.....
Разбудили журавли, ночевавшие на просторных мхах к югу от озера; здесь же, проголодавшись за ночь, всё утро охотились: подбирали и глотали очо-ченевших от неожиданного утренника лягушек и моховых ящериц...

Выходит, не так уж и плохо я устроился в этом мире: проснувшись, слушаю переливчатое, невоспроизводимое человеческим голосом, наполняющее душу радостью, журавлиное отголосье.

Мёртвый зацеп

Клюнула утятница

А то ещё было и такое... Вон там, это случилось, в тени той самой ели на мыске с камнями у воды, под широкими лапами иногда спасаюсь – заплываю под сучья с густой хвоей и пережидаю дождь и даже ливень с градом. Хвойный навес этой прибрежной, стройной и высокой ели столь раскидист, что под ним может поместиться вся моя лодка. Читатели должны знать, что Ясень-озеро – не какая-то лужа – в *материке*, в самой глубокой части озера, – больше двадцати метров. И даже на рыбных лудах (донные возвышения с твёрдым, каменистым грунтом), – глубина не меньше четырёх метров. Знаю, о чём рассказываю, измерял с помощью шнура и камня.

...Однако по порядку. Подплыв к жерличной жерди, я обнаружил распущённый шнур, вытянутый в глубину озера. Конец жерди был притоплен, на нём виднелись частицы донного ила, значит, жердь прогибалась до самого дна. По-авдеевски говоря, клюнула глубинная щука. Но, потянув за шнур, я не почувствовал ни ответного рывка, ни слабины; даже на сантиметр не подался шнур. Стопроцентный мёртвый зацеп, возни на полдня.

Сунул весло в чёрную глубину по ходу шнура и почувствовал толчок, ловецкая жердь дёрнулась. Шнур жерлицы зацепился за топляк, однако рывки передаются на жердь. Щука! Там, среди сучьев ве-

ковечных топляков, на крюке сидит глубинная щука, кто знает, может даже щука-утятница с бронзовой чешуёй... Как её оттуда выцарапать? Авдеев прав: «Есть рыбка на твоём озере да трудно взять...» А всё потому, что в воде слишком много топляков – огромных прибрежных деревьев, когда-то накрывавших заводи тенью и обрушенных бобрами или ураганными ветрами в озеро; они держатся на плаву или погружены в ил. Есть кучугуристые заводи, где теплые деревья в воде лежат штабелем. Они, вероятно, создают хорошие условия для обитания щучьего племени на озере, но для жерличника – сущее наказание... Рыбаку со спиннингом здесь делать нечего. И я надеюсь, что гнусные браконьеры с электродочками на Ясень-озеро не попадут, поскольку торной тропы сюда нет, а навигатор не надёжный помощник.

А всё-таки надо отцепить шнур, выгнать щуку на чистую воду.хлопотное дело, да не впервые же.

Распутывание шнура жерлицы в случае мёртвого зацепа – самое, что ни есть, водолазное дело, разве без водолазного костюма.

Но вместо того, чтобы причалить к берегу и подготовиться к погружению в воду, я поплыл дальше. Пусть щука спокойно посидит между топляками, а я тем временем поменяю живцов на других жерлицах. В котелке плавают окуньки и плотицы, прикрытые сверху блинчатым листом кувшинки, надо их как можно быстрее посадить на крюки, не пропадать же добру; бывает, подходящего живца иногда и не просто поймать.

Гребу к очередной ловецкой жерди, поглядываю на тёмную дождевую тучу с рыжеватыми и розовыми подпалинами по краям, замечаю перемены на озере. Кажется, ещё совсем недавно всюду вдоль берега цвела кубышка (жёлтая кувшинка). Возле этой топлины любовался золотой пчёлкой, висевшей над глянцевиной жёлтой чашечкой цветка кувшинки, слышал сладкое пение её крыльев... Между прочим, кувшинки доставляют мне хлопоты, особенно в начале лета, когда всплывают из глубины. Я всегда срываю кувшинковые листья в местах, где навешиваю на ловецкие жерди жерлицы. Только таким образом можно лишить укрытия, сидящего на крюке живца. Заплывёт, стервец, под лист, который ты не заметил в глубине (вода же тёмная), и сидит там всю ночь. Щука зоркий хищник, но лист кувшинки иногда оказывается для живца хорошим укрытием.

Теперь же вокруг одни только осклизлые, пузатые, распираемые семенами *кубышки* плавают. Кое-где у берега видны редкие для Ясень-озера цветы – пунцовые метёлки кипрея, а также алые звездочки лесной розы – шиповника, ярко выделяющиеся среди однообразной тёмной листвы прибрежных берёз и ольшин. На лесных озёрах, к которым по какой-то причине не подступили ещё до самого берега *воровские* вырубки, и где, вопреки «нацпроектам», сохранились остатки *матёрого* леса, – кипрей и шиповник – самая, что ни есть, экзотика. Милое дело – цветущий кипрей, да вот беда – сныти нет. Иногда жуёшь листья и стебли растений, растущих на берегу, пробуешь на

вкус: так хочется положить в уху лист зелёной приправы! Но чего нет, того нет. Даже крапивы нет, обыкновенной для урочищ, посещаемых людьми. Что меня, конечно, огорчает: крапива полезна и приятна в ухе, также годится для укладки шук, предназначенных для доставки в деревню в свежем виде.

Далась тебе крапива! Лучше думай, как отцепить шнур, вытащить шуку да сохранить её свежей.

...Насадив живцов на крюки снастей в дальних заводях, скорым ходом вернулся к злополучной жерлице. В прибрежной боровине насобирав сухих сосновых сучьев, а так же и свежей бересты, разбросанной бобрами, которые пытались обрушить в воду толстую берёзу да почему-то бросили своё дело. И про спички не забыл, положил их у комля ели, прикрыв куском коры. Бывает, продрогнешь, распутывая жерличный шнур, зубы клацают так, что унять невозможно. Поэтому перед тем, как идти в воду, тщательно готовлю костёр. Чтобы потом – только спичкой чиркнуть.

Ещё вырубил подходящую берёзовую жердь, а также еловый толстый дрючок с крепким, хорошо загнутым сучком, высмотрев для этого низкорослую, кренивую кручёную ель.

Разделся я, однако, не совсем: снял только куртку и штаны, но остался в рубашке и трико. В одежде всё же теплее в воде. Кроме того, оставил на одной ноге сапог. И я позаботился о том, чтобы он сидел плотно, натянул два носка. Мне известен случай, когда жерличник, распутывавший шнур, оплошал – сапог уто-

пил. Ему потом пришлось отрезать рукав ватника и смастерить из него какое-то подобие обуви, чтобы вернуться в деревню. Сапог, утонувший в озере с тёмной водой, отыскать и достать невозможно. А без сапог пропадёшь, нынче и в прочной обуви на Вытегорщине далеко не уйдёшь – кругом чертоломные вырубки.

И суковатый дрючок, и берёзовую жердь положил в «душегубку», из которой перед тем вынес на берег всё рыбацкое снаряжение – живцовую удочку, котелок, топор, запасные крюки, рогатки, весло. Сколько всего надо уложить в лодку, а потом вынести из неё, и так два-три раза в день! Порой не знаешь, как самому угнездиться при посадке. Надо знать приёмы посадки и высадки, в противном случае купание гарантировано, и можно утопить что-либо ценное из рыбацкого снаряжения. (Например, кусочки свинца в баночке, обломок оселка или подпилка, а иногда и ржавый гвоздь, – всё это в лесу предметы незаменимые, стало быть, – и ценные). Абсолютно всё вынес на берег, оставил только большой берестяной кошель. Держась за корму лодки, погружаюсь в воду. То есть перемещаюсь по топляку к месту, где жерличный шнур струной натянут в глубину, и тонкий упругий конец жерди с частицами ила лишь чуть подрагивает.

Вдруг оскользнулся, плюхнулся в воду с головой и надсадился крепким сучком, больно боднувшим меня в бедро. Схватив берёзовую жердь с лодки, воткнул её в грунт, проворно взобрался на топляк. Приспустив разорванное трико, увидел кровь; почувствовал тошнотность, стало нехорошо, как иногда быва-

ет в таких случаях. Однако же убедился, что глубокой раны нет, есть лишь приличный ушиб и длинная, но не опасная царапина. Кровь по-прежнему тонкой струйкой текла по бедру, нитями распускалась, выцветая в воде, но я успокоился, полагая, что холодная вода способствует прекращению кровотечения. У меня вообще точение крови быстро прекращается, не знаю, хорошо ли это, плохо ли с медицинской точки зрения, но меня это вполне устраивает; в лесу же всегда что-то случается – палец порежешь, ладонь рассечёшь, сапог сучком прободаетшь и ногу поранишь... Как ни остерегайся, а неприятностей в лесу избежать почти невозможно. По этой причине и не советую никому брать пример с меня – увлекаться странствиями в одиночку.

Да что там кроввица, какие-то царапины и порезы по сравнению с радостью, когда на крюк попадают аршинные *глубинные* шуки, которых можно вытаскивать *за глаза!* Однако рано радоваться...

Продолжаю медленное шествие по топляку в глубину озера, придерживаясь за корму лодочки. Теперь втыкаю в ил между топляками шест и, опираясь на него, делаю два-три шага по стволу. Затем перемещаю шест по ходу движения, придерживаясь за лодку. При этом причальный шнур «душегубки» держу в зубах. Не дай бог, если лодка выскользнет и окажется за линией кувшинок, на глубине. В молодости мне случалось переплывать и озёра, и реки. И холодную реку Усу в тундре переплывал, которую питают тающие льды и снега Полярного Урала, и Неву возле древней

крепости Орешек. А во время службы на кораблях советского Военно-Морского Флота даже выполнил норму третьего разряда кролем. Но когда это было! Нет, не разучился плавать, но что-то не возникает желания переплыть Ясень-озеро: в мае «душегубка», что тебе ледокол, раздвигает ледяное крошево, а летом вода бывает тёплой у берега в верхнем слое.

Дыхание перехватило, даже мышцы немеют. К счастью, судорог у меня в воде не бывает. Терплю, как можно отступить, если каких-то пять-семь метров – глубинная щука, может, и утятница!

...Наконец, у цели. Только под ногами нет топляка. Держась одной рукой за берёзовый шест, а другой – за конец ловецкой жерди, пытаюсь босой ногой нащупать место зацепа, понять, каким образом щука зацепилась за этот проклятый топляк: за сук ли зацепился шнур или, что хуже, – обмотан вокруг топляка. И уже окунаюсь в воду, не выпуская из рук шеста. Значит, зависаю над топляком, словно гимнаст, «крест» на кольцах выполняющий. А причальный шнур лодочки, ясное дело – в зубах.

Когда-то я любил нырять без какого-либо снаряжения, даже до боли в ушах нырял. Но одно Невы у стен крепости, где на тебя глазают сотни загорающих среди камней (ну и помоложе был, и я тогда не знал, что такое здоровье), а другое – это озеро с кучуристым дном, где топляки навалены ярусами. (Деревья, надо полагать, падают с начала Юрского, или какого там ещё периода, вырастут, заматереют и упадут). На Ясень-озере и в июле лишь немного про-

гревается верхний слой воды, словно бы только для того, чтобы плотицы на крюках жерлиц в течение суток протухли и превратились в зловонные пузыри. Всё же надо поскорее управиться с мёртвым зацепом, будь он не ладен.

Собравшись с духом, ещё раз окунаюсь с головой, за шест держусь уже двумя руками, и поэтому дотянулся ногой до щуки, даже погладил её подошвой. Жерличники знают: крупные щуки прикосновений не боятся. А схватить добычу не могу, как говорится, *руки коротки*. Исследовав место зацепа пальцем ноги, убедился, что шнур уходит под топляк. Это, конечно хуже того, когда шнур обмотан вокруг сучка, который можно обломить ногой, обутой в сапог и выгнать щуку на чистую воду. Ну да не впервой.

Во время манипуляций с зацепом у меня нож за голенищем: вдруг крюк вонзится в разутую ногу... Не сидеть же в воде подобно щуке, заглотившей крюк. Только у щуки есть шанс спастись, сделав мощный рывок, при этом сломать или разогнуть крюк, наконец, просто вывернуться из рук оплошавшего жерличника. Даже и представить страшно сидящим на крюке по горло в воде до полного посинения и помертвения... Нет никакой возможности избежать страшной участи! Вода в глубине и в июле холоднющая, а сейчас – август. Всю неделю шли дожди, вода освежилась, стала прохладнее... Увлёкшись жерличной рыбалкой двадцать лет назад, я не сразу понял, как опасно подцепиться на собственный крюк, рис-

ковал, пытаюсь отцепить шнур разутый, без ножа... А догадался, когда однажды щука вертанулась под ногой, сошла с крюка, крюк же вонзился в пятку. К счастью, не глубоко вошёл бородак...

Делаю ещё одну попытку, и тут чувствую прикосновение щуки к ноге. Неужели поводок перекутила?! Нет, не похоже: не метнулась в сторону, стоит рядом, чувствую нежное касание плавника. Ну, понятно: удерживаясь над зацепом с помощью шеста и ловецкой жерди, я дал шнуру слабину, щука и всплыла. Не мешкая, ослабил жерличную петлю, с помощью которой рогатка с живцом на крюке навешивается на конец жерди, быстро снял снасть. Рыба крутанулась под лодкой, взбурлила, взбурунила воду. И очень даже хорошо, что под днищем оказалась, а не вывернулась над водой, только широко разверстую белую, с кремовой желтизной, зубастую пасть мне показала, в которой был виден вывернутый чулком желудок с крюком. Стало жарко, когда увидел пасть, украшенную алмазно сверкающим ожерельем зубов, – таких щук я ещё не видел! Но скорее испугался, чем обрадовался: сейчас ещё раз вертанётся, опрокинет и утопит «душегубку», или, что ещё хуже – потрясёт мелко-мелко над водой головой, крюк вылетит из пасти!

Видя такое дело, схватил еловый дрючок, поддел удлинившийся щучий конец шнура... Рядом, родная! Вижу перья огромного плавника, много больше ладони дюжего дяди. Не теряя ни секунды, провел рукой по спине, яростно вонзил пальцы в глазные ямки...

Действовал очень даже скоро, – мешкать нельзя было, хотя щука почти не сопротивлялась. Шок проходит быстро, щука может сделать мощный бросок над водой и в рывке разогнуть или сломать крюк. Такое случалось, когда я был неопытным жерличником. Однажды крюк вылетел из широко раскрытой пасти с частью желудка и вонзился мне в руку. И, слава богу, – не в щёку, не в глаз влетел...

...Уложив добычу в кошель, я решил, что закончен рыбацкий день, даже живцов не стал обновлять, будучи уверенным, что ещё одна такая же глубинная щука мне на крюк всё равно не попадётся. Какая-нибудь травянка, возможно, клюнет, а как же, если вода освежилась, и рыба в ходу! Но чтобы ещё одна брюхатая щука в аршин с четвертью, две поочерёд, одна за другой? Нет, *такого не может быть никогда!* Даже и не мечтаю о том. И утром, скорее всего, увижу удручающую картину – рогатки с намотанными (нераспущенными) шнурами. Коли на охоту выходят большие глубинные щуки, то другие обитатели озера, в том числе и малоохольные щучки-травянки, затаиваются среди топляков или в подводных пещерах под мшистыми берегами и плотами, (остатками плотов). Больше думаю о том, как принести щуку свежей в деревню.

Между тем, слышу вопрос внимательного читателя: «Что же костёр, приготовленный у комля ели? Надо полагать, жерличник гусиной кожей покрылся, и зубами он клацал...» А не понадобилась теплинка! Как взял щуку «за глаза», прижал её к себе, так и тепло сразу стало. Чем больше щука, тем теп-

лее... Спросите у любого настоящего жерличника, если не верите... А бересту и сосновые смолевые сучья сложил в обычный продуктовый пакет, не пропадать же добру и труду. Смыв с себя рыбью слизь, швырнув мокрую одежду и пакет с растопкой в лодку, скорым ходом поплыл к причальному топляку.

Весло хорошо греет, если грести усердно! Да уже при одном взгляде на кошель, из которого торчали хвост и голова щуки, становилось тепло. Конечно, пальцы были изрезаны острыми краями глазниц, и ранка на бедре ныла, сочилась сукровицей. Ну, так что ж? Известно, за всякую победу приходится как-то расплачиваться.

Весёлое дело – возвращаться с глубинной щукой к шалашу! На всякий случай, кошель с добычей поставил между ног. Это для того, чтобы стиснуть его коленями, если вдруг щука очухается, начнёт биться и вертеться... Крышка кошеля примотана шнуром, а всё же щука может вывернуться.

Хлопоты рыбацкие...

...Час ночи, а к топiline-«крокодилине» у берега причалил только что.

Жутко и чудесно плыть тёмной августовской ночью на лодке: всюду звёзды – и в небе перемигиваются, и в глубине сверкают, куда ни посмотришь – кругом звёзды. Среди звёздной россыпи плыву! Слышны крики филинов, напоминающие отдалённый глухой лай собаки. Я их и сейчас слышу, – пламя ночного костра обычно заглушает лесные звуки.

А плавал к Большому острову, где нет ни ловецких кольев, ни теплых деревьев: там я купался. Надо же иногда смывать с себя пот и пепел костра. Большой остров с красивой сосновой боровиной – единственное место, где удобно искупаться: дно твёрдое, пологое, у берега ни сучьев, ни кольев, ни коряг – очистил песчаную отмель от хлама за эти годы. И тут на широкий лист кувшинки можно положить обмылок, и даже если он скользнёт, легко найти: ила нет, чистый песочек.

Сражаясь со щукой, я окунался в воду. Окунался да не мылся, не умывался, – не до того было. Случайно в зеркальце, прикреплённое к стволу сосны, увидел эфиопа. Даже седые волосы за эти дни почернели. (Зеркальце в старинный тесок на сосне искусно вставил Авдеев, вероятно, по просьбе дочери, с которой он приходил на озеро лет пять назад).

Чурбаки медленно разгораются, чадят, густым дымом заполняя жилое пространство шалаша, а тепла пока нет. Мало удовольствия вертеться на хвойной подстилке в дыму. Сушина, от которой я отпиливаю чурбаки, неизвестно, сколько времени пролежала во мху, натянула влаги. Высекая растопочную канавку на нижнем чурбаке, следовало без остатка выбрать синюшную древесину – до *руды* смолевой. Да живицы (еловой смолы) не пожалеть. Но не было сил чурбаки тюкать, и запас драгоценной живицы израсходовался.

А ночь обещает быть студёной, с утренником, уже сейчас изо рта пар валит. Давно не видел таких яр-

ких, добела раскалённых звёзд. Разве на арале Кокчугуз в дельте Или, когда жил в тростниковой избушке на промысловом участке семирека Синогина. В феврале дело было, лёд по протокам вокруг жилого бархана трещал, и звёзды были, как сейчас.

Доносится сильный плеск, кажется, в устье Холодного ручья – как раз там, где днём огромная щука атаковала утиный выводок. Привстал, снял с кольев сапоги: вдруг утятница? Но, вместо того, чтобы обуться, набиваю сапоги сухим мхом, кладу в изголовок. Скорее всего, обыкновенное: лось плюхнулся в воду. Холодный ручей – место, где лоси переплывают озеро. Уж не знаю, почему они именно это место избрали для переправы. Но может, наконец, бобры обрушили в воду ранее подгрызенную берёзу. Вернее, конечно, снова сесть в лодку, сплавить к устью Холодного ручья – вдруг щука проказит? Но после купания пригрелся у огня с дымком. И сил не осталось, вымотался за день. Успокоил, «уговорил» себя – глупо же тратить последние силы, искать во мраке августовской ночи жерличную жердь (и ведь на сук топляка можно наскочить, днище лодки запросто распороть), рисковать, жертвовать отдыхом, чтобы убедиться, что шнур не сорван, рогатка неподвижна, а живец снулый... Ну, ни к чему суетиться, потрудился нынче славно, с хорошей добычей – с брюхатой глубинной щукой вернулся, заслужил отдых. Давно бы похрапывал, растянувшись вдоль чурбаков ноды, и к Большому острову не отправился бы купаться, но чурбаки слишком медленно раз-

горались, чадили, густой дым уже сизым облаком висел над ближней болотинкой. (И сейчас больше дыма, чем тепла). Конечно, будь я на все сто уверен в том, что подцепилась щука – поплыл бы к ручью, из последних сил, – а поплыл бы.

Только к двум о полуночи устойчиво разгорается костёр, узорчатое пламя уже не коптит, фыркает всё громче, пространство под кровлей шалаша-навеса омывается теплом. Жить можно! Надеюсь, толстые чурбаки будут тлеть часов пять, не меньше. Достают блокнот, в котором совсем нет свежих записей. Жизнь на озере не располагает к литературным упреждениям, записи краткие, хаотичные. Жерличная рыбалка – дело трудозатратное, хлопотное. Вытегоры недаром любят повторять присловье: *рыбка да рябки – потерял деньки!*

Скитаясь по лесам, по воровским вырубкам Вытегорщины, невольно вспомнишь прошлое. Например, рыбацкий *лопасик*, крытый соломой – навес на кривых джидовых столбиках, вкопанных в землю. На рыбацком становище (на берегах Чу) первой заботой была защита от немилосердного солнца. А в лесах Вытегорщины надо думать о том, чтобы иметь хотя бы самое примитивное укрытие от непогоды. Даже и ясным утром не следует об этом забывать. Вот сегодня, например. Весёлым солнечным утром сел в лодку, не успел ближнюю заводь осмотреть – дождь зарядил. Нитки сухой на мне не было, когда вернулся к причальной «крокодиле». Шалаш, даже и такой, как у меня, – односкатный, *сквозящий*, –

надёжно защищает от дождя и мокрого снега, но и этого мало: постоянно должен костёр гореть, и днём и ночью.

Как уже говорилось, немало времени и труда требуется, чтобы приготовить к ночи сосновые смолистые чурбаки. Некоторые авторы справочников рекомендуют ель и для нодьи, даже считают ель предпочтительнее, поскольку она медленнее горит. Я этого никогда не делаю: еловые чурбаки сильно дымят, разбрасывают искры, иногда и головешки отстреливают. Сгореть можно!

Для дневного же костра всё годится: и гнилушки-прелушки (стволы давно рухнувших осин и берёз), и сухое сосновое и еловое жердовье. Словом, кладу в дневной костер, что ни попадя, дров хватает в прибрежном урмане. Только надо протянуть руку.

Толстые валежные осины трудно пилить лучковой, поэтому они долго ждут своей очереди. Я их разделяваю с вершины, постепенно отпиливая чурбак за чурбаком. Пройдёт немало времени, прежде чем приволоку к шалашу комель дерева. Поваленные ели, напротив, разделявать как раз с комля, в котором больше всего смолы, и тут нет сучьев. Но ствол с натёками *серы* (живицы, еловой смолы) в костёр попадает очень даже скоро, если, конечно, я его не оставляю на чёрный день. Поэтому так чисто в жилом бору, тропы как в парке городском, и все они, конечно, упираются в чашобник, в урман.

А еловый вершинник – ну, совсем никуда не годится, положишь в костёр: искры брызгами во все

стороны, гляди в оба. Но для маскировки схронов и прихоронков, даже и подходов к ним – лучше не придумать. Люди и звери обходят места, где навален еловый хмыз или повалены ели.

И ещё признаюсь тебе, читатель, конечно же, по секрету: и на тропе, и вокруг изобки у Солгоры, и здесь, на берегу Ясень-озера, и даже на подходе к нему, я устраиваю всякого рода потаённые места – схроны, ухоронки и прихоронки. Есть необходимость укрывать всё, что в лесу представляет ценность. Например, телескопическое удилище или ледобур. А также снасти, пакеты с продовольствием, всяким рыбацким и бытовым снаряжением. Не от фантастического «снежного человека» (или мифического «йети») я прячу упаковки с ценным снаряжением или продуктами питания, – от такого же, как мы с тобой, читатель, цивилизованного существа всё это прячу. Но, прежде всего, скудные съестные припасы оберегаю от лесных обитателей, – они, к счастью, ещё не вывелись в лесах на Вытегорщине, хотя бы и в разграбленных.

Хорошо защищённая от снега и дождя одежда под шатровой елью, нередко используется лесными обитателями для утепления гнёзд. Подкладку птицы и лесные зверушки в первую очередь раздирают. И тут уж ничего не поделаешь, приходится привыкать к неизбежным потерям. С точки зрения лесовика, такого скитальца, как я, всякого рода вредителей тут, по берегам Ясень-озера, даже слишком много. Это и лесные ежи, и вброны (и вороны тоже), и медведи, и

мышки, и белки... Долго всех перечислять! Вреднее всех лесные мыши и белки.

И зайцы вот ещё, да, и зайцы тоже! Например, минувшей зимой зайчишки подгрызли берёзовые ножки стола, стоявшего под елью, так подгрызли, что он рухнул. Ещё бы не грызть, не точить, – я ведь на столе пластаю ножом щук, посыпаю пластанку солью, стало быть, древесина впитала рассол, и мой стол, на радость лесному зверью, стал чем-то вроде солонца.

Предупреждаю на всякий случай терпеливого читателя, которого я потчую всеми этими подробностями лесного быта, чтобы он не повторял мою ошибку – не следует ножки стола в лесу делать из берёзы или осины, лучше всего использовать еловые жерди – смолистую древесину ни зайцы, ни лоси не гложут.

Между прочим, и лоси повреждают одежду, ещё как повреждают! Особенно если куртка или плащ из хлопчатобумажной ткани, из растительных материалов, пропитана потом или рассолом. Всю мою станковую одежду, которую я перед возвращением в деревню вешаю на сучьях ели, лесные зверушки превратили в *рибушины**. Да что там! Однажды повесил брезентовый колхозный плащ под ель и уехал в город. Вернувшись, обнаружил плащ без полы.

* – *Рибуша (рибушка)* – «Лохмотья, рваное, драное, худое платье, обноски...» (В. Даль. «Толковый словарь...»). Живой язык жителей Вытегорщины – наглядное свидетельство того, что В. Даль не устарел и в XXI веке.

Возможно, как раз лось и отжевал полу. А ведь плащ не был изношен, я его много лет бережно хранил в прихожей питерской квартиры, и вот – *рибушного* прибавилось на моем становище.

Ценное снаряжение, я обычно прячу в схроне на тропе, понятно, уже на подходе к Ясень-озеру. Потому что схрон, устроенный вблизи жилого шалаша двуногие пришельцы быстро обнаруживают. А менее ценное снаряжение (предметы лесного быта) можно и не прятать. Если кто и позарится, допустим, на измятый дюралевый чайник с проволочной дужкой, – и ладно, не велика потеря, у меня же в рюкзаке всегда котелок, без которого я и шагу не сделаю в лес.

На других лесных озёрах постоянно случаются «грабежи со взломом» (порча одежды и продуктов, вскрытие схронов под шатровыми елями и трухляками-валежинами, умыкание снастей и прочего), меня же бог миловал. Впрочем, люди редко навешиваются на берега Ясень-озера, Авдеевы и те раз в году бывают. Они быстро находят мои прихоронки, схроны же не ищут. Хвалят меня за предусмотрительность, даже ставят в пример своим детям, однако от их зоркого глаза мало что укроется. Авдеевым, конечно, ни к чему моё барахло. Они ещё и что-нибудь оставят (ватник, котелок, миску), сказав на прощанье: «Пользуйся, парень, у тебя ничего не пропадет зря, ни *рибушное*, ни пустая кофейная банка... Тебе и бобры помогают обустроиваться...» Да Авдеевы и плоты оставляли, я их давно разрубил для

устройства дневных и ночных костров, разумеется, после того, как они потеряли плавучесть. А шести авдеевской выделки храню, приставив к стволу шатровой ели (ещё бы – прямые, гладкие, без сучка-задоринки), при необходимости и пользуюсь ими. Удивительно расторопный и рукастый народ Авдеевы: приходят на два-три дня и рубят плот. За четыре часа могут срубить, одним только топором, сучка не оставят на бревне. Мастеровитые пращуры Авдеевых карбасы-однодеревки долбили-парили из толстых неохватных осин, и они у них получались лёгкие, ходкие, удобные в управлении веслом с одной лопастью. Дед Василий однажды свалил подходящую осину на берегу озера и тут же, у воды, принялся её долбить теслом, да не успел завершить работу, пусть земля ему будет пухом...

...Забот у жерличника, будь здоров! Но более всего рыбак озабочен уловом, если возвращение в деревню откладывается, а дни и ночи тёплые. В таком случае щук нужно *почистить* (выпотрошить), расплассать на куски, засолить, уложить в какую-либо ёмкость – в котелок, кастрюлю, ведро. Да хоть в яму, выкопанную в плотном сухом грунте, хорошо обложенную травой.

Но вчерашним трофеем решил рискнуть. Снял мерку на память (сделав отметки на концах метрового прутика), выпотрошил щуку, уложил её в схрон, даже не подумав о том, чтобы её засолить. Всю свежую, не пластаную рыбу, я обычно запикиваю в схрон. Таковым мне служит огромный иструхлявив-

ший пенёк, покрытый плотным густым мхом, со временем превратившийся в замшелую болотную кочку, стожком сена возвышающуюся среди топкой луговины с хвощом и папоротником. Лет пятнадцать назад, я вокруг этой моховой кочки тяжёлым еловым дрючком пропахал канавки, по которым струится чистая родниковая вода, охлаждающая, освежающая пространство вокруг. Каждый год я эти канавки прочищаю, углубляю всё тем же суковатым дрючком, привязав к нему увесистый камень. Внутри кочки было кубло (гнездо) какого-то зверька, я его расширил с помощью ножа, выбрав мусор и гниль; можно положить и не одну шуку, а травянок – не меряно. Понятно, прежде чем запихнуть в хранилище давешнюю редкую добычу, мне пришлось отсечь голову и хвост, а то бы не поместилась, оказалась больше метра длинной. Сколько весит – не скажу, у меня нет весов, ещё чего, лишние предметы таскать на лесные озёра.

Да, друзья мои, истинно: *охота пуще неволи*, и жизнь в лесу для человека с лентой тошна. С одними только живцами сколько хлопот; окуней наловить не трудно, но только до заката солнца. А если жаркий день и чистое небо, не в каждой заводи быстро живцов наловишь. Окунь иногда, ни с того, ни с сего, прекращают клёв. И не всякую рыбку можно посадить на крюк. Например, с повреждёнными живцовой удочкой жабрами окуня на крюк самоловки лучше не сажать – заваливается на бок. В то время как даже снулому (мёртвому) живцу должно стоять ров-

но на крюке, сохранять бодрый вид, грудные плавники при этом у него будут ритмично колебаться. (Отчего это происходит – не знаю). Причём, наживка должна соответствовать размеру крюка самоловки. Да снасти развесить на ловецких кольях или на ветвях прибрежных, наклоненных к воде деревьев. Что не просто, особенно в ветреный день, который, между прочим, как раз и способствует активности щуки на озере. И жерди иногда приходится менять, если они не выдерживают испытание на прочность. Но для этого надо выйти на берег (а прежде – найти место высадки, что тоже не просто на Ясень-озере, берег же завален упавшими деревьями), высмотреть подходящее дерево, стеблем высоко вытянувшееся в тесноте прибрежных елей, срубить его, очистить от ветвей. (Ель, сосна, берёза, рябина, ива – тут без разницы, главное потоньше и подлиннее). Ну и место найти, чтобы воткнуть ловецкую жердь. То есть следует хорошенько подумать, что случится, когда щука схватит наживку, прикинуть, в какую она рванёт подводную трущобу, и не запутает ли шнур среди топляков и сучьев в первую же минуту. Запутает шнур и медный поводок открутит, как пить дать открутит... У меня, к сожалению, не осталось проволоки красной советской меди, из которой я все эти годы изготавливал поводки. Оштинские жерличники убеждают меня, что если щука проглотила живца, то она потом сидит в кувшинках, как собака, на привязи. Хорошо, если бы так всегда... Авдеевский *кабысдох*, при отсутствии поблизости соседских кобе-

лей, обычно смиренно лежит в конуре, а щука, почувствовав прилив сил, пытается освободиться, и у неё для того, чтобы перекрутить поводок, оказывается достаточно времени. Особенно, если жерличник любит у ноды бока греть.

Вчера я такую жердь с заострённым комлем всадил в дно с вязким грунтом неподалеку от устья Холодного ручья, впадающего в озеро. Место выбрал не случайно. Во-первых, тут рыба *в ходу*, всюду стайки окуней и плотиц кормятся. Понятно, и щуки сюда навевываются. Во-вторых, вода у берега освежается ручьём, в сухие летние месяцы питаемым не мхами верховых болот, но только кипучими родниками; глубинные же щуки любят прохладную воду. Заводь не обловленная, давно здесь я не настораживал жерлиц.

На этот раз для ловецкой жерди выбрал длинную ивовую лозу, тянувшуюся к небу в прореху между сучьев урёмной ели и обречённую на умирание. На самой вершине было лишь несколько зелёных веточек. Решил поставить снасть в том месте, где на моих глазах среди выводка утят вывернулась глубинная щука. Сказать, что она схватила утёнка, не могу. Но этот эпизод меня взволновал, пожалуй, не меньше, чем серую крякуху, которая долго и отчаянно крякала, собирая напуганных утят, крепко засевших в прибрежных зарослях. Не знаю, всех ли собрала. Всё лето лишь присматривался к заводи, а решился только теперь, когда обнаружил, что утятница охотится...

Жердь превышала длину «душегубки» в два раза, даже и более того, поэтому я её к месту назначения

буксировал. Намалялся, конечно, когда втыкал жердь в илистый грунт, где крупные кувшинки как бы отделились от прибрежного сообщества, образовав островину, населённую всякими водяными насекомыми. Блинцы здесь широкие, не то, что в прибрежной полосе. При необходимости я прикрываю такими листьями большой котелок или ведёрко с живцами. Вода, попавшая на лист, не смачивает его поверхность, как бы жиром смазанную, превращается в дрожащие ртутные капли, скатывается, не оставляет следа. Под блинцами и в полдень, и ночью подрёмывают окуньки, здесь они кормятся, с громким чмоканьем всасывая водяных клопов, прогрызающих листья кувшинки. Как раз сквозь выгрызенные дыры клопы и попадают в ненасытные пасти окуней. Много чего можно рассказать, если наблюдать жизнь рыб на линии кувшинок. Но что увидишь, если вода, словно чай, заваренный чагой...

Подготавливая жердь к делу, я оставил несколько зелёных побегов на самой вершинке с тем, чтобы сокдвижение до конца лета не прекращалось, вследствие чего древесина должна замориться, завялиться... Думалось, жердь будет служить мне долго и надёжно.

И стал я подобен Ахаву...

...Минула ещё одна ночь на берегу лесного озера. Утро ясное, солнышко ласковое. На сосну, рокочущую над шалашиком, уселась чёрная желна в красной шапочке, принялась лечить ствол усиленной долбёжкой, осыпая меня кусочками коры и древесины. Всюду, – и здесь, на стану, и на середине озёр-

ных заведений, – постоянно ощущаются сладковатые ароматы; воздух насыщен смолистыми эфирами, озоном. На просеке радуга играет. В прибрежном бору тихо, только густолистые вершины вековых осин шумят; ну, да они всегда шумят да пошумливают, эти осины, спокойно ожидая своей неминуемой гибели от руки равнодушного к Природе и жадного к деньгам лесоистребителя. Но не так ли и мы, русские, свыклись с незавидной своей участью, спокойно ждём удары исторической судьбы. Только иногда, собираясь в стенах какого-нибудь патриотического клуба, пошумливаем...

Над озером зависли большие кучевые облака, странные, почему-то похожи одно на другое – продолговатые, с загибом в одной стороне. При некотором воображении можно увидеть древние ладьи. Они неподвижны, словно закорились в синем воздушном океане.

Угнездившись в лодке, отправляюсь осматривать снасти. Жалкое зрелище, – неподвижные рогатки с намотанными шнурами, – ветра нет и, конечно, нет и распущенных шнуров. Вот это-то и горе для жерличника! Другое дело – свежий, упругий *запад* или, пусть, *южак*, да хотя бы и север, да разлохмаченные облака при этом бы ходили, двигая тени по озеру, да перемежающиеся дожди.

По пути к Холодному ручью осмотрел снасти и по западному, и по восточному берегу. Ни одного распущенного шнура! Возле некоторых кольев уже плавают белые зловонные пузыри, источающие жир.

Значит, плотицы протухли. Сорванных шнуров нет, но, может, ивовая жердь у Холодного ручья порадует, удивит. Новое место всегда таит неожиданность. Если щука не подсечётся, то хотя бы шнур сорвёт. Или травянка подцепится и утащит крюк в нору бобра или норки и сидит там, проказница. Случается, и норка позарится на живца, унесёт, усядется на торчащий из воды топляк, и сожрёт его там, оставив рыбаку голову с крюком. Не перестаю удивляться: аккуратно съедает живца, ни за что не подцепится на крюк.

У Холодного ручья, однако, жердь не обнаружил... Здесь вот, в этот «куст» кувшинок втыкал: большие глянцеви́то-зе́лёные блинцы с каплями воды на них, подобными ртути, с прозрачными студенистыми сгустками слизняков. Возможно, щука утопила длинную гибкую жердь. Давешняя щука тоже ведь до самого дна топила конец жерди, и даже в ил погружала.

Раскачать, выдернуть гибкую жердь щука не может. Ширяю веслом в тёмную глубину – пусто. Но это меня не озадачивает. С твёрдым убеждением, что гибкая жердь утоплена щукой, а шнур при этом, возможно, как в прошлый раз, зацепился за топляк у самого дна, я поплыл в ближайшую заводь за чурбаком с привязанным к нему камнем. Вернувшись, принялся тралить вокруг кувшинок. Топляков здесь не было, но не было и жерди. Я обязательно зацепил бы её «тралом». И дважды, и трижды проволочил дрючок с камнем вокруг кувшинковой островины, – ничего нет на дне, чисто...

Вдруг догадка, гнездившаяся в подсознании, пронзила меня, и я прекратил траление: щука утащила, больше некому! Я сидел, словно потерянный, а лодка медленно дрейфовала, поскольку мой «трал» уже не касался дна. И тут раздался истошный вопль и визг, усиленный эхом многоярусной тайги по берегам озера. Вероятно, и далеко отсюда, – в деревне Курвошский Погост, слышали завывания. До меня не сразу дошло, что это я сам вопил.

Эх, и рыбак! Отлично слышал ночные плески, а лежал у костра, нежился у огня! Да, страшно устал, но мог бы найти другое время, чтобы отдохнуть. Или – потом, потом! – по возвращении в деревню, – на дощатом топчане в избе отлежался бы. Жена и дочь встречают почти как героя (особенно если глубинная щука в кошеле), два-три дня не пристают ни с какими дачными просьбами и напоминаниями. Короче говоря, в спину не пихают лежебоку. А честолюбивые литературные замыслы уже не заставляют горбатиться за письменным столом, как это бывало в молодости. Собственно, никто и не ждёт моих рукописей в редакциях, кому нужны очерки о природе, – некоммерческий товар... Вернулся с берегов лесного озера живой-здоровый, – лежи-полёживай, читай Бунина, Генри Торо, штудируй «Основы экологии» Ф. Рамада. А уж тут надо напрягаться, трудиться надо, иначе и ходить в лес не стоит.

Кое-как успокоившись, принялся *лопатить* – махать веслом, поглядывая по сторонам, не обращая внимания на жерлицы и смердящие пузыри, плава-

ющие возле них. Рано или поздно увижу жердь, буксирную щукой, такое бывало.

В сущности, я прекратил рыбалку и занялся исключительно поисками жерди. О вчерашней добыче и не вспоминал, она меня теперь не радовала. Всё же прав древний поэт, утверждавший: «То словно мачеха день, а в другой раз, как мать человеку».

Вернувшись из деревни, где я задержался только для того, чтобы отведать рыбных пельменей, я продолжил свои поиски. Насторожив полтора десятка жерлиц (а не два-три десятка, как обычно) я крейсировал по заводям, приглядываясь ко всему, что плавает.

Какой бы ни была щука, думалось мне, утащить в глубину она не могла, как будто совершенно непотопляемую жердь. *Такого не может быть никогда...* Впрочем, схожий случай был, когда щука выдернула сухую еловую жердь. Буксируемая крупной щукой посреди озера, не очень длинная жердь ни разу не погружалась, я легко догнал её и без особых хлопот втащил добычу в лодку. А тут – изрядный хлыст, притом же, ива плавучая...

Тешил себя надеждой, что жердь плавает в какой-нибудь заводи. Даже и очень крупная щука не может таскать жердь под водой. Притопить на короткое время – допускаю, если *утятница*, но и только... Должен найти злополучную жердь, хотя бы и без щуки, пусть и без жерлицы! Страсть как хочется знать, что же произошло в тот долгий августовский

день, когда приплыл к жилому берегу с крупной добычей в кошеле.

Стало быть, я и уподобился Ахаву, персонажу из романа Мелвилла «Белый кит», капитану китобоя, который, вместо того чтобы заниматься промыслом, наполнять бочки китовым жиром, извлекать из головы китов драгоценную амбру, целый год гонялся по океанам за Моби Диком, отжевавшем ему ногу, до предела изнуряя себя и судовую команду... Гонялся только для того, чтобы уничтожить его, как своего лютого врага. А я гребу веслом уже третий день, будто нахожусь в дальнем байдарочном походе. Так выматываюсь, что задрёмываю в лодке, просто отключаюсь, а взбадривают сучья топляка, царапающие днище лодки. Возвращаюсь к шалашу, выпиваю котелок чаю и снова втискиваюсь в лодку... Даже ночью, услышав плеск, поднимаюсь с хвойной подстилки, чтобы угнездиться на каторжном сиденье. Стараюсь догнать всё, что движется по воде. Наверное, бобры никогда не чувствовали себя так неудобно, как в эти дни и ночи моих странствий по озеру, ибо я их тоже преследую, пока не убеждаюсь в ошибке. (В озере у бобров нет врагов. Только волки подстерегают их на широких, заутюженных тропах, когда они волокут к воде большую ветвь). Словом, повторяю – уподобился Ахаву безумному, обрёл на каторгу себя.

Но разве каторжники изнуряет так себя? Да они, верно, по ночам спят на нарах с матрасами или даже на вполне приличных кроватях, пусть и привинченных к полу или к стене камеры (каторжного барака).

И питаются, пожалуй, лучше, чем я в лесу. Ведь и власти, и тюремщики, надо полагать, заинтересованы в некоторой производительности труда невольника. Плохо питающийся каторжанин, сколько его ни понукай, не сможет выполнять работу с удовлетворительными для властей результатами. Но с другой стороны, конечно, не только каторжник, но даже и городской обыватель не может мечтать об ухе с окунями (прямо из воды!), с щучьей головой, с рыбными потрошками; кроме того, мелочёвка: сладкая плотица и окуньки, – всё это для навару... Теперь же у меня не остаётся времени на всё это или даже и на то, чтобы окуня, обёрнутого в фольгу, запечь в горячей золе, присыпанной углями.

Байдарка? «Душегубка»? Просто – лодка!

Наверное, пора рассказать, что собой представляет моя лодка, которую я иногда называю то байдаркой, а то и «душегубкой».

Днище дырявое, латка на латке, и к верхним стрингерным трубкам набора оно подвязано бечёвками. Бывает, веслом сам себе зачерпнёшь воды. Гребёшь, гребёшь, да и зачерпнёшь! Гребанул хорошенько веслом, – и хлопнет вода через борт! Плывёшь и думаешь – вдруг трубки в стыках хлипкого, разболтанного скелетного набора разойдутся...

Даже и затрудняюсь, как правильно назвать утлое плавсредство, на котором я плаваю. В прошлом это была отличная байдарка, в которой помещалось два гребца, а между ними – багажный отсек на два-три

пуда. Она хорошо послужила нам с Петровичем в странствиях по Или – сотни километров по самой реке, по протокам дельты, да добрую сотню – по Балхашу. Я принёс байдарку на озеро и несколько лет плавал на ней, используя её в качестве рыбацкой лодки. Обычно я оставлял её на берегу, а на зиму разбирал, прятал в особый схран. Но всему приходит конец: прорезиненная ткань корпуса истончилась, износилась до такой степени, что её протыкали даже преловатые прибрежные сучки. Я тогда крепко закручинился: на Ясень-озере без какого-либо плавсредства невозможно ловить рыбу; да что там! – даже подойти к воде и закинуть удочку с берега иногда не получается – ветви деревьев мешают, а также и топляки, конечно...

К счастью, у знакомого байдарочника нашлась прочная ткань, которую он согласился продать по сходной цене. Я попросил мастеровитого Петровича из этой ткани изготовить так называемую «калошу». Но материала оказалось недостаточно. Мог бы сколотить плот, да Авдеевы и оставляли мне плоты. Но вы плавали когда-нибудь на плоту по озеру? А мне ведь приходится ставить жерлицы по всему озеру, в дальних заводях. К тому же плоты – недолговечны, особенно если круглый год в воде (а зимой – во льду). Поэтому и уговорил Петровича укоротить набор лодки. Тот сокрушённо качал головой, говорил, что из этого ничего не получится. Наконец, согласился, но предупредил, что не гарантирует плавучесть и устойчивость лодки.

Кое-как прикрепив шнурами ткань к изрядно укороченному дюралевому набору, в один прекрасный день я спустил варварски реконструированную байдарку на воду и поплыл. Всё это видели Авдеевы, они собирались жерлицы ставить и как раз плот рубили.

– Вона! Вона! – кричал Михаил своему брату Сергею. – Гляди-ко, быстро Егорыч на своей «душегубке» поплыл и не тонет! По матёрой глыби плывёт, и не тонет! На палец борт над водой, и не тонет!

До того надёжная байдарка, как и предвидел Петрович, потеряла грузоподъёмность и прочие судоходные и технические свойства, и в самом деле превратилось в *душегубку*, пожалуй, правильно и без кавычек писать это слово.

Однако дело справляет, и я на этой душегубке (в кавычках или без кавычек – всё равно) плаваю уже без малого десять лет. Однажды тонул, это случилось у жерличной жерди, воткнутой в прибрежную моховую кочку Большого острова, когда я наклонился над водой, чтобы сорвать лист всплывающей кувшинки, чтобы лишить укрытия живца на крюке. Резко наклонился, ухватил ржавчато-зелёный блинчик кувшинки, колыхавшийся в глубине, через борт хлынула вода. А много ли надо «душегубке»? К счастью, успел ухватиться руками за стебли голубики, свисавшие с берега, благополучно вывалился из лодки, вскарабкался на берег. Дело было как раз в День Победы, май, а не жарко, ели жилого бора ночью обмело снегом. В первую минуту не знал, что делать:

баночка с червями плавает, кошель с живой ещё щукой покачивается на волне, лодка тонет, корма уже погрузилась в воду... Ничего не утонуло, всё спас, даже топор поднял со дна. Видно, такой я везучий.

Лодочку берегу, прежде не реконструированную байдарку так не берёг. Не оставляю её на «пристани» – в том месте, где целую вечность кого-то подстерегает чёрный «крокодил» с приоткрытой пастью. Уходя в деревню, волоку в заболоченную трупобу, где низкорослый ельник перемежается с частым березняком. Ради маскировки обмазываю днище илом и глиной, здесь она меня дожидается, скрытая от глаз рыбака-чуженина, бредущего по прибрежной зверовой тропе вокруг озера, скрытая не только густой хвоей болотной ели, но также и еловыми выворотнями, густыми зарослями папоротника. А заход на едва заметную тропку, которую я, конечно же, на топтал за эти годы, всегда прикрыт еловым суховершьем. Петрович, глядя, как я волоку лодку в схрон, заметил: «Ну, уж ты её оберегаешь – как Чингачгук свою пирогу».

Да что же такое произошло в устье Холодного ручья? Редкий случай: глубинная щука (может и *утятница*) утащила жердь в глубину и, застряв среди придонных топляков, стала добычей выдры. Причём, этому делу поспешествовали как раз мои лесные друзья. Мне картина представляется примерно так. Предприимчивый бобр, не обращая внимания на беснующуюся, подцепившуюся на крюк щуку, перегрыз свежую ивовую жердь, чтобы утащить её к

новой хатке на берегу заводи. Бобры обычно глодают осину, но ивой тоже любят лакомиться, и даже очень любят. Не удивительно, что по берегам озера ива – большая редкость. (Жердь я вырубил в сухом бору, на крутяке, где бобров не бывает). Бобр-то скусил жердь, и щука ушла в глубину с отгрызенной частью, и там, в стороне от того места, где я тралил дно, застряла среди придонных топляков, попала в когти выдры, а эта своего не упустит. Однако не намерен больше докучать читателю всякими «жерличными» подробностями. Горожане-спиннингисты всё равно ничего не поймут, а дошлые вытегоры – просто не поверят. И я бы не поверил, если бы не обнаружил подтверждения. Следовало бы обо всём сразу догадаться, а не изнурять себя; целую неделю потратил на поиски жерди. Дюжину щук мог бы поймать, и не одних только травянок... *Рыбка да рябки – потерял деньки*, истинно так.

Убежище лесное строим

(Дневник основателей живого урочища)

Начало работы в матёром бору

В ясный майский день мы с Петровичем пришли к Солгоре и приступили к устройству двух сквозящих шалашей (один против другого). С этого момента и началось строительства *изобки* – лесного убежища.

12 мая. Пасмурно. Тянет юго-запад. Минувшая ночь была холодной, кочки покрыты инеем. Иней, а соловьи всю ночь били. Приходилось вставать, чтобы поправить чурбаки, просыпался, но выспался хорошо на этот раз. Не всякий раз отдохнёшь у костра под открытым небом.

Вчера проверили сеточку «китайку», которую поставили у берега среди коряг, выпутали пять больших окуней. А прудовая мережка пуста, хотя до этого в неё набивались сотни мелких окуньков.

На уху рыбы наловили, с хорошим настроением приступаем к разделке и обработке спиленных елей. Целый день корим брёвна. Я с толстых стволов осторожно снимаю кору целиком, а Петрович тонкие стволы и верхушечные части елей энергично обрабатывает своим плотницким топором, у него, конечно, дело быстрее подвигается. Копну коры настрогал. Мог бы и я ошкуривать брёвна топором или лопатой, но в этом случае материал неизбежно будет повреждаться. Потому аккуратно снимаю кору ло-

паточкой заострённого колышка, а иногда и самым простым способом – вклинивая пальцы между корой и *заболонью**.

Разумеется, прежде надо разрубить кору по длине ствола и по окружности дерева, а края поддеть чем-либо острым. Весной, в период сокодвижения, она легко снимается, но и тут нужно умение. Мне случалось снимать куски коры с берёзовых и осиновых стволов, но по-настоящему это дело осваиваю теперь. Руки, конечно, в смоле, и вся одежда высмолена.

Большие, неповреждённые куски коры – ценный материал, часть его пойдёт на кровлю шалашей, а также и для устройства временной кровли над срубом, который мы намерены приспособить для жилья, не дожидаясь окончания строительства. Неизвестно, когда управимся, может, в этом году и не завершим начатое дело. Поставить сруб в диком бору, куда и тропы нет, – это только полдела, но как, например, устроить печурку?

15 мая. Утро тихое, пасмурно. Все эти дни заготавливаем лес: валим осины и ели. Брёвна с помощью верёки волочим по зверовой тропе к месту, где решили ставить изобку. Ну а сейчас Петрович рубит венцы, а я живцовой удочкой ловлю окуней для уха. Время ловли ограничено, поскольку ужение рыбы – увлекательное занятие, в то время как в диком бору много подсобной работы – территорию очищать от буреломного валежника, а также от сучьев и хлыс-

* – *Заболонь* – не отвердевшие слои древесины под корой.

тов нашего лесоповала, да и мастеру же надо иногда помогать. Опять же – кору снимать.

Вот почему я ни в коем случае не должен просто так смотреть на поплавок в ожидании клёва, размышляя об экологических и разнообразных мировых проблемах; больше двух-трёх минут не задерживаюсь на одном месте. Тут не клюет – иди дальше. Надо непременно наловить рыбы – тридцать-сорок окуней, уха должна быть вкусная, наваристая, при такой-то работе: лесоповал, строительство, уборка территории. Понятно, три-четыре десятка окуней в котелок можно только торчком поставить. Зато – и уха!

Ночевали, как обычно, у ногди из толстой смолевой сушины, которую свалили на болоте. Чурбаки толстые, пламя выбивало из-под верхнего чурбака по всей длине, дым и пар струёй во все стороны в тех местах, где выпрели и вывалились сучья, паровоз! Хотя и дымно-чадно, а грех жаловаться, топка «паровоза» хорошо грела. Удобно расположившись на свежей хвойной подстилке, растянувшись по обе стороны ногди, вели разговоры, которые сводились к одному: приходит ли народ к Солгоре, и как быстро узнают вытегоры про избушку в диком бору. И, пользуясь нашим убежищем, будут ли при этом соблюдать старинные лесные законы? Много всяких вопросов возникает у нас с Петровичем.

Мы обосновались в столь захламлённом лесу, что поначалу могли перемещаться только по зверовой тропе, поскольку всюду лежали громадные стволы елей и осин, обломки вершинника буреломных де-

ревьев. Тут и мы добавили *хмыза**, появились кучи ветвей, сучьев, лапника. Деревья для строительства валим прямо на буреломные валежины. При падении упругие сучья ломаются, разлетаются по сторонам, подобно миномётным осколкам. Один увесистый сук ударил в кровлю шалаша из коры и пробил её. Свободного пространства в бору так мало, что брёвна и после разделки остаются на валежинах или даже на кучах сучьев и лапника. Наведение порядка в бору – моя прямая обязанность. Поначалу мы вдвоём готовили площадку для изобки и строительных работ, но со вчерашнего дня Петрович рубит венцы, причём старается обходиться без моей помощи, сам ворочает брёвна. «Не отвлекайся, убирай хмыз, обустраивай заимку», – говорит он мне, когда я пытаюсь ему помогать. И, прежде всего, складываю в кучи лапник, еловые и осиновые сучья. Этот древесный хлам пригодится для устройства дымоходов, когда начнутся «казни египетские», когда комар, овод и прочий гнус будут мучить всякое теплокровное существо. А Петрович уже видит черничные и брусничные полянки на прогалинах, стёжки-дорожки, неизбежные вокруг жилого пространства в лесу, вокруг каждого шалаша (лесной избушки, стана). Это, конечно, мечты.

Но надо сказать, что собой представляет место, где мы решили строить изобку. С севера и запада к урочищу примыкает топкий кочкарник, мокрое мо-

* – *Хмыз* – хворост, мелкая поросль; здесь: сучья, валежник, лапник, древесный хлам.

ховое болото, простирающееся во все стороны от берегов озёрка. Вероятно, под этими мхами и торфяниками погребено целое озеро. Мхи пространные, но здесь нет кочек, богатых ягодай. А вот клюкву собираю. Положил удочку на мох, и собираю клюкву, даже брусничка кое-где краснеет. И вкусна же ягода-веснянка, нет ничего слаще!

С вологодской же (восточной) стороны – чащобы молодняка, густой осинник, тесные ряды еловых лесопосадок. С северо-востока возвышаются лесистые гривы, которые представляются нам настоящим урманом. Мы же приходим к Солгору с вологодской стороны, мало-помалу набиваем, натаптываем тропу, придерживаясь линии редких, чуть приметных тесков на стволах деревьев по краю лесопосадок, в прогалинах осинников и ельников. Мой товарищ пеняет мне за то, что я тески ставлю, де, таким образом чужаков можно навести на наше заветное место с изобкой. Петрович ходит по тропам, которые я налаживаю каждый год, но при этом ставит мне всё это в укор, – и тески, и налаженные тропы. И что с того, что тропа на Солгору вытегорам не ведома, даже Авдеевы её не знают? Народ же сюда приходит (в чём я ещё не убедил Петровича, но сам-то я в этом не сомневаюсь) какими-то другими тропами со стороны Ленинградской области, с других направлений.

Да причём тески! Плот, избушка (а также бревенчатый стан, шалаш, землянка) – вот что привлекает на берег самого глухого лесного озера сельского

жителя или хорошо осведомлённого горожанина. Разумеется, если на озере ловится рыба, а по берегам – водится боровая птица, бродит зверь.

Сегодня пасмурно, сухо; по небу плывут облака – и дождевые, и кучевые, облачно, но пока сухо. Ветер вроде бы стих, но сиверок по-прежнему нижег. Впрочем, для трудящегося в лесу прохладная погода не помеха. Особенно, если такая вот работа – кору с еловых стволов снимать большими коржами или сучья и лапник рубить и всё складывать в кучи.

Настроение самое превосходное. Только вот пальцы саднят, хотя и заклеены пластырем. Подушечки пальцев исколоты, растрескались так, что утром не мог взять в руки ни топор, ни лопату. Даже кочергу (деревянную клюку) трудно держать.

22 мая. Тихий прохладный янтарный майский вечер, доносится воркотанье ещё токующего вальдшнепа, – тянет краем леса вдоль мохового болота, как и положено ему. Но иногда вдруг прошумит верховой ветер, взъерошит свежую пахучую листву берёз, и сразу становится так хорошо: воздух наполнится густыми хмельными ароматами; особенно хорошо после дождя, когда солнце всё вокруг озарит светом, и лес блистает-сверкает листвой и хвоей. И тут и прошлое накатит с воспоминаниями о юности, о встречах с *ненаглядной певуньей* на берегу Карагилузёка в низовьях Чу под сенью пахучей семиреченской ивы.

Вершины осин закудрявились, окрасились в охристые и розоватые тона, ветви берёз густо обрыз-

ганы нежно-зелёными каплями проклюнувшейся листвы.

Минувшей ночью я не мёрз, ни руки, ни плечи не коченели, как в предыдущую, поскольку сложил нодью из трёх чурбаков. Уютно было у такого ночного костра да под кровлей шалашика, крытого еловой корой. Правда, приходилось вставать с лежака, чтобы поправить костёр. Чурбаки толстые, смолевые, а под кровлю шалаша мало завихряется тепла, кровля слишком крутая, в вынос её над огнём небольшой, тепловые калории и уходят вверх, в небо, боженьку грею.

Желание построить изобку давно владела мною (а Петрович вообще не мыслит жизнь в лесу под открытым небом), но, конечно – я не в таком месте хотел видеть убежище, как этот бор у Солгоры, от которого до моего любимого Ясень-озера почти два километра, притом же по заболоченным ельникам да непрореженным лесопосадкам. Но я согласился с Петровичем, (пусть и неохотно), поскольку ничего другого не мог предложить. Этот мрачный бор почему-то ему нравится, а к Ясень-озеру он совершенно равнодушен, хотя там даже глубинные щуки водятся, может и *утятницы*; глотают ли утят, не скажу, а видел, как среди выводка вывернулась щука с белым брюхом, такие вот щуки, а он дальше озера у Солгоры никуда не ходит. Впрочем, понять его можно: на Ясень-озере совершенно невозможно блесну метать, по берегу лес стеной, у берега топляки.

Я освоил некоторые приёмы выживания в лесу под открытым небом, даже что-то вроде лесной инструк-

ции сочинил и опубликовал ничтожным тиражом, однако же, убежищами, пусть и жалкими дощатыми будками, внешне напоминающими дачные нужники, никогда не пренебрегаю. Случалось, они меня крепко выручали, когда я оказывался в *капкане*, спасался тем, что лесные убежища оказывались в пределах досягаемости. Так однажды холодной осенней ночью я ввалился в трясину. Разводить огонь в ночных условиях в лесу, в незнакомом месте, дело не простое, и у меня не было уверенности, в том, что спички не намокли. Поэтому, выбравшись из болотины, я кое-как сориентировался по светящимся точкам компаса, вышел на ближайшую просеку с тропой, которая и привела меня к полусгнившей дощатой будке, сколоченный полвека назад лесоводами... По пути не поленился наломать еловых веточек, надрать полосок бересты. Короче говоря, лесная изобка – не для праздной жизни.

23 мая. Петрович ушёл в деревню. «За салом и хлебом смотаюсь», – неожиданно и, как всегда кратко, сообщил он мне и объявил задание: мох дёргать. И уж само собой – территорию приводить в порядок, пилить-кряжевать валежные деревья, складывать их в штабель. А то ведь не пройти, и зверовую тропу завалили. Ну и рыбы надо наловить.

Вчера ходили проверять изодранную «китайку» у берега среди коряг, – *ни глаза, ни чешуи!* Но моего товарища это ничуть не огорчило. Он сказал: «Отлучусь в деревню, а ты за это время надёргаешь окуней. У тебя получается. Хотя всю жизнь ловишь рыбу при-

митивной удочкой, а как метать блесну не знаешь, ни разу не сподобился спиннингом ловить». Он и в самом деле уверен, что я при любой погоде могу наловить рыбы, он меня даже своему зятю и сыну ставит в пример. А между тем, не всегда окунь берёт наживку. Авдеев, пожалуй, прав: «Окунь рыба часовая: часом жадно хватает наживку, а часом не клонет даже. Только подойдёт к крючку, понюхает – и в сторону».

Вот и сегодня что-то плоховато клюёт, можно сказать, совсем нет клёва, но мастер не поймёт меня, если я не смогу к его приходу наловить рыбы. Конечно же, надёргаю окуней на ущицу, как не надёргать, если в запасе у меня свежие черви. Выковырив сучком первого червяка в еловом бору, я обрадовался, готов был кататься от радости на черничной полянке. А до этого ловил рыбу на смердящих червей, околевших от ночного холода в консервной банке, от того и протухших. Оплошность очевидная – не досмотрел, надо было банку с червями на ночь в мох зарыть. На старом нашем становище (на той стороне озера) накопал червей, целых пять штук. Когда есть клёв, то и этого достаточно.

24 мая. По-прежнему ноют, исколотые сучками и окупёвыми плавниками пальцы. Хотя два-три раза на дню мою руки с мылом; кусок хозяйственного мыла лежит внутри трухлявины возле ямки с водой на краю болота. Скоро и удочку не смогу держать в руках. Убирая еловые сучья, обрубая вершинник, иной раз в трудовом азарте потеряешь рукавицу, хватаешь сучья и лапник голыми руками, вот и саднят

пальцы. Да ещё окуни во время уженья добавляют, слизь в ранки попадает.

Ночью несколько раз просыпался, озяб. Чурбаки для нодьи оказались с трухлявиной, быстро и жарко разгорались, но и быстро прогорали. Из таких чурбаков с рыхлой древесиной, даже из самых толстых, не следует сооружать нодью из двух чурбаков. Следовало, конечно, в основание положить два чурбака, придавив их долго тлеющим верхняком с плотной древесиной, – было бы всё в порядке...

Отпилил от поваленной сушины преогромный чурбак, готовлю топливо для ночного костра. Комлевая древесина на редкость плотная, и крутляк такой толстый и тяжёлый, что нам и вдвоём с Петровичем его было бы невозможно выволочь из болота. Пришлось на месте разделки сушины расколоть его клиньями, вытесанными из крупной берёзовой и осиновой щепы. Перед тем я на болотные кочки намостил жердей и сучьев, что-то вроде плота устроил. Иначе и сам бы вместе с этим чурбаком утонул бы в болоте. Набравшая влагу древесина плохое топливо для ночного костра; дыма и пара много, а тепла – маловато. Из половинок комлевого, расколотого на две части чурбака и сооружаю нодью к предстоящей ночи...

И что радует – выполнил задание Петровича! Кастрюлю с окунями закрыл мхом и поставил её в ямку с водой под елью, куда никогда не пробиваются солнечные лучи, и где, по моей догадке, родники точат. Здесь целое озерко воды; проходя мимо на Ясень-озеро, я никогда не видел, чтобы это место обсыхало. Стало

быть, убрал улов в родничный схрон, сижу праздно с блокнотом на валежине, на солнечной прогалине среди елей и осин. Тут тихо, тепло, а вот на берегу озера сиверок ниже, да и небо в облаках. Где-то в отдалении, на сушине, дятел *поёт*. Ударит по дереву – по лесу разносится звук, похожий на эхо человеческого голоса. Вытегоры говорят: «дятел токует», «дятел поёт», а можно и так сказать: играет на ксилофоне.

26 мая. Работа спорится: один выбирает в брёвнах паз, вырубает «лапы», укладывает венцы, другой – обрубает сучья, снимает кору, подтаскивает к месту строительства брёвна, сжигает кучи мусора, заготавливает топливо, складывает его в костёр (то есть в поленницу).

Вчера Петрович уложил пять венцов да два бревна шестого венца приготовил, отдельно на земле лежат. Выходит, основание второго (верхнего) рабочего сруба положил. Обычно сельский плотник складывает сруб по частям, причём каждая не выше человеческого роста. Понятно же почему: очередное верхнее бревно приходится не раз подтёсывать, примеривать к нижнему. Закончив рубить нижнюю и верхнюю часть сруба, например, бани (или избы или скотного двора, или такой вот лесной изобки, как в нашем случае), мужики окончательно, на полную высоту, собирают сруб уже по месту строительства. Так же и Петрович рубит.

Подвигается мало-помалу работа, это так, но конца-края работы не видно. Мне, например, предстоит

окорить ещё четыре ели, вчера свалили. И сегодня повалили ель, под сорок пять градусов наклонённую, со временем непременно упала бы на землю. Одну ель даже подобрали с земли. Точнее сказать, на стволах валежных деревьев она лежала неизвестно сколько времени. Петрович, однако, счёл, что древесина плотная, ещё не подверглась порче, годится в дело. Только заболонь обтесал. Надеюсь, больше не будем валить деревья. Надо посчитать по пням, сколько спилили деревьев, определить убыток окружающей среде, – конечно же, и в малейшей степени не сопоставимый с тем, что мы видим в лесу на вырубках, а также и на дорогах, по которым за кордон каждый день уходят сотни лесовозов. Да мы же лесное убежище строим не для себя только, как это, возможно, думает Петрович, но и для всех лесных странников... Бутылки «еврейской водки» между кочками на берегу озера, а также котелок и плёнка в соседней боровине на берегу озерка (обнаружил ещё до строительства избки) – неопровержимое свидетельство того, что сюда навевается народ, не наши, не вытегоры, может из Питера или ещё откуда-нибудь, с другого конца света, из-за океана. Короче говоря, какие-то *бледнолицые*, чуженины, откуда же у вытегоров «еврейская водка» – в Оште дешёвой «жириновкой» из череповецкого подвала травятся. Итак, Солозеро отнюдь не необитаемое, как, возможно, думает Петрович. Но, может, любители «еврейской водки» случайно здесь оказались и больше никогда сюда не придут...

Капкан!

27 мая. Работу прекратили. С утра по кровле шалаша барабанили крупные капли, потом сыпанул град, сменившийся ливнем. И до этого было не жарко, а тут просто собачий холод. Не всё коту масленица, побаловали тёплые ясные майские деньки, теперь надо приспособливаться к переменившейся погоде, показать, на что мы, в самом деле, способны, что умеем не только красочно рассказывать друзьям в городе о наших похождениях в лесу.

Где-то погромыхивает, и небо не проясняется, ни разу за весь день солнце не проглянуло. Ливень и град загасили нашу теплинку, на месте огнища лужа воды, чурбаки и головешки чадят, шипят, погасают; почва выгорела, образовалось углубление, вода тут собирается, по мелкой канавке не успевает стекать. Принимаюсь разводить огонь, поскольку Петрович может в любой момент потребовать разогреть уху или заварить свежий чай. Или спросит, почему до сих пор под кровлей шалаша не просохла одежда.

28 мая. Ещё одна ночь в дебрях у Солгоры. Сегодня то же самое, что вчера – дождь с ветром. Всю ночь лил дождь, и утром не перестал. Температура в пределах пяти-шести градусов. Пар изо рта, как у полярника на льдине.

Благо, свалили в запас жаровую, смолевую сушилку, топлива хватило на всю холодную дождливую ночь, я не мёрз, следовательно, и выспался. Вчера

вечером бродил с удочкой вокруг озера, конечно же, насквозь промок. Но как следует просушил одежду ещё у дневного костра, когда варил уху. Поэтому и не околевал ночью, хотя дождь шумел, не переставая. А Петрович озяб, плохо спал, по урочищу ходит злой, мрачный. Бывает же, напротив, мой товарищ спит нормально, а я ворочаюсь от холода, каждые полчаса встаю, чтобы поправлять тлеющие чурбаки. Спим у одного костра, а согреваемся по-разному.

И никогда не забыть нам с Петровичем ночёвки под елями на той стороне озера в начале мая прошлого года. (Когда-то я там спасался во время грозы). Костёр тогда был сложен из отличных толстых смолевых чурбаков, да что с того! – мы ютились под плёнкой в полтора квадратных метра, ледяной «сивер» раздувал огромное пламя, но при этом уносил всё тепло в сторону. Нынче совсем другое дело: основательные односкатные шалаши-заслоны, причём один против другого, концы кровельных жердей едва ни касаются, как бы один большой шалаш с разрезом в центре для ноги.

...В таких-то условиях живём и рубим изобку, подобно сотнику-первопроходцу Ивану Реброву на Индигирке, терпим «нужу и хлад». А как явится сюда какой-нибудь самозванный собственник Русского леса и скажет не терпящие возражений слова: «И это тоже моё!»? То есть просто объявить изобку своей священной собственностью на том основании, что он уже давно арендует этот лес... Или даже без всякого официального разрешения высекает леса Оштинской до-

лины и водосбора реки Ошты, дал на лапу чиновнику в лесном департаменте или кому повыше, и рубит. Или просто раскатает избушку и увезёт на своё частное охотничье хозяйство, а как же – *хозяин тайги*... Теперь ведь МИРУ, то есть обществу, русскому человеку, как бы уже ничего не принадлежит... Коммунистический (общинный) уклад жизни коренных жителей лесных регионов разрушен до основания.

...В семь утра дождь с ветром, а температура не поднимается выше пяти градусов. И в полдень то же самое. Сидим в шалашиках, один против другого, думу думаем: ладить ли к ночи стан из пяти венцов с примитивной каменкой или по такой вот погоде, по дождю, возвращаться домой.

– Капкан! – уныло отзывается Петрович на мой вопрос. Этим одним словом он точно выразил ситуацию и наше настроение: работать нельзя, зябко даже у костра, ибо, кто же этого не знает: осина никогда не даёт жаркого пламени («*осина – не горит без керосина!*»), смолевые же чурбаки к ночи приберегаем, а то как же – стволы осин, чурбаки и сучья осиновые кругом валяются, а за смолевой сосновой сушиной надо на болото идти, надо умело повалить её на помост из сучьев и жердей, не дать утонуть в болото, быстро, не дожидаясь, когда она наберёт влагу, вытащить на твёрдый берег... А чтобы вернуться в деревню, то и думать об этом тошно: по такому дождю да по мокрым чащобам осинника на вырубках! Опять же, – нет натоптанной тропы в сторону деревни. Только тески, и не везде, не по всему мар-

шруту. Я бы, может, и натесал, но Петрович предпочитает вовсе обходиться без *налаженной* тропы, только бы чужакам не быть у Солгоры. А не берёт в голову, что его же зять, заядлый спиннингист, ждёт не дожждётся, когда мы закончим стройку. Разумеется, без тесков, без налаженной тропы, зять Петровича, человек городской, непривычный к жизни в лесу, вряд ли сможет сюда добраться, даже и с навигатором. И внуки Петровича, кто знает, когда-нибудь захотят странствовать по нашим тескам, чтобы хотя бы недельку пожить в избобке деда в Русском лесу.

И, конечно, я ничего не рассказываю своему товарищу про бутылки «еврейской водки» и котелок с плёнкой. Зачем портить настроение мастеру? Бросить начатое дело мы не можем ни при каких обстоятельствах.

...Решили возвращаться в деревню. Одежда быстро намокает, а сушиться в такую погоду хлопотно, только тем и заняты, что сушимся да переодеваемся. Да горячий чай поглощаем в большом количестве, вроде как согреваемся изнутри. Целый день крутимся у огня, какая уж тут работа? И запах берёзового венника забыли, по бане истосковались, что тоже гонит нас в деревню. А на банку с ледяным берёзовым соком даже и смотреть не хочется.

...Утром было чувство полной безнадёжности («капкан!»), а шагаем бодро, ни малейшего уныния. Разумеется, бодрость наша относительная – какой она может быть у людей, не одну неделю живших в лесу, ночевавших у костра под открытым небом?

...Нашли подходящую валежину, удобную для привала. Присели, однако же, от рюкзаков не освобождаемся, только ляжки расстегнули. Доносится звон текучей воды, крикают лесные уточки, бьют соловьи, кукушка вызванивает. Откуда-то доносится едва уловимый запах черёмухи. Холодные, неприятные дни, а весна своё берёт.

– Ты же разглаголишь! Не утерпишь, расскажешь в своём партийном подвале про избобку! – вдруг ни с того ни с сего заявил Петрович. – А что, хорошая база для отряда «антиНАТО». Приведи, приведи комсомольцев, потаскай их по веретьям, по заболоченным еловым чертоломам, пусть закаляются. Пригодится в жизни. Передай избобку в фонд партии, вместе с нашими тропами передай... Ты отрицаешь, а всё-таки твою партию сильно укоряют в Интернете, якобы, лимит на революцию объявила партия...

От политической дискуссии уклоняюсь, предлагаю продолжить путь. Нельзя долго сидеть на валежине, расслабляться, ещё шагать и шагать, тропа не торена.

Дождь вроде бы стихает, но не перестаёт окончательно. Уже третий день не видим солнце!.. Обычно сухие каменистые изложины между гривами наполнены водой, мы их, переходим вброд. Ручьи же, стекающие в сторону Киргозера бурлят, клокочут, взбивая сугробы пены, а летом они среди ивняка, черёмушника и высоких трав едва угадываются по слабому журчанию. Весёлое занятие – ходить в такую погоду с рюкзаком по лесным трущобам да по захламлённым вырубкам!

Очень даже правильно, что решились идти в деревню! Как вспомню чёрную баню с камнями, опущёнными сажеей, с полком, словно покрытым чёрным лаком, так и прибавляю ход. Петровича уже не вижу и не слышу, он где-то тащится за мной, так же, как и я, не соблазняясь отдыхом на мокрых, скользких еловых выворотнях и буреломных валежинах. Меня от влаги защищает колхозный плащ. Брезент намок, отяжелел, встал колом, вода с него стекает. А Петрович обернул вокруг себя кусок плёнки и сверху прикрылся плёнкой. Тащимся!

На урочище у Солгоры мы оставили шесть венцов, и я не сомневаюсь, что сруб скоро будет готов. Знаю Петровича, мы с ним по рекам Семиречья плавали и на байдарке, и на плотках, о чём я уже писал в очерках. Хорошо знаю его, но не ожидал, что он в таких условиях, в столь короткое время положит шесть венцов. Я же знаю, что и сруб для крыльца, и баню ему ставили братья Авдеевы. И нижние венцы избы они же ему меняли, что не дешёво ему обошлось. Но сейчас Петрович собственноручно рубит изобку, лихо рубит, даже удивляет меня рвением и мастерством. Ещё раз убедился – человек, рукастый, от природы наблюдательный, не праздно смотрел, как Авдеевы рубят венцы, научился кое-чему у них. Прав был много, очень много лет назад, начинающий журналист, автор очерка в «Ленинградской правде», угадавшей будущего мастера в молодом жестянщике, на которого опытные кровельщики смотрели свысока, и один из них, *скобарь* (значит, прирожден-

ный пскович), язвил: «Ты, малец, есте человек неумелый, стало быть, к жизни не приспособленный». В советское время питерские рабочие славились уровнем образования, высокой квалификацией, даже кровельщики были мастерами высокого класса; во всяком случае, тогда невозможно было представить неграмотного, не знающего русского языка мигранта за рулём такси, за пультом управления строительного крана. И как тут ни вспомнить Васю Захарько, с которым я когда-то был в дружбе: в редакцию «Ленинградской правды» попал как раз из кабины строительного крана, а через какое-то время его взяли в «Известия». Впоследствии он стал даже главным редактором этой газеты.

В газетном очерке были строчки, живописавшие, как Петрович, припрятав на крыше шпатель, кровельные ножницы и прочие орудия труда, возвращается домой и после ужина начинает что-нибудь мастерить; однажды часы «Густав Беккер» починил, купленные в антикварной лавке. Не часы, а музыка получилась – ход тихий, бой чистый, мелодичный...

Однако публикация в главной ленинградской газете не порадовала молодого жестянщика. Якобы, кто-то из кровельщиков даже собирался опровержение в газету написать: люди же привыкли читать публикации про трудовое соревнование, а тут – совсем другое, какие-то часы «Густав Беккер», подчёркивалось увлечение молодого кровельщика пустяшным «рукомеслом». И написал, было, письмо в газету жаждущий справедливости кровельщик, но това-

рищи отсоветовали скандал устраивать. Не корреспондента газеты пожалели, а *мальца, к жизни не приспособленного*.

Всё это мне герой очерка рассказал, когда мы с ним поднимались на Терской-Алатау, к истокам Чу, а потом спускались по самой реке Чу. Но как давно же это было, какая длинная жизнь между солонзерским урманом и тянь-шанским хребтом!

Далеко позади Солгора, а мыслями я ещё там. Я уже не сомневаюсь, что, по возвращении из деревни оборудую для жилья нижнюю часть сруба. Надоело ютиться в шалаше, одно название, что шалаш, под открытым же небом ночуем; и земля в бору не везде оттаяла. Уже подумал, как приспособить нижний рабочий сруб для ночлега: выложу из камней примитивный открытый очаг, а на кровлю пойдут куски еловой коры, сложенные на расчищенной площадке и придавленные чурбаками и камнями. Ещё и плёнкой прикроем кровлю, у нас в запасе есть большие полотнища, мы их подобрали в карьерной яме посреди деревни. Собственно, я был бы доволен, если бы Петрович остановился на пяти венцах. Получился бы просторный *стан*; вытегоры иногда рубят в лесу подобные бревенчатые мурьи из трёх-пяти венцов. Но мой товарищ с самого начала твёрдо решил рубить изобку. «Уже годы не те, – сказал он мне, – когда мы плавали по протокам дельты Или, без страховки карабкались по кручам Терской-Алатау. Вот ума-то было! Что за удовольствие ночевать, вот как

мы: ж... в костре, а голова в инее... Говоришь, «стан», да любой стан мало чем отличается от шалаша с нодьей... Берлога и есть... То ли дело изобка... Обещаю тебе – лежаки жердевые устроим, печурку железную камнями обложим. Даже стол, обещаю тебе, из осиновых плашек вытесать. Будем жить по-человечески, обещаю тебе...»

Но до этих обещанных радостей, ох, как далеко, пахать и пахать, как говорила когда-то молодому кровельщику Петровичу. А пока вот скачем по пеньям, по кореньям...

Настоящее русское зимовье!

2 июня. Вернулись на берега Солозера. В пути были шесть с половиной часов, при этом же и тропу подчищали. Короче говоря, хороший ход. После чая мы немного поработали, окуней же я не ловил. Сруб (нижние пять венцов) для жилья решили не ладить. Дни становятся теплее, светлее, длиннее, а ночи – короче и тоже – светлее, теплее. Берёзовый сок, стекавший в банку по соломинке, скис за время нашего отсутствия. До окончания работы дневать и ночевать решили в шалашах, у нодьи. Сосновых сушин на ближайшей мшарине нам до конца жизни хватит.

По календарю лето, но не жарко, совсем не жарко. Утром плюс десять, и после кратковременного дождя с грозой температура не повысилась. Прогуливаясь с мешком по вздувшимся после дождей мокрым мхам. Тут и там возвышаются кочки с чистой ворсистой поверхностью, побуждающие к праздности и от-

дыху, но не прилечь, не присесть на эти пёстрые моховые «подушки» и «диваны». Остановился, и тут же погрузился в мох, и вода выступает...

Мастер окончательно определил мне задание – мох дёргать, не менее шести мешков надо, а это не просто сделать. Мшарина просторная, но кругом кусты ивняка, вода повсюду блестит. Не с каждой кочки можно дёргать мох для дела. Пять-шесть мешков – это только для *мошени* (конопаченья) сруба, а, кроме того, в запасе всегда должен быть материал – мыши, белки и птицы постоянно вытаскивают мох, который они, как и люди тоже, используют для устройства своих жилищ.

Думал до сумерек собирать мох, но после полудня разразилась гроза. В прогалинах деревьев вспышки огненными змеями, дождь хлещет. Работу пришлось прекратить. Сидим у костра (при этом каждый в своём шалашике) пьём чай. На короткое время проглядывает солнце, дождь вроде бы стихает, но наползает очередная грозовая, страшно чёрная туча с рыжеватым брюхом, и дождь, как и прежде, барабанит по кровле шалашей.

...Любуюсь свежими, вызолоченными проглянувшим закатным солнцем брёвнами сруба. Настоящее русское зимовье! Месяц-другой, и будем жить в тепле, под крышей изобки. Правда, пока нет печурки. И полатей нет, есть только жерди, сложенные в штабель, и по-прежнему – ни дверей, ни окна. В книгах, описывающих русский быт минувших поколений, иногда можно прочитать: «Плотник срубил избу (ча-

совню, храм) без единого гвоздя». Это что! Без гвоздя – ладно, а вот как построить избобку без доскитесины, без кирпича, без стёклышка? Таскать же всё это из деревни – не ближний свет, и дорога какая, – даже и тропы нет, ничего, кроме редких тесков-затесей, которые я всё же ставлю украдкой. На мои вопросы Петрович отвечает уклончиво: «Есть идеи разные. Но, может, всё ложное...»

10 июня.

...После обеда завершал укладку костра-дровяника: сложил поленья пирамидой, прикрыв их кусками еловой коры. Запас топлива на осень, да, может, и зимой сюда на лыжах наведемся, ледобур уже принесли (ножи наточены, смазаны), в схроне, – внутри толстой трухлявины – ждёт своего часа...

Но, рассказывая о скитаниях по лесным трущобам, невозможно обойти роман Д. Дэфо «Робинзон Крузо». Стоит мне в городе затеять разговор о моих лесных делах, как тут же слышу: «Ну, прямо, как Робинзон Крузо!». Реже – сравнивают с судьбой Лыковых, всю жизнь проживших в тайге, якобы, не сообщаясь с внешним миром, как выяснилось, это было не совсем так, литераторы и журналисты немало сгустили краски. Вышеназванные имена персонажей всплывали на встречах с читателями после публикации моей книги «Записки лесного жителя», своего рода, лесной инструкции для молодых патриотов и не очень молодых дачников, грибников-ягодников. Эту книгу, по причинам ничтожного тиража, мои читатели даже ксерокопируют.

Как и многие мальчишки, «Робинзона Крузо» я любил, по пути на сазаньи ямы Кумузёка пересказывал книгу сверстникам. Имею в виду, конечно, детское издание этой книги, в которой нет протестантских занудностей автора. Я уже рассказывал о скитаниях нашей семьи по барханам, по степным и тугайным дорогам Семиречья. Так вот: иногда мы переезжали в такое место, где ничего не было, кроме растений солью потеющих, где даже лопушистые листья *кёрмека** были покрыты кристалликами соли, и где единственное украшение степного пейзажа – одни лишь только солянки. Бывало, встречались кусты солянок и с ягодами, на вид сочными, алыми, но на пробу они оказывались горько-солёными. И вот, представьте себе, однажды узнаём, что где-то в Океане есть сказочный остров с дикой природой и такими условиями обитания человека, о которых не мог себе вообразить ни один мальчишка с буйной фантазией. И даже бабка Коленчиха, бабка-ворчунья, прислушивалась к моим рассказам про остров Отчаяния, где разве птичьего молока не было. Эта Коленчиха с соседнего рыбацкого хутора сама иногда нам, мальчишкам, живописала потусторонний мир – и рай, и ад; больше, конечно, адские картины с подробностями рисовала, указуя при этом на хуторских сорванцов, коим уже уготована геенна огненная, – имея в виду тех, кто посягал на её грядки с майской редиской на ближайшем арале в камы-

* – *Кермек* – род пустынных многолетних трав, чаща всего растёт на засоленных почвах.

шах. Но и она, верно, не могла себе представить изобилие подобное тому, что живописалось в книге Дефо, и мои рассказы про остров Отчаяния слушала с большим интересом.

Что и говорить, прекрасная книга, но только вот никак не пойму, отчего это жизнь Робинзона Крузо на острове в Океане, где он безбедно прожил 30 лет, городской обыватель считает образцом (символом) выживания. А в книгах литераторов, пишущих описания про умение выживать в экстремальных условиях природной среды, часто, даже слишком часто, употреблены слова «робинзонада», «робинзональное место», «рецепты и приёмы Робинзона»...

Тут я хочу сказать лишь одно: тому, кто интересуется проблемами выживания во время странствий, в полевых условиях, вовсе не следует пускаться *по следам Робинзона*. И совершенно напрасно некоторые мои собеседники полагают, что деятельность героя книги, созданного фантазией писателя Д. Дефо, – высшая степень, верх мастерства выживания в экстремальных условиях.

Персонажу романа Дефо достался корабль, пусть и повреждённый, вскоре совершенно разрушенный стихией, корабль с продовольствием, инструментами, с различным снаряжением и разнообразными предметами, необходимыми для ведения хозяйства. И что ещё важно – запас одежды достался; в ту далёкую эпоху она была весьма прочной, долго не изнашивающейся. Впрочем, климатические условия на острове были таковы, что человек мог обходиться

вовсе без одежды. Наконец, «бедный Робин» подобрал и остатки разрушенного штормом судна, что немаловажно. (В хозяйстве всё сгодится).

И самое главное: земля на острове фантастически плодородна. И рис, и просо, и пшеница, и финики, и виноград, и разнообразные цитрусовые – всё произрастает и плодоносит обильно. Тут я сразу же вспоминаю, что у меня на участке в деревне Курвошский Погост даже урожай картошки не каждый год радует – всё зависит от погодных условий, от влажности почвы и, конечно же – от количества и качества органических и минеральных удобрений, от химических же средств я воздерживаюсь.

Сомневаюсь, что когда-либо существовали на нашей планете столь тучные нивы и земли, как на острове Отчаяния, где могли в такой разнообразии произрастать всякие питательные, хлебные злаки и плодоносные, полезные для человека растения. Короче говоря, у Робинзона Крузо на острове была богатая, здоровая пища, – хлебопродукты, рыба, дичь, целебное мясо диких коз, хотя и одомашненных. А, кроме того, – цитрусовые, орехи, опять же – финики, виноград... Истинно божий рай, – по словам Коленчихи... Единственное, что представляло реальную угрозу жизни обитателя острова – нападение дикарей-людоедов. А в Питере нам безопаснее? Тоже хватает злобных хищных дикарей. В жизни англичанина Робинзона Крузо не было даже и тысячной доли того, что испытали наши партизаны в лесах Белоруссии или Брянщины в годы Великой Отечественной вой-

ны. А «сидение» сотника-первопроходца Ивана Реброва на Индигирке!

Нет, книга Д. Дефо никак не может быть руководством для тех, кто озабочен проблемами выживания.

Всякому, кто интересуется возможностями человека в жёстких условиях природной среды, я бы, пожалуй, посоветовал «Подготовку войскового разведчика» (издание советского «Воениздата»), «Справочник путешественника и краеведа» С.В. Обручева. Может, пригодится и моя «лесная инструкция» – «Записки лесного жителя. (Уроки выживания)». К сожалению, древние письменные источники скупо свидетельствуют о том, что пришлось испытать во время походов казакам-первопроходцам, но сохранилось донесение царю сотника Ивана Реброва о «сидении» на Индигирке: «Нужу и хлад терпел, и душу осквернял, ел всякое скверно и сосновую кору и траву».

Персонаж книги Д. Дефо сетует, что у него не было хорошего инструмента, а были только топоры. Ну и насмешил «бедный Робин, Робин Крузо»! У нас с Петровичем тоже только топоры, которые мы, возвращаясь в деревню, прячем в трухлявинах. У нас одно лишь преимущество – лопата. (У Робинзона Крузо стальной лопаты не было). Русскому читателю, знающему историю Отечества (надеюсь, не перевелись такие люди), наверное, странными покажутся эти сетования про топоры. В самом деле: можно сказать, с помощью одного только топора русский мужик освоил огромные пространства Севера, Си-

бири, Русский континент до Великого океана, острова также освоил в Океане, – и Курилы, и Командорские острова, и Алеутские, даже и Аляску. До Калифорнии добирались русские! (Между прочим, ценители русской истории в Америке срубы некоторых строений даже реконструировали; в качестве примера могу указать на «Форт-Росс»). Это уже потом Аляску и Алеуты правители Российской империи профукали, и ныне ещё не окончательно извелась практика и политика разбазаривания земель, засеянных костями русских подвижников, и даже – ледовитых морей, на дне которых покоятся русские корабли с командами героев.*

И в Сибири, и в Заполярье, и на Крайнем Севере (также и на Аляске) с помощью топора русский человек строил и станы, зимовья, и ясачные избы, и сторожевые избы... И остроги, непременно – небольшие бревенчатые крепостцы для хранения припасов, пушнины и защиты от враждебных племён. Наконец, избы для жилья рубили! Не какие-то там жалкие лачуги так называемых «пионеров» (имею в виду завоевателей индейских территорий), подобные тем, описания которых мы находим у американских писателей, нет, не мурьи рубили, а храмины в два этажа с прочными просторными и тёплыми дворами – помещениями для скота.

А храмы, храмы! Шедевры национального зодчества возникали тут и там, куда проникала славяно-

* – Как уже отмечалось, работа над книгой была завершена до возвращения Крыма и Севастополя в Россию.

русская цивилизация. Мы знаем 22-главый Преображенский собор Кижского погоста, а ведь был храм и в 25 глав. Имею в виду собор в Анхимове, макет его украшает зал Вытегорского краеведческого музея. (Собор находился под охраной государства, но сгорел вследствие человеческой безответственности и преступного небрежения). И ведь эти храмы, если верить историческим свидетельствам и преданиям, рубили с помощью одного только топора. Между прочим, я знаю вологодских мужиков, убеждённых, что брёвна венцов лучше сохраняются, оказываются более долговечными, если торцы не отпилены, а как раз обрубаны плотницким топором. Писатель М. Пришвин в своих очерках свидетельствует, что в некоторых районах Севера и Заполярья лучковую пилу жители увидели только в 30-е годы минувшего века, когда развернулась индустриализация, и, в связи с этим, начались лесозаготовки в крупных масштабах.

И в малой степени нельзя сравнить природное изобилие острова Отчаяния, где жил Робинзон Крузо с теми условиями, в каких оказывается ныне лесовик, житель лесной деревни на Вологодчине (или такой вот городской обыватель вроде меня).

Впрочем, уже критики романа Д. Дефо в самой Англии немало упражнялись по поводу «бедствий» главного героя. Один из них ядовито заметил: «Робинзон Крузо осмотрелся и стал жарить бифштексы».

И труды, и праздники в лесу...

...Очередной свой день рождения встречаю в изобке, то есть на урочище у Солгоры. Вспоминаю, как три дня назад, в деревне, с трудом заставил себя подняться с кровати, чтобы пораньше уйти в лес. Трогал ладонями ещё тёплую, царствующую в избе русскую печь, наслаждался теплом избы и с содроганием думал о том, что вот сейчас предстоит выходить на морозящий дождь, тащиться по чащобам, по мокрому лесному подсаду. Избушку построили, а налаженной тропы по-прежнему нет, поскольку в последнее время что-то редко ходим к Солгоре.

И уже в Ивках не жалел о том, что решился отправиться на дальние озёра за окунями да за глубинными щуками. Бодро шагал, хотя лес хлестал меня мокрыми ветвями, орошал ковшами влаги, а комары, напившись крови, тёмными комочками отваливали с потного лица, не могли лететь, опускались в траву. В Ивках я устроил привал, даже любовался видами лесного урочища. Полноценно отдыхать под елью я мог только после того, как развёл дымник. Комары, до этого тучей надо мной висевшие, исчезли куда-то, не казнили меня больше, поскольку всё пространство под еловым лапником окуривалось спасительным едким дымом.

...Слушал, как иволга наяривает на своей дудочке, соловьёв слушал, бьющих наперебой, звонкий счёт

кукушки-вещуньи слушал... Появились записи в блокноте (обычно – за голенищем сапога): «Не поддался дачному настроению, подавил в себе домоседские чувства, и теперь слушаю голоса природы – чудесные голоса, недоступные миллионам землян. Пью родниковую воду: прозрачна до того, что кажется, и нет её в котелке. Источник, вернее, задержившуюся канавку, неделю назад почистили туристы из Питера. Послушали рассказ про Ивки на волне радиостанции «Слово» и приехали ко мне в деревню».

Ощущение радости и бодрости я почувствовал ещё раньше, когда шёл Каменьями, – урочищем на берегу Ошты-реки, по которому тут и там расставлены ёлочки с роскошной густой хвоей, а между ними выпирают камни, покрытые бурыми и ржавчато-рыжими лишаями. Солнце то показывалось на минуту-другую, то помрачалось тучей, а я шагал луговинами, вызолоченными одуванчиками, травянистыми полянами шёл, по которым, словно бы ветер катал ярко-жёлтые шарики купальницы, и даже мокрые мочажины были покрыты оранжевыми цветами калужницы; словом, куда ни посмотришь, всюду солнечные, оранжево-золотые пятна и полосы. Шёл и радовался, что набрался решимости покинуть избуной уют в тот мокрый, промозглый спозаранок...

Ну а сегодня утро росное, а небо – ясное, лишь иногда верховой ветер раскудрявит листву березняков, и всё вокруг наполняется хмельными ароматами. В прогалине бора играет, переливается красками столб радуги, чувствуется озоновая свежесть.

Итак, очередной день рождения в лесу, ну, это, уж как водится у меня в последние годы. Да и прежде, бывало, на каком-нибудь диком арале среди камышей дельты Или, среди разливов Чу-реки, вскрывал я банку сгущенки, чтобы отметить день рождения. Теперь – всё больше на берегу лесного озера, на тропе. А нынче грядочку луковую пропалываю, заросла, пока ходил в деревню. Утром же поднялся на Солгору, где накопал глины, чтобы замазать щели на стыках потолочных плах, обмазать трещины на трубе печурки. И вот – грядку пропалываю, редиски надёргал. В этом году мы с Петровичем решили в лесу две грядочки вскопать, хоть какой-то витамин. Надо заметить, в последнее время я стал ощущать неизбежное изнурение, иногда вдруг накатывает непонятная слабость. Причина, скорее всего, как раз в нехватке витаминов, что обыкновенно для этого времени года, когда даже и на огороде в деревне пока нечем поживиться... Изнурения и приступы слабости исчезают примерно с середины июля, и никогда не бывают осенью. Хотя как раз осенью-то и увеличивается физическая нагрузка: тут и грибы, и ягода, и уборка урожая на огороде. Ну и, конечно, не забываю дорогу на Ясень-озеро, и к Солгоре, тоже ведь не ближний свет... Физическая нагрузка осенью увеличивается, а вот приступов изнурения и слабости, – как не бывало. Можете не верить, но это так.

Молодые березняки на ближайшей гриве, где когда-то выгорел бор от удара молнии, ещё по-весеннему блистающие листвой, навевают не только свежие

ароматы, подобные запахам ивы семиреченской, но также и воспоминания о первой весне в низовьях реки Чу, когда наша семья перебиралась на новое место жительства.

Хорошо помню тот день, когда на телеге, запряжённой быком, притащились на *арал* – на дикий, ивой и камышом заросший остров среди поёмных разводий Карагильских разливов, один из бесчисленных островов; места, по мнению отца и старшего брата Николая, изобильные дичью, а уж рыбы в озёрах, в ямах проточных узёков – и за сто лет не вычерпать и большим неводом. (Не прошло и полвека, – от природного богатства низовьев Чу-реки остались одни барханы с верблюжьей колючкой...). А до этого мы жили на краю Муюнкумских песков – в древнем русле Чу, среди песчаных бугров, заросших кустарником, среди сухорослых тугайных деревьев, ясно и чётко белела саманная хата, крытая камышом.

Я тогда впервые услышал вибрирующее «пение» падающего бекаса, и там его, как и жители села Ошты, тоже называли барашком, но только, не лесным, как на Вытегорщине, а – камышовым. Как сейчас помню всё это, давно минувшее: непролазные заломы (гривы плотных камышей), жёлтые зимой и весной, а летом – густо-зелёные, почти чёрные под солнцем пустыни, тянувшиеся по берегам узёков и озёр; ивняки, наполняющие пространство вокруг свежим дыханием душистой листвы, оранжевые тюльпаны с эмалевыми лепестками на склоне ближайшего бархана, шелковистый блеск барханных

злаков. Короткие ливни в ту весну сменялись весенним сиянием солнца, которое ещё ласкало теплом жителя пустыни, а не угнетало жестокой летней жарой, когда песок раскалялся так, что кукурузные початки на нём поджаривались. А в межбарханном понижении, где допревали остатки стога, я находил грибы с гладкими, глянцевыми белыми упругими шляпками, как потом узнал, это были шампиньоны.

Карагильские разливы – особое место в моей жизни, здесь всё было не так, как на хуторе в древнем русле. На ближайшей протоке я мог целыми днями удить язей или, сидя в лодке и свесив голову за борт, наблюдать за окунями и краснопёрками, – сказочно нарядными в прозрачной глубине. Но главное – здесь впервые у меня появился задушевный друг, верный товарищ – Нина Крапивина, с которой я играл в пятнашки в светлых струях *каиров* – на песчаных отмелях, на галечных перекатах узёков. А иногда мы с ней бродили камышистыми берегами узёков, удили чебаков и язей. И через много лет, когда я уже был курсантом Каспийского высшего военно-морского училища, она же училась в каком-то медицинском заведении в Чимкенте, мы встретились в тени прибрежной ивы, сладкодушистой ивы семиреченской, на сучья которой я когда-то, ещё отроком, взбирался, чтобы нырнуть поглубже и достать горсть песка со дна глубокой ямы узёка, чтобы удостовериться подружку, что яма не бездонная, как она уверяла.

Ласковой рыбачке я прочитал свои первые стихи, первые и последние, самые прекрасные стихи, в ко-

торых были чарующие строки: «Грудь белая румянилась и нежно трепетала». (Был твёрдо уверен, что это я же их сочинил). И не в узёке мы купались, а в сладостных наркотических ароматах ивовой листвы. Усталые, счастливые и беззаботные, сидели мы на берегу узёка и не знали, что не встретимся под этой ивой, вообще больше никогда не встретимся...

...Восхитительны запахи семиреченской ивы, и точно так же теперь всё вокруг наполнено запахами берёзовой листвы, источаемыми даже и малыми деревьями, – но только до дня моего рождения, а пройдёт неделя-другая, и я их перестану ощущать и воспринимать так остро, как сейчас.

В гармонии с природой, с песней в душе

...Всё лето ходил к Солгоре, правильнее сказать, ходил на соседнее Ясень-озеро, ставил здесь жерлицы, щук ловил, а ночевать возвращался в изобку. Войдёшь в лесной вертеп, думаешь: куда попал?! Комары воют и стонут так, что и шум деревьев заглушают. Освободившись от лямок рюкзака, разводишь дымник из свежей хвои и мха. Понятно, долго в дыму не усидишь, поэтому в таких случаях приходится ложиться на жердевой топчан, покрытый *рибушинами*, изодранными белками и лесными мышками, свесив при этом голову едва ли не до пола, всё ещё засыпанного стружками, лесной подстилкой.

Ходил-ходил цветущими росными травам, а вот и приметы осени: берёзы желтеют, осины яснеют,

становятся багряными. Лес ярусами возвышается: по прибрежным мхам желтовато-зелёные карлы-сосенки торчат, кривоствольные ёлочки, а по гривам и склонам Солгоры – всё больше ясно-жёлтые осиновые и берёзовые рощи ярусами, перемежающиеся густо-зелёными величественными островерхими пирамидами вековых елей, мачтовыми соснами с бронзовыми стволами и светло-зелёными, местами желтовато-золотистыми вершинами. С каждым днём лес становится разнотонным, пестровато-разноцветным. Словом, всюду живая игра красок веселит сердце усталого странника. Со стороны посмотреть на меня, облачённого в заплатанную лесную одежду, – мрачный бродяга, да, бродяга и есть, но в душе-то у него песня.

Разумеется, в моём лесном блокноте нет всех этих слов, которые я нагромоздил на листах бумаги, сидя за столом под яблоней в деревне, в блокноте только такие слова: «Трава полегает, лист опадает, ягода созревает...»

...На куске толстой берёзовой коры принёс жар с огнища, где чадит дневной костёр, развёл огонь в печурке изобки. Вечер прохладный, надо к ночи протопить печурку, просушить изобку. И что-то мне подсказывает, что надо рассказать о том, как устроили печь. Лесное убежище без очага – склеп, могила. Поначалу мы собирались из камней сложить печь. Непросто каменный свод выводить, однако нужда всему научит, а в Петровича я всегда верил. Было ведь и такое дело: он ГАЗ-66, грузовой везде-

ход перебрал, купленный во время крушения СССР. Мы, – питерские дачники, обосновавшиеся в деревне Курвошский Погост, – с энтузиазмом Петровичу помогали, – мыли детали в соляре и керосине, протирали их ветошью. Машин тогда у нас не было, крепко выручил «газон»: в деревню возили всякое барахло, вёдра, посуду, прочные тяжёлые шкафы, а из деревни, конечно, – лесные гостинцы, овощи, мешки с картошкой. Правду сказать, слишком много возни было с ремонтом, бензин же сей мастодонт пожирал в таком количестве, что мы им пользовались только два раза за сезон. Даже в складчину бензин дорого обходился и хозяину, и каждому участнику поездки. Петрович облегчённо вздохнул, когда наш грузовик угнали какие-то предпримчивые мигранты. Гаишники объяснили Петровичу, что этим делом промышляют кавказцы, а на Кавказе российские законы не действуют, и ему лучше смириться с потерей.

Не сомневался я, что Петрович найдёт решение, а всё-таки я гадал, получится ли у него каменная кладка. Но дело упростилось. Однажды он в своём подполье обнаружил короб из тонкой листовой стали советского производства, который он двадцать лет назад купил для деревни и забыл о нём. Такие короба изготавливались промышленностью для дачников и владельцев сельских жилищ, они встраивались в печи с дровяным отоплением, служили духовками. Но зачем духовка, когда в избе есть настоящая русская печь?

Сталь оказалась столь прочной и качественной, что за все эти годы почти совершенно не подверглась коррозии. «Сталинская сталь», – с удовлетворением заметил Петрович, осмотрев изделие с выбитой ценой и запихнув его в широкий ранец. Он специально изготовил ранец из прочной ткани для доставки бесценной духовки в избобку. И теперь я живу в лесу и радуюсь...

...На этот раз, по прибытии из деревни к Солгоре, стал участником небольшого происшествия. Отдыхая по своей привычке в конце трудного пути, присел на толстую валежную ель на краю жилого Солозерского бора и услышал какой-то шум, звон разбитого стекла. Вскочил, прислушался, убедился, что кто-то в избобке поселился. При этом же ещё и безобразничает, стаканы, посуду бьёт, которую мы сюда на своём горбу таскали. Бросился к избушке, и увидел самую обыкновенную белку, которая отчаянно билась в стекло, хотя дверь была приоткрыта, летом мы всегда её так оставляем ради проветривания избушки. Ещё минута промедления, и оконное стекло разлетится вдребезги, а это ведь невосполнимый убыток! Схватил рабочую куртку, осторожно накрыл ею зверушку. Белка, конечно, царапалась, кусалась, но не могла изодрать прочную ткань. Я вынес маленькую бунтовщицу из помещения, отпустил её на волю; она тут же метнулась вверх по стволу ели, исчезла среди ветвей, но при этом я слышал её злобное цоканье.

Мерзавка устроила настоящий погром: опрокинула бутылку с драгоценным авиационным керосином для светильника, разбросала сушёные грибы, подвешенные на жерди в рукаве изодравшейся в работе рубашки. На полу валялась и алюминиевая кастрюлька, в которой хранился рыбий жир. Немало времени затратил на вытопку жира из мелочёвки и потрошков. Опасались любителей «еврейской водки» (мы их ни разу не встретили на нашем урочище) – оказывается, есть пакостники и поближе, в бору живут.

И вечером хулиганила, когда я, протопив печурку, вышел в бор и, по своему обыкновению, присел с блокнотом под шатром ели, прислонившись к комлю. Я записывал в блокнот свои впечатления и наблюдения, вычислял переходы между просеками, озёрами и ручьями, а рыжая бестия швыряла в меня шишки. Я переместился вокруг ели, но шишки продолжали на меня падать... Может, она таким образом хотела общаться со мной?

Как мне кажется, я эту же белку видел на мшистом берегу озерка, в рощице низкорослых суковатых сосен. Перелетая с дерева на дерево, она спустилась на мох возле самого уреза, вскочила на длинную еловую жердь, которую я воткнул в мшистый берег для навешивания окунёвой жерлицы. Ловко пробравшись в самый конец жерди, она с любопытством глядела в воду. Верно, любовалась собственным отражением в воде или смотрела на живца, нарезавшего свои обычные круги почти у самой поверхности. Иногда она поворачи-

чивала голову в мою сторону и пристально смотрела на меня, стоявшего с удочкой. В ближайшем еловом бору она скрылась после того, как её атаковал кобчик.

Такие вот праздники и будни мои, труды и дни мои – на берегах необитаемых озёр, на лесных тропках... Гармония в природе, поэзия в душе.

V

ЖИВАЯ ЖИЗНЬ ПО НАРОДНОМУ КАЛЕНДАРЮ

(Лесная сюита-финал)

Май без запахов. Еремей Запрягальник

Вот и Еремей наступил, и я снова в лесу. В прошлом году на берегу Ясень-озера я был на Егория, а нынче только к Еремею успел. А ведь когда-то в конце апреля приходил сюда. С каждым годом всё позже у меня начинается рыбалка.

Чурбаки ночной ноды жаром дышат, и даже брёвна отражателя, сложенного из всякого древесного хлама, жарко тлеют, того и гляди вспыхнут, на котелок с водой поглядываю: нельзя допустить, чтобы горел отражатель, пожар мне не нужен. Тепла достаточно, но что-то не спится. Соловей не даёт спать, на ближайшей мочажине надывается. Что любопытно: на юге страны соловьи, можно сказать, домашние птицы, они в садах живут. А у меня на деревенском подворье соловья не услышишь, разве за околицей – в осиновых рощах Каменяг или на берегу Сеп-ручья в ольшаниках слышатся свирепые трели... Ну и в роще на погосте, живут соловьи. А тут, на щучьем Ясень-озере, а также и у Солгоры, соловьиные трели не умолкают до конца июня, иногда и в июле они слышны.

Странный нынче май: соловьиные трели в заснеженном лесу. В минувшую ночь завьюжило по-зимнему, проснулся – ели в снегу. Потому и не хожу на ночлег в изобку, мало удовольствия брести по снегу. Ещё и зимние сугробы не истаяли, и это замечательно – в большом сугробе возле шалаша у меня свежие щуки лежат.

Лист развернула только черёмуха, и только в Иваках. Зацветёт, верно, в конце мая. Да что черёмуха! Одна лишь ольха распушила свои жёлтые цветочные серёжки. (Между тем, согласно справочникам, – 9 мая самый поздний срок развёртывания листа. Вот и верь после этого справочникам да определителям!). Про берёзу и осину нынче и говорить не приходится.

Слушаю соловьёв, и в душе весна. И пусть его, что мало тепла и солнца в эти майские дни. И трели меня радуют, и сугроб, засыпанный древесным опадом, хвоей, из которого торчат щучьи хвосты. А две недели назад, когда я завершал свой отопительный сезон, жизнь казалась беспросветной. И совсем не потому что сутками приходилось сидеть в котельной – зарабатывал деньги на бензин, чтобы приехать в деревню. Настроение портили кучи мусора и грязи на Театральной площади, каких, верно, не было и в блокаду. Даже какие-то люди среди сугробов, валялись, никто их не подбирал. На звонки полицейские дамы стереотипно отвечали: «Ваша информация принята...»

Провидение подарило мне ещё одну весну, пусть и неприятную, холодную, почти без запахов, но –

весну! И надо радоваться этим весенним дням на берегу озера, наполненным шорохом волны и обломков ледяного крошева, плеском щук у берега или у жерличной жерди, воркотнёй лягушек, бормотанием тетеревов, чудесным отголосьем журавлиных криков. И не надо держать досаду на глупости и слабости людей, потерявших себя, уставших от непрекращающейся жестокой борьбы за кусок хлеба, за место под неласковым солнцем моей Родины...

Насыщайся лесными звуками, живи ритмами природы! Выдавливай из себя ожесточение, которое иногда переполняет душу в борьбе с тёмными силами, погубляющими наш народ – разделённый, пригнетённый силами враждебными; ожесточение, вызванное действиями врагов, агентами западной, потребительской цивилизации, пятой колонной, а иногда и словами и поступками просто неразумных людей.

...Минувшая ночь, пожалуй, была самой тёплой за эти дни, начиная с Егория. А между тем, я озяб. Накануне не пожалел сил, чтобы заменить живцов на жерлицах, поэтому для устройства костра осталось мало времени. Чурбаки толстые, но грели плохо. Что-то разучился делать костёр из двух чурбаков, которые бы горели ровно и жарко. Нодья едва тлела, не выделяя достаточно тепла в жилое пространство, приходилось вставать с хвойной подстилки, лёгкие тренировать, раздувать пламя. Вспоминал, как сладко спаслось в метельную ночь в начале мая. (Проснулся – все ели вокруг снегом засыпало). К

счастью чурбаки разгорелись, и под утро я крепко заснул. Встать, конечно, не хотелось, поэтому подбадривал себя словами: «Вернёшься в деревню, уж там выспишься на топчане у лежанки!»

Ну а сейчас в небе сияет острый серп молодика, и на воде блистает его ясное отражение. На озеро вытягивается дым костра.словно в прибрежном бору скрыто древнее славянское обиталище. Урёмный лес шумит, а вода тихая.

Народный календарь напоминает, что об эту пору, на Еремея, и ленивая соха в поле выезжает. А я на озере прохлаждаюсь. Сохи у меня нет, и не пахано в этом году, а надо под картофель борозды окучником нарезать. Но не могу же я вернуться в деревню с травянками, пусть их уже дюжина в сугробе; буду на озере сидеть, пока не поймаю хотя бы одну глубинную щуку.

Откуда-то приползла туча, начался дождь, небольшая такая тучка, а – дождь и как-то мглисто вокруг. Но под навесом шалаша я не знаю печали – на жарко тлеющих чурбаках чайник ласково поет, тепло, сухо, и одежда на мне сухая. И нет ни комара, ни оводов, ни страшного мокреца. Всё это, конечно, впереди, всё начнётся с Иванова дня, может, и раньше.

Май без запахов. Мавра Зелёные щи

Небо над бором светлеет, без четверти три, 16 мая, Мавра – зелёные щи.

За окном плюс пять, волоковое окошко изобки сечёт холодный ветер с дождём, стекло шлифует и крупа ледяная. Аппетитные ароматы заполнили все углы жилища – в чугунке под крышкой упревает окунёвая мелочь (не чищенная, не потрошённая, даже и с плавниками, но хорошо промытая, конечно); а в самой топке, из которой я выгреб жар, протвинь с крупными окунями. Все эти запахи упревающих в чугунке и поставленных на сушку окуней, перебивает запах ухи – томится на горячих камнях, которыми обложен короб печурки. Чудесный запах свежей весенней рыбы! В изобке жилым повеяло, совсем не то было два дня назад, когда я вошёл в жилище – промозглая затхлая сырость, мышами разило. Поэтому, протопив изобку, ушёл на Ясень-озеро, где и ночевал у нодьи.

Не уснуть сегодня, ни в одном глазу нет сна, наверное, надо похлебать ухи и отправляться на Ясень-озеро. Возможно, сегодня вернусь в деревню. Пора уж вернуться – схрон щуками забит, и ведёрко в ямке с водой, освежающейся родниками, доверху наполнено кусками пластанки – распластанной на куски, присоленной щуки. Пора, пора в деревню – зелёных щей из свежей крапивы и сняти похлебать. А то всё уха

да уха. Щука, между прочим, быстро приедается; добавляю окуней, сдабриваю уху потрошками (печень, желудок), а ем без аппетита. Всякая рыба приедается, рыбаки это знают. Да что там: даже кульчитай из сазаньих голов (что-то вроде бешбармака по-семиреченски, на русский рыбацкий лад) приедался на Кумузек в низовьях Чу! Помню, как братья ковыряли сладчайшие сазаньи головы. Ещё бы не приесться – каждый день рыба, два раза в день рыба, пусть и по-всякому приготовлена. И даже отличных вяленых язёй к концу рыбалки ели неохотно, только жирную вкусную тёшку (брюшко) выгрызали и снова вешали рыбацкую снедь на крюки под лопасиком. Доедали вяленую рыбу в телеге, возвращаясь на Карагильские разливы, на хутор. Езда степная, медленная, равнина кругом, только дальние барханы Муюнкумских песков на горизонте тянутся синей волнистой полосой. Сиди да грызи язя или песню пой да быка Борьку для порядка понукай, хоть голосом понукай, хоть кнутом – всё равно шагу не прибавит. Да хоть хвост ему крути – шагу не прибавит. Изрядный воз мог тащить без признаков усталости, даже и по сыпучему песку, а вот невозможно было заставить его прибавить ход даже и на твёрдом такыре... Короче говоря, знает, как ему тащить воз и дорогу на Карагильские разливы отлично знает.

Иногда на Кумузек гнали и дойную корову с телёнком (редко, но случалось), молочное питание вносило разнообразие. Утром парное молоко с тёплыми лепёшками, а к обеду вареники с творогом,

если кульчитай из голов сазаньих надоел. Чудесное молоко, пусть и с привкусом семиреченской полыни! Правду сказать, сметаной и свежими сливками даже и детей не баловали, и то и другое поглощалось ненасытной маслобойкой. Только сколотину, пахтанье, – творожную сыворотку, образующуюся после того, как собьётся масло, – можно было пить вволю. А хороша же сколотина в жару, не хуже домашнего кваса, и уж, конечно, и лучше, и полезнее того, что нынче продают нам под видом кваса; про пепси уж и разговора нет. Пишу эти строчки и вижу, как истаивает янтарный ком свежего масла среди горячих вареников в эмалированном тазике. Николай ворчит на жену: «Зачем всё сразу вывалила, как посмотришь на эту гору – исть не хочется». Но Марусе некогда возиться с мисками-тарелками на всю рыбацкую артель. Вареники – не уха, можно брать из артельного эмалированного тазика вилкой или ложкой. А руками нельзя – горячие.

Но всё это уж русский читатель нынешнего века, не представляющий вкус настоящего деревенского молока, пожалуй, и не поймёт. Разве можно верить тому, что указывают на упаковках с «молочными продуктами»? Даже и в селе Оште молодое поколение уже не знает вкуса натурального молока, откуда?! – пять-шесть бурёнок на сельскую округу. А когда-то было три тысячи коров, ясное дело – с колхозным стадом три тысячи.

Эх, теперь бы кульчитай! Да хотя бы вяленых язей. Или вареников из домашнего творога. Но чего нет,

того нет, и никогда не будет. Всё в минувшем, плата за право жить в *цивилизованном мире*. Может, скоро и шук не станет, говорят, появились свежие тески и деляночные столбы в лесу к западу от Ясень-озера. По лесным дорогам потянутся сюда джипы с электродочками и катерами, с ящиками «путиновки» или «еврейской водки».

...К вечеру распогодилось. Солнышко сияет как никогда по-весеннему. Противоположный берег Ясень-озера становится всё более живописным. Рыжевато-зелёные или фисташковых оттенков осинники чередуются с тёмно-зелёными елями. Весна завершается, грядёт *пролетье*, то есть перволетье, начало лета. Стало быть, впереди и глубинные шуки, и странствия по ягодным мхам и грибным березнякам.

Пролетье. Иванов день

С утренней труски вернулся в два пополудни. Две травянки и добрая щука на восемьдесят сантиметров длины. Обычно рыбаки прикидывают вес, а я вот измеряю длину своей добычи. Никогда не беру весы, ещё чего – лишние предметы пихать в рюкзак. Отчасти из рыбацкого суеверия не беру – взял безмен, а *комедят* (балуют) одни только травянки – щучки да шурята. Конфуз! Надо заметить, здешние щуки, в отличие от тех, которые водятся в соседних озёрах, – толстые, плотные, каждый сантиметр длины даёт значительную прибавку веса. Могу смело говорить Петровичу, что моя добыча на пять килограммов вытянет. Расковыряв золу, нашёл тлеющий уголёк, завернул его в бересту, положил растопку. И это я делаю не ради экономии спичек. Понятно, если разводишь огонь без спичек каждый день, – и в трудную минуту не оплошаешь. Поставил на затлевшиеся чурбаки чайник, сдвинул хвойную подстилку к костру, прилёг поближе к теплу, к чадящим чурбачкам – остаткам плота. Не поленился вытащить брёвна на берег в прошлом году, и труды не пошли прахом, чурбаки хранят тепло трудов моих, соль моего трудового пота.

И после обеда бодро гребу веслом. Откуда только силы взялись: после утренней «прогулки» по заводям навалилась было страшная усталость, даже уху

не хотел варить, просто не было сил что-либо стряпать. Думал, напьюсь чаю с сухарями, и ладно. Но заставил себя сварить уху. И прежнего изнурения, как не бывало, гребу в полную силу; а то положу весло, люблюсь берегами озера. Такое впечатление, будто плыву по большой сибирской реке: Ясень-озеро вытянутое, кривое, берега изрезаны, местами крутые, сплошь горой лес – берёзовые и осиновые рощи, еловые и сосновые боры.

Двадцать лет прихожу сюда, а не привыкнуть к первобытному виду Ясень-озера. В деревне читаю мемуары Фёдора Шаляпина, он восхищается талантом художника Поленова, обладавшего редким даром показать поэзию и величие библейской пустыни с Христом, отдыхающим на камне, приводившего в восторг любителя живописи уголком пруда с жёлтой кувшинкой. Гений русский оперы подметил, что природа в картинах художника всегда одухотворена: «Над его тихими озёрами веет дух божества...» Иногда и я ощущаю дух божества на Ясень-озере. И по этой причине тоже не указываю его точное местонахождение. Появятся на берегу озера «джипы» с катерами – божество покинет озеро.

Дни летнего солнцестояния. Гроза с градом

...Искупался, гляжу на мир сущий помолодевшими глазами. Начало первого, пора лежбище готовить к ночи. Но, вместо того, чтобы стелиться-укладываться, принялся пластать ножом рыбу. Дни тёплые, надо непременно пластать свежих щук; пластать, солить, плотно укладывать рыбу уже в котелок, поскольку ведро доверху заполнено.

...Ночи становятся всё короче, собственно ночей и нет, сумерки светлые, после захода солнца лишь на какие-то три-четыре часа в бору становится сумрачно, а вот на озере всегда светло. Приближается солнцеворот: солнце, гласит народная мудрость, поворачивает на зиму, а лето – на жару идёт. Только во втором часу ночи расстелил рибушины поверх лапника на лежбище.

Вечер нынче прохладный, и это меня радует. Ну а денёк же – выдался! Туча за тучей, гроза за грозой, ливни сменялись один за другим. Озеро кипело от сыпавшегося града. Дно «душегубки» за какие-то две-три минуты покрылось толстым слоем льдистых шариков. Я собирал град горстями, наполнял им ведёрко с живцами. Вода сразу же стала ледяной, окуньки и плотицы перестали кружить, выстроились в ряды, заснули. Град и у комаров прыти поубавил, до сих пор не оклемались. Иной комарик зудит, вьётся у лица, а сесть не смеет. Не то было до грозы,

даже у дымных чурбаков докучали комары и мошки. Да и оводы тоже. Намазывался реппелентом, но комары так злодействовали, что никакая мазь не помогала. Только костёр выручал, в который я подкладывал и смолевые сучья, и осинку, и сырую лесную подстилку. Глотал горький дым, можно сказать, наслаждался смолевым исчадием костра, в котором трещали еловые сучья, разбрасывая по сторонам огнеопасные искры. Потому-то и рад таким денькам, когда вода в озере освежается, насыщается кислородом, живцы в посудине отлично сохраняются, и всякому гнусу окорот.

Вчера случилась и неприятность: сук топлины, острый, как обрезок арматуры, днище лодки прободал. А эта лодочка основа моей жизни на Ясень-озере, где нынче и плота нет. Всё равно, что драккар* для древнего скандинава. Можно сколотить плот, но он в полной мере не заменит «душегубку», на которой я в считанные минуты пересекаю заводи озера. За час-полтора могу проверить все жерлицы, развешенные по озёрным заводям. Без «душегубки» мне тут нечего делать.

* – Драккар – боевое судно скандинавов эпохи норманнских завоеваний в Европе.

Дни летнего солнцестояния. Серебристые ели

Жизнь на лесном озере делает человека практичным, иногда слишком практичным, вытравливает из души поэзию, замечаю, как тупеет, восприятие природы становится грубым, обыденным.

Прежде, бывало, любовался елями с подсеребрённой хвоей, выделявшимися среди тёмно-зелёных масс прибрежных лесов. Но теперь, глядя на «серебристую» ель, знаю, что это всего лишь засыхающее дерево, что жить ему три-четыре года, и оно рухнет в озеро. И тогда мне придётся держаться подальше от того места, где упадёт ель, – и без того днище в латках. Ведь если сук торчит под водой в двадцати-тридцати метрах от берега, то его невозможно заметить. Не далее, как три дня назад напоролся на подводный сук...

В то же время знаю, что упавшая в воду ель будет и благом, поскольку хвойные лапы и сучья топлого дерева (ещё при этом тут же водяная растительность), – нет ничего лучшего для нереста плотвы и окуня. Сучья и лапник в дальнейшем станут убежищем для выклюнувшегося из икры малька. Стайки подросших окуньков (или плотвы) ещё долго будут тут обретаться – среди ветвей и хвойных лап, и они, конечно же, будут привлекать хищников – щук и крупных окуней, тут же, под стволом топляка, среди сучьёв, устраивающих засады, подстерегающих добычу.

Обследовав крутой берег выше этой ели, обнаружил множество мелких родничков, точащих влагу по всему моховому склону. Верный признак водяных жил. На что указывала и роскошная поросль папоротника, листья которого располагались пучками вокруг дернин, образуя что-то похожее на огромные малахитовые вазы. Даже постоял внутри «вазы». Наверное, в таких кущах и следует оставаться в Иванову ночь, чтобы увидеть или даже добыть цветок папоротника, зашить его под кожу, что позволит проникать в тайны человеческие, обнаруживать кладысхроны с драгоценностями. (Не верите? Читайте «Поэтические воззрения славян на природу» А. Афанасьева, раритет русской словесности, источник дивный!).

Где только ни странствовал, леса почти всего водосбора реки Ошты исходил, но таких папоротников не видел. Лесник Авдеев, у которого когда-то здесь был обход, говорил мне: «На той стороне озера страшная *папороть*. Да и всё твоё Ясень-озеро какое-то лешачье, дикое. Только бабьим летом, золотой осенью, бывает ясно на берегу Ясень-озера...». К сожалению, у меня нет фотоснимков *папороти*. И ни одной приличной фотографии даже и с глубоинной щукой в руках. Ну да ладно, мои хозяйюшки же довольны, радостью светятся, когда я выкладываю хвосты-головы больших щук. А вот читатель книги, может и не поверить изображению, и будет, пожалуй, по-своему прав: с помощью компьютера нынче можно сотворить какое угодно чудо.

Этот склон с мокрыми мхами и великолепными папоротниками (только ближе к берегу, на солнечной прогалине, где сыро, – заросли *рамжи*, душистой, медоточивой таволожки) наводит меня на мысль, что и в глубине озёрной бьют донные ключи. И наверняка и жарким днём щуки будут подплывать к стволу огромного топлого дерева, здесь они найдут не только укрытие для своих засад, но также будут освежаться чистыми донными ключами и бодро охотиться даже в жаркий июльский полдень. *Так мужик сам себе думает*, но что там, в глубине на самом деле происходит?

И как только ель упадёт в озеро, превратится в огромный топляк, навечно заякорившийся, вонзившийся сучьями в прибрежный вязкий грунт, пожалуй, я найду место, чтобы воткнуть здесь в дно длинную гибкую жердь и навесить на крепкий, упругий кончик её жерлицу. Жду день и час, когда эта прибрежная ель с бородами мха на сучьях, осеребрённая паутиной и сединой высохшего лапника, с шумом рухнет в озеро...

Словом, прежде я был праздным созерцателем, а теперь у меня выработался грубый практицизм, что помогает мне перемогаться в лесу. К примеру, стараюсь примечать стволы елей, повреждённых при падении соседних деревьев; на этих стволах всегда есть натёки серы (еловой смолы), потребной для разведения огня в ненастье, для быстрого разгорания ночной нодьи. А также – и для приготовления снадобья, пригодного для лечения трещин, ран и даже наружных язв, как утверждают Авдеев.

Калинов день. Неурочный ток глухариный

...Часы и мгновения, когда словно исчезают границы, разъединяющие тебя с природой!

Вчера вечером, тихо подплыв на «душегубке» к мыску с кустом калины, с единственным кустом на всём побережье Ясень-озера, я увидел, что ловецкая жердь дрожит (при этом шнур струной натянут в глубину, и лишь временами он ослабевал), а совсем близко, на расстоянии удилища, увидел ещё и великолепного петуха (глухаря) на толстой валежной ели. Рядом с ним сидела копылуха-глухарка; заметив меня, она сразу же с лопотом поднялась и скрылась в бору. Петух же не проявлял ни малейшего беспокойства.

Я протянул руку, ухватился за ловецкую жердь, глубоко всаженную в илистое дно. Но, вместо того, чтобы вытащить щуку, дёргавшую шнур (и не трудно было догадаться, что не травянка) я крепко держался за жердь, не позволяя «душегубке» перемещаться в ту или иную сторону, наблюдал за петухом. А тот, словно желая доставить мне удовольствие, раскрыл великолепный иссиня-чёрный веер хвоста, *похаживал* (сказал бы Авдеев) по валежине туда-сюда с приопущенными крыльями, похожими на огромные раковины. И даже какое-то время смотрел прямо на меня, омертвевшего в «душегубке».

Вроде как токовал. Хотя и мне, питерскому обывателю, известно, что глухариный ток бывает ран-

ней весной. Терзаемый инстинктом и привычками рыбака, я любовался петухом во всём его великолепии – заносчиво вздёрнутая голова, алые серёжки и гребень, не уступающие по яркости рдеющим в лучах заходящего солнца кистям созревающей калины. Правда, *точенье*, то есть глухариную песню, миллион лет или более того звучащую на нашей планете, я, по правде говоря, не слышал. Ну а щука, что ж... Глубинных щук я поймал немало на своём веку, а вот такое чудо природы, – глухаря! – да ещё так близко, удилицем можно дотянуться – вряд ли когда-либо увижу...

Впоследствии Авдеев, объяснил мне, что у молодых тетеревов и глухарей бывает ложный ток. На вопрос, отчего глухарь не взлетел, он же меня хорошо видел, Авдеев объяснил: «Петух молодой, может, он и человека никогда не видел. И со стороны заводи глухарю нет никакой угрозы. Да ты же, говоришь, неподвижно сидел, значит, он тебя в твоей «душегубке», и за человека не посчитал, может, ты для него был неодушевлённым плавающим предметом, вроде топляка...»

А щуку вытащил, когда петух спокойно спустился по стволу на прибрежный мох и так же не спеша, величественно удалился в бор, исчез там, среди подлеска и кочек в бору, поросших брусникой и черникой. Добыча оказалась и в самом деле приличной, глубинной щукой, я вынужден был брать её «за глаза». Подробно не буду об этом рассказывать, не хочу смущать цивилизованного читателя, воспитанного в

духе соблюдения прав всякой земной твари... А то ещё привлекут к судебной ответственности по статье «Жестокое обращение с животными». Сейчас всё может быть, – и собачьи права надо соблюдать, и подзатыльник нельзя дать наркоману, изрыгающему матерную брань или пьяному недорослю, брызгающему из алкогольного рожка на одежду соседей в метро или в трамвае... Скажу коротко: применил приём, вследствие чего щука на несколько секунд потеряла способность к сопротивлению. Правда, здесь тоже не следует терять время. Вялость и апатия вследствие шока и опьянения кислородом, у больших глубинных щук проходят быстро. А сила такая, что удерживать добычу приходится не только руками, но и ногами, зажав эту озёрную акулу между коленями. Оттого-то так сидишь в «душегубке» в страшном напряжении и ждёшь, когда тебя ветром прижмёт к берегу.

Даже и сейчас, когда я пишу эти строчки (именно пишу – медленно вожу шариковым пером по бумаге, а не хлопаю по клавишам ноутбука, правда, потом и до клавишей доходит), почти физически ощущаю, как щука, словно мощная пружина, раздвигает сомкнутые колени.

По озеру, августовской ночью

Глухая тёмная ночь, небо с вечера сплошь тучами затянуло, очертания берегов не различить. Истинно разбойничья ночь, в небе светит одна-единственная звёздочка, в воде пульсирует её отражение. Старуюсь плыть по светлой воде, то есть там, где не лежит тень лесистого берега. Но зачем, спрашивается, плыть в глухую ночь? Но вот плыву, и не ради простого удовольствия. Жерличники не любят праздные прогулки на лодках или на плотках. Считается, что ставные снасти надо проверять хотя бы каждые четыре часа, в таком случае уменьшается вероятность схода добычи с крюка. Ну да много чего надо делать так, а делаешь иначе...

Целый день «лопатил» озёрные заводы, и вот – уже и ночь прихватил, позвоночник ноет, гузно одеревенело, онемело, а в кошеле ни одной щуки! В августе поймать щуку не просто. Однако же без добычи не возвращаюсь в деревню и в августе, причём иногда приличные экземпляры попадают на крюк, два дня назад измерил – сто пять сантиметров! А вес точно не могу сказать, безмена нет, торговлей и товарным обменом не занимаюсь, всё же думаю, на шесть-семь килограмм потянет.

Правлю на звезду над зубцами прибрежного леса, тёмным утёсом встающего над заводью, посматриваю на её отражение в воде, своего рода, маячный

створ, указывающий мне нужное направление. Мрак, не сразу поймёшь, куда плыть, вот и держу направление на звёздочку, а, между тем, посматриваю влево, в сторону жилого берега, где-то там, в бору – тлеют чурбаки. Ага, блеснул огонёк, и уже хорошо вижу отблески огня на гладкой коре огромной прибрежной осины. Несмотря на тьму кромешную, стан мой теперь хорошо виден, поскольку я оставил чадящие головни, вернее сказать, стволы валежного леса. Шалаш, обтянутый плёнкой, закреплённой на жердях, – словно громадный ребристый маячный фонарь. Огонь тлеющих головней просвечивает кроветельную плёнку, и свет костра, подобно маячному, расходится по всему прибрежному пространству. И также, как маячный огонь, то вдруг ярко светит, то погасает почти совершенно.

Удивительно быстро летит время на берегу лесного озера! Не успеешь повернуться-оглядеться – час прошёл. Сел в «душегубку» в четыре пополудни, думал за три часа управиться с вечерней проверкой снастей, обновлением живцов, а возвращаешься затемно. Именно по этой причине я не всегда к ночи возвращаюсь в избобку у Солгоры, остаюсь ночевать на берегу Ясень-озера.

Припозднишься – и заночуешь. К тому же и тропа трущобная, местами мокрые корбы, мочажины, и днём по такой тропе не разгонишься, а что же говорить про августовские сумерки. «В теми ночной тати бродят», – говорит Авдеев. А всё-таки избобка, которую мы поставили с Петровичем, пусть и на некото-

ром удалении от Ясень-озера, позволяет мне лучше укорениться в лесу. Можно даже и так сказать: моя жизнь в лесу, на берегу озера, ныне приобрела некоторые черты оседлости.

На Ясень-озере можно жить, не помышляя об устройстве даже бревенчатой берлоги (стана в три-четыре бревна), и уж, конечно, никогда мне в голову не приходило построить здесь избушку, только этого ещё тут не хватало. Но без шалашика здесь и сутки невозможно продержаться. Берега лесного озера – это вам не «Остров Сокровищ» и не райский Остров Отчаяния.

Два о полуночи, а я ещё только постель готовлю, вретисцем застилаю свежую, не слежавшуюся хвою. Да надо хоть что-то записать в блокнот. Просто факты записать, пригодится. Эпизоды жизни на озере – кирпичики быта, из которых потом и складывается, своего рода, наука выживания в лесу. Есть мелочи, которые забываются, в то время как их следует всегда помнить. Например, жерличник, втыкая новую ловецкую жердь, должен убедиться, что рядом нет свежих бобровых ходов, что *зверь* не строит в прибрежной чащобе хатку. Понятно же – бобр распугивает шук; а, кроме того, может скусить свежую жердь листовенной породы. Но почему – «может»? Случалось! Что-то опять я принялся морочить голову читателя рыбацкими подробностями...

Нодья медленно разгорается, и хорошо разгорается. Даже и тёплой светлой июльской ночью ложусь с огнём и дымом, в противном случае комары даже

и минуту не дадут вздремнуть. Да и зябко, если на земле лежишь без огня, в наших северных лесах всегда сыро и зябко.

Древние наши предки-славяне, жившие по берегам озёр и рек, «огонь неугасающий з' дубового древия непрестанно паляху» (так свидетельствуют памятники древнерусской словесности). Вот и я тоже – «огонь неугасающий паляху», только не «з' дубового древия» складываю ночную нодью. Где взять? – в этих краях дубов во веки веков не бывало, даже и яшень не растёт на берегах Яшень-озера! Ночной костёр складываю из сосновой сушины; ну а днём – что под руку подвернётся.

Осенины

И вот уже и осенины подкралась – с дождями и сиверами! Каждый день дождь, по три-четыре раза на дню дождь! Еще осины шумят зелёной листвой, а всё же – осенины, две угоды теперь лесовику: вода холодна да ночь длинна. Разувшись, вешаю на концы торчащих жердей кровли мокрую одежду и сапоги.

Согреваю ступни у огня, натягиваю запасные шерстяные носки, они обычно всё лето висят под кровлей шалаша, случается, и на зиму здесь остаются; словно бы отвердевшие, пропитанные дымом и копотью, они похожи на копчёных лещей. Согрел ступни у огня, натянул носки – и уже уходить не хочется, даже подумываю, не остаться ли ещё на одну ночь. Никогда не спешу возвращаться в деревню, такое у меня обыкновение: скажу, пошёл на три дня, а живу на озере, сколько захочется. Или сколько позволяют условия хранения рыбы.

В блокноте отмечено (на жерди у костра провеивается, а как же – если бумага воглая, то и слова не записать), что на озеро я пришёл 28 августа, а сегодня второе сентября, начало осенин. Шестой день в лесу, а еды взял с собой на три дня! Конечно, рыбные схроны забиты свежими щуками и солёной пластанкой, так ведь одной рыбой сыт не будешь. В запасе на этот час и день осталась горсть сухарей да сухарная крошка. Чай пью с сухариками, а пакет с

крошкой положил в рюкзак – хлебный припас на обратную дорогу.

Продовольственные запасы у меня есть: и сухари упакованы в схроне, и две пачки соли, и килограмм рожков, и песок сахарный, и даже банка консервов. Часть этого изобилия, по причине продолжительного хранения, следовало бы израсходовать. Но не могу тратить время, в день возвращения дорога каждая минута. Не тяни резину, коль решил идти! На вскрытие же схрона и последующей упаковки продовольствия и маскировки его, много времени теряется. Нет уж, как-нибудь обойдусь сухарной крошкой, в деревню же возвращаюсь. Ну и проповедь владыки Иоанна во время поста вспоминаю: «Дорогие мои! От хлеба и воды ещё никто не умер...»

«Возможно, ты и вчера хорошо трудился, наверное, в очередной раз живцов до полуночи менял в ущерб ночному отдыху, каков же улов?» – слышу тебя, читатель. А такой вот: изрядный «лапоть», окунь средней величины, и тонкая прогонистая травянка. Авдеев считает, что травянки никогда не вырастают, не становятся глубинными щуками. Гоняются за мальками, за мелочью травяной, прожигают свою жизнь на мелководье среди растительности, где летом не хватает кислорода, потом и сами оказываются в пасти более удачливых сородичей, наведывающихся на мелкое побережье из глубины. Итак, только две жерлицы с уловом, шнуры остальных снастей даже не распущены. Что удивительно: окунь подцепился на крюк самоловки, на которую я в после-

днее время поглядывал очень даже неприязненно: шнур жерлицы в эти дни ни разу не был распущен. Хотел даже перенести жердь на другое место, да всё как-то времени не хватало. А вот и с уловом оказалась снасть...

Сегодня небо сплошь в тучах, никакого просвета, впрочем, закат вчера и не обещал хорошей погоды, тоску нагонял зловеще-багряными полосами. Удивительно ли, что при такой погоде хорошего клёва нет.

Что это?! По кровле шалаша дождь барабанит. Как водится: приходит время рюкзак собирать, тут и дождь зарядит. Редко когда возвращаюсь сухой тропой. А не сахарный, ещё не было случая, чтобы дождь повлиял на ход ноги. Не ливень же, не гроза.

Прощальные дни осенние. В изобке трущобной

Днём было пасмурно, а ночью вызвездило. Выходил из убежища, разглядывал небо, на котором ясно выделялись Большой квадрат и ковш Большой Медведицы. Звёзды отражались в спокойной тёмной воде безымянного озёрка у Солгоры. Было необычно тихо, даже листья осин не дрожали. Посмотрел на термометр, прикреплённый к срубам – ниже нуля.

Чудесно, что ещё есть такая земная роскошь – выйти ночью из лесного убежища на плотный мох заболоченного сосняка, разглядывать звёзды, вспоминать далёкую семиреченскую степь. Как будто, такие же звёзды, только кругом степь, тьмой обьятая, и по степи громыхает наша телега, на этот раз запряжённая конём. Тепло укрытый кожухом, оморенный степным дыханием, насыщенным полынью и семиреченской солодкой, я засыпаю. А, проснувшись, вижу скопища мерцающих звёзд. И тишина, особенная тишина, степная – то есть отовсюду доносятся печальные трели сверчков, иногда шумное фырканье коня слышно, выдувающего из травы кузнечиков и сверчков, щекочущих ему ноздри. Ни одного силуэта вокруг, только мрак и сонмища чудно мерцающих звёзд. И Большой квадрат, конечно. Я тогда только Большой квадрат и различал среди звёзд, очаровывающих, даже и тоску нагоняющих непонятным, душу ребёнка тревожащим холодным

небесным мигающим свечением. Конечно, я не знал настоящее название этого созвездия, даже, наверное, и слова такого не знал – «квадрат». Но твёрдо верил, что из светящегося небесного окошка на грешных людей строго взирают ангелы, о чём мне рассказывал отец, научивший видеть это созвездие. Ещё он мне показывал «Утиное гнездо» с золотыми яйцами (Плеяды, конечно, известное и под названием Волосожары), а также и степных разбойников-аргынов, всю ночь подкрадывающихся к двум иноходцам. Сюжет народной фантазии, объединившей Большую Медведицу и Малую в одно, хорошо известное уральским и семиреченским казакам «разбойничье» созвездие. Сколько бы я ни всматривался в звёздные скопления, никаких иноходцев и аргынов я не видел, моё детское восприятие не способно было к условным обозначениям на бумаге, на песке бархана или вот – в ночном небе. По этой причине и арифметика в школе долгое время не давалась. А вот яркие угловые звёзды «Небесного окна», так меня впечатлявшего, из которого на меня поглядывали ангелы, я различал хорошо; разумеется, ангелов (как и аргынов), я не видел тоже, – не каждому дано видеть ангелов, кто же этого не знает...

Вот ведь как: в детстве с братьями и родителями приходилось скитаться, и нынче, когда уже почти пенсионер, не лежит на лежанке деревенской избы... Уюта нет, покоя нет – власть природы!

Вернувшись в избобку, затеплил жировичок (фитильную коптилку на рыбьем жиру), открыл дверцу

печурки. Любуюсь побежалостями малиново-красных углей. Пора бы уж на боковую, а вот жду, когда совсем исчезнут фиолетовые угарные язычки, чтобы потом выйти наружу и закрыть трубу, то есть нахлобучить на верх трубы прохуdivшуюся алюминиевую миску, к которой проволокой прикреплена жердь. Трубу надо обязательно закрывать, а то получится, как в прошлый раз: протопил печурку, камни были горячие, а трубу не закрыл. Всё тепло скоро вытянуло. Под утро изрядно продрог, пришлось даже разводить огонь, запихивать в топку не расколотый осиновый чурбак. Согрелся, конечно, но время потерял, не выспался. В лесу надо всё как следует делать, если не хочешь осложнений и всяких заморочек, и без того жизнь отчаянная...

А не засиделся ли в изобке?! Надо скоро иди на Ясень-озеро, быстро проверить и снять жерлицы да возвращаться домой, в деревню. Мог бы, конечно, и вчера вернуться, в родниковом омуте стоит ведро с пластанкой, но надо и свежей рыбы принести. Жена обещала пельменей налепить и котлет нажарить, если принесу подходящую для этого щуку. При этом напутствовала: «Не убивайся на рыбалке – не гоняйся за большими щуками...» Но если *не убиваться*, то и пучеглазых костистых окуньков не наловишь на Ясень-озере. Сплошь вдоль берега стеной лес и теплые деревья, блесну некуда метать... И слава богу, что так – одни только топляки в заводях у берега, и нет никакой дороги сюда, только «тропа» – редкие тески на осинках да на берёзках.

Уха уже готова, томится на погасающих углях костерка возле шалаша, крытого еловой корой (рядом с избой), и я в эти короткие минуты праздности могу любоваться осенними красками бора, разноцветьем ягодных мхов, поросших криворослым сосняком. Последние в этом году деньки в лесу!

Прощальные дни осенние. Облака, небесный бой

Утром был густой туман – даже Большой остров не просматривался, туман не клубился, не плавал клочьями над водой, озеро не парило, не свивались по заводям жгуты выше деревьев, как это бывает – просто был как молоко. Лишь по мере того, как поднималось солнце, чуть розовел, наконец, из молочно-розовой мглы стали выступать желтовато-зелёные вершины островных сосен.

А сейчас по небу низко ползут облака, похожие на прозрачные клубы дыма. Леса по склонам речной Оштинской долины тёмно-зелёные, осинники и березняки не вызолотились, даже не тронуты желтизной. Только кое-где лиственные рощи порыжели. А здесь, на берегах Ясень-озера, среди островерхих тёмных елей яснеют осины – местами оранжево-золотистые, а то и с багрянцем. Тут и там проглядывают красноватые узоры рябиновой листвы. (Однако же, нынче без ягоды рябина!). Только ели как-то позимнему черны. А вот летом прибрежные леса не столь живописны, не могут быть живописны однообразно тёмно-зелёные уступы леса.

На стеблях пожелтевшей осоки у берега капли сверкают, слепят, фокусируя лучи солнца. Да известно ли тебе, читатель, что капли росы – не что иное, как слёзы богини Лады? Согласимся с тем, что мироощущение человека Руси изначальной, Руси юной,

было наполнено чистой поэзией, искренним, детским чувством.

Прояснилось, это так, но по-прежнему прохладно, сивер тянет. На просеке много сырой опавшей листвы – и жёлтая, и зелёная, но больше бурой. Над преющей листвой клубится мошка, даже комары летают. Но теперь они безвредны. Порывы ветра, конечно, срывают листву, но в воздухе мелькают лишь отдельные листья.

А по небу всюду, как и прежде, облака, уже совсем не прозрачные, – сплошь массивного вида тучи клубятся, громоздятся, пронзаемые, живописно освещаемые солнечными лучами. Кладу весло перед собой, люблюсь этими движущимися, громоздящимися облаками – простор для фантазии, рериховский *небесный бой**. Мне по душе такие тучи-облака, поскольку всегда помню, что меняется освещение не только на берегу озера, но также и в глубинах озёрных, вызывающее бодрость и подвижность у его обитателей. Для такого закоренелого жерличника, как я, важнее всего это переменное освещение в глубине, которое выводит из дремотного оцепенения даже сытую щуку, и она начинает интересоваться рыбёшкой, снующей перед её зоркими глазами. Понятно же – *так мужик сам себе думает*, а что там на самом деле?... Ясень-озеро – не Уолден в штате Массачусетс, на берегу которого два года и два месяца счастливо и беззаботно жил Генри Торо, пыт-

* – Здесь имеется в виду русский живописец Н.К. Рерих (1874–1947), а также его полотно «Небесный бой».

ливый созерцатель природы. Он мог, свесив голову с борта лодки, часами смотреть в прозрачную воду, наблюдать за рыбёшками на глубине в девять-десять метров. Судя по описаниям Торо, вода в озере была изумительной чистоты. «В короне Конкорда – алмаз чистой воды», – сообщает нам Торо. Значит, что-то вроде маленького Байкала. О моём озере такого не скажешь. Но по мне – нет ничего лучше Ясень-озера. Только бы вездеходные «джипы» не проторили сюда дорогу.

Может, где-то уже бабье лето кончается, а на берегах Ясень-озера, оно, вроде как ещё и не начиналось... Хотя по календарю – сентябрь, начало бабьего лета, Семёнов день три дня назад был.

Со вчерашнего дня не доставал блокнот. (И как это Пришвину удавалось что-то записывать в лесу? Или он вовсе ничего не записывал, полагаясь на память?). У меня же время сгорает в рыбацких хлопотах, в бытовщине. Чего стоит только заготовка топлива, иногда воз дров расходуется за сутки, и днём костёр постоянно тлеет, если, конечно, нет ураганного ветра. О ночной ноде в описаниях краеведов и путешественников (а также и в моих очерках) сказано много, а вот и дневной костёр тоже надо уметь устраивать не абы как. И, прежде всего, конечно, думаешь о том, чтобы пожар не устроить. По всей России нынче леса горят, даже и потомки вепсов уже не могут толком безопасно обустроить огнище (костровое место), что же говорить про мигрантов-лесорубов...

Нынче я для устройства дневного костра использую надломленную ветром и рухнувшую рядом с шалашом осину, а также остатки авдеевского плота; ещё в прошлом году разрубил его и брёвнами вывелок на берег. Меня этот плот выручает, ещё как выручает. Между прочим, берег южной заводи состоит из плотов, которые за все минувшие столетия сколачивали редкие посетители озера. Сколько бы плот, потерявший потребную человеку плавучесть, и потому оставленный за ненадобностью, ни странствовал по озеру, гонимый ветрами, он, в конце концов, окажется в южной заводи, где и заякорится, прикрепится к берегу корнями ивняка и травяной растительности. Эти прибудные плоты замшились, местами поросли рахитичными берёзками, кривобокими ёлочками, и уже беглым взглядом не отличить матерый берег от древесного. Нигде, кроме как в южной заводи, плоты не образуют древесную твердь, покрытую мхом, поросшую болотными растениями. Хотя вообще-то беспризорные плоты попадают на глаза в любой части Ясень-озера, за исключением, разумеется, тех мест, где каменистый грунт не позволяет прикрепиться корнями растений.

Однако же стволы преловатых валежин и остатки плотов горят и жарко тлеют только в том случае, если в костёр подкладывать сухие жерди – еловые, а ещё лучше – сосновые. Жердовья много в моём распоряжении, в любом небранном бору есть жердовья. Да чего только нет в бору, здесь всякое довольствие человеку – и сушины прямостоячие для костра (или

для плота), и деловая (товарная) древесина, и жердовё, конечно, всегда необходимое в рыбацком хозяйстве. Ну и – грибы-ягоды. Словом, всё, что нужно и человеку, и всякому живому существу; не забудем также: боры – места обитания краснокнижной (борово́й!) птицы, разнообразных охраняемых животных. Чудо природы – хвойные боры превращаем в целлюлозу, в бумажную массу, в газеты, наполненные ложью, злобой к русскому человеку, пропагандирующие невежество, мракобесие, обскурантизм, в издания, рекламирующие всякого рода лекарей-шарлатанов, сомнительные или даже вредные для здоровья человека «лекарства». Значительная часть этой макулатуры затем выбрасывается в окружающую среду, засоряет Планету. «Тошно читать всё это, что-то было подобное, повторяется автор!», – взвонит мне в ответ эстетствующий либерал. Да! Было, говорил, и ещё скажу! Потому что невозможно молчать – в России исчезают последние первобытные боры!

И тут я позволю себе напомнить, что ещё в XIX веке Сергей Тимофеевич Аксаков, писатель с нежной русской душой, предупреждал: «Мы богаты лесом, но богатство вводит нас в мотовство, а с ним недалеко до бедности; срубить дерево без всякой причины у нас ничего не значит...».

Уже шесть вечера, а сижу у шалаша возле перевёрнутой «душегубки». Хотел сразу же после ухи отправиться в озеро, но случилась неприятность – опять наскочил на топляк, пропорол днище. Проко-

лы обнаружались когда я среди коряг и топляков сражался с глубинной щукой, пытаюсь втащить её в лодку. Вода точила, как в роднике вокруг рыбного схрона, то и дело вычерпывал воду консервной банкой. Не знаю, получится ли сегодня наловить живцов – починка лодки не простое дело, и дни укоротились, и ночи тёмные, в семь сумерки в бору. А надо, надо к ночи развесить по заводям жерлицы-самоловки. Вот говорят: «самоловки»... Э-э-э! Сколько хлопот с этими самоловками, прежде чем подцепишь глубинную щуку. Да что там: просто приличную щуку попробуй выудить! И труд каторжный – вот уж где действительно – галеры!– иногда по шесть часов к ряду мотаешься по озеру из конца в конец, поскольку жерлицы широко расставлены по заводям Ясень-озера.

Прощальные дни осенние. Равноденствие

...Проснулся с ощущением, что хорошо выспался. Во всяком случае, легко встал, скинув одежду, с удовольствием умываюсь возле причальной «крокодилины». Не всегда после сна хочется удалиться от костра. Особенно, если утро хмурое и солнце не показывается, как вот сейчас. В бору какой-то особенный жёлтый сумрак.

Вчера вечером вернулся без улова, но доволен, успел всюду заменить живцов. Увлёкся ужением и не заметил, как ночь наступила, удилицем махал, пока ещё различался на воде поплавок. Плотвы и окуней никогда не бывает много, о запасе вяленой и сушёной рыбы надо думать. У зимы зубы длинные, всё подберёт... На работу даже и в котельную не берут, поскольку скоро на пенсию. Хотя и пятый разряд машиниста котельной (а высший – шестой), и стаж приличный. Зачем брать человека с советским прошлым, с неудобными для нашего времени представлениями о справедливости, когда город наполнен молодыми мигрантами, притом же отлично сплочёнными, хорошо организованными, – и в драках, и в криминале, готовых, однако, безропотно выполнять все трудовые условия босса. И трудовая книжка подпорчена, записано: «специальность – журналист», указано, что работал редактором изданий, даже благодарность записана в трудовую – «за организацию

работы редакции «Возрождение России»...». Нет, умники с такими трудовыми документами работодателю нынче не нужны, мигранты предпочтительнее. Приходится совершенствовать приёмы выживания, строить шалаши и даже изобки; да, будет пенсия, но – какая? Впрочем, кто знает? – может, кому и пригодиться мой опыт. Куда ни повернись – американские базы! Даже в Манасе! Да вот ещё Украина, Новороссия... Мог ли такое представить мой отец, поражавший броневой пулей немецкие танки под Сталинградом: Манас, – это ведь наше родное Семиречье! Уже появились в Интернете видео с ясно выраженными идеями Сопротивления, защиты Отечества. Один такой видеоматериал, хотя и без слов, впечатляет музыкой и видеорядом. И название подходящее – «Шумит сурово Русский лес»...

В минувшую ночь костёр получился жаркий, приходилось вставать, снимать свитер. По укоренившейся лесной привычке, ложусь тепло одетый. Это на случай, если чурбаки будут коптеть, долго разгораться или вовсе погаснут, такое тоже случается. Лучше снять куртку или свитер, если станет жарко, чем околевать от холода, когда костёр чуть тлеет, и нет никаких сил, чтобы поправить чурбаки. Топлива же у меня в запасе достаточно, – и толстые чурбаки, и смолевые кругляши. Есть изобка, но не хочется тратить время на переход: туда и обратно около двух часов по трущобистому лесу. А дни короткие! Но и под открытым небом выспался, хотя спал часов пять, не больше.

Прилетала сова, истошно кричала, как-то по-кошачьи, весь бор переполошила. Дружок (авдеевский *кабысдох*) только недоумённо вертел головой. В Оште мне рассказывали, что припозднившиеся в лесу суевверные жители деревень Шимозерья (нынче исчезнувших), услышав голос совы, осеняли себя крестным знамением и спешили в деревню, полагая, что это над ними леший издевается. Да ещё бы не спешить! С криком совы в лесу наступает такой мрак, что и бывалому лесовику становится не по себе.

...Жилой бор пронизан лимонно-жёлтыми лучами осеннего утреннего солнца, тут и там, словно камни, чернеют чадящие головни. На этих остатках ночного костра и приготовил завтрак: вскипятил чай, испёк в толстом слое горячей золы последние три картофелины... Вот так и встретил 22 сентября, очередной день осеннего равноденствия, праздник скитальцев и странствующих.

Равноденствие, но дни и ночи, можно сказать, тёплые, совсем не то было летом, ночи в наших краях и в июле бывают очень даже прохладными. На Ясьне-озере редко на ночь оставался, всё больше в изобке ночевал.

А по небу сплошь тучи, солнце лишь на минуту показывается, и всё реже открывается, день помрачается совершенно. А лучше, чтобы и тучи клубились, были в движении, и чтобы солнышко проглядывало.

Не спеша гребу в дальний, западный конец озера, внимательно осматривая жерлицы, подвешенные на

ловецкие колья или к ветвям наклонённых к воде берёз. Дни вроде бы тёплые, а вода студёная, металлическое весло руки так холодит, что уже пальцы онемели, жалею, что не прихватил с собой костровые рукавицы, – даже и в мокрых рукавицах пальцы не так зябнут.

Догоняю упруго выгнутое пёрышко на воде – словно парус ялика, напряженный осенним ветром, а на уме уже думка о том, как свёртывать стан до следующей весны. В этом году не приду на озеро. Довольно скитаться, всех щук не выудишь.

...Вернувшись уже в сумерках к шалашу, к поистине священному огню (к едва тлеющим чурбакам – остаткам плота), подкладываю сосновые жерди. Ради лучшего освещения жилого пространства добавляю в огонь и толстые куски берёзовой коры, что позволяет мне обрабатывать рыбу – чистить, пластать и солить давешних щук. А свежих, сегодня пойманных щук, укладываю в родник. Ну, не в воду, конечно, укладываю, не дай бог, вода вредна потрошёной рыбе. Весь улов, который я намерен принести в деревню в свежем виде, храню внутри замшелого трухлявого пня, со временем превратившегося в огромную моховую кочку, а по канавкам вокруг неё журчит родниковая водичка.

Так и встречаю праздник осенней природы – в прощании с Ясень-озером. Да, прощаюсь, друзья, поскольку все мы, как говорится, под богом ходим, неизвестно, вернусь ли сюда в мае следующего года...

И как всё изменилось за минувшие дни! Тут и там берега украшают прибрежные осины в ало-багряном

наряде, сверкает ржавчато-золотой листвою берёзы. Но не всё вокруг осенним огнём горит, некоторые осины ещё шумят зелёной листвою. Вчера на воде было много палой листвы, а сегодня вода чистая, ветром сдуло к берегу листву, и она мало-помалу оседает на дно. Что же касается ясеней, то здесь они никогда не росли. Знатоки русской природы утверждают, что севернее Петербурга-Ленинграда встретить это дерево невозможно. Только осины светлым-светло *яснеют*, листвою блистают среди тёмно-зелёных, почти чёрных елей и рудых сосен. Название своё озеро, вероятно, получило вследствие созвучия и сродства слов: *осень (есень) – осина – ясень – ясно*. В погожие дни бабьего лета в прибрежных осинниках, перемежающихся берёзами, всегда ясно, звучно, ярко. *Истинный ясень!* – мог воскликнуть человек, впервые оказавшийся здесь золотой осенью. (В деревне Курвошский Погост я не однажды слышал от Веры Степановны, хранительницы русской народной речи: «Весной ветер дует из темени, осенью дует из *ясени*»). На Руси, – вообще в славянском мире, – ясень, наряду с дубом, считался священным деревом. Впрочем, и осину тоже славянские народы в древние века наделяли разными мифическими свойствами. Поэтическое народное предание, занесённое в литературные памятники, доносит до нас и такой факт. Добрыня, дядя киевского князя Владимира, повесил убитого змея на *осину*, приговаривая: «Сушися ты, змей Гориничище на той осине кляпяя (ско-собоченной – А.С.)»).

Финал

Усталость страшная, изнурение предельное. Сидел на чурбаке у костра и выронил котелок. Да хорошо – не с едой, с ополосками котелок, как раз собирался мыть его перед возвращением в деревню. Удивительно ли: дни и ночи у костра, под открытым небом, и за всё время только один раз варил уху. Целый день «лопатишь» по заводям озера, а вечером таскаешь стволы сушин, распиливаешь их, подтёсываешь, подготавливая чурбаки для костра. Так устал, что вчера не мог грести в полную силу. Раздражительность появилась: то очки не могу найти, то коробка с крюками куда-то запропастилась. Ладно – свидетелей этому нет.

Дождь не перестаёт, холодный дождь, сивер ни жет, впрочем, обычная об эту пору осеннего равенденствия погода. Вот сивер, а под кровлей шалаша тепло, сухо, рай лесной, хорошее настроение вернулось. Смогу ли я в будущем году вот так, как теперь, ночевать под открытым небом, плавать по заводям, челноком мотаясь от одной жерличной жерди к другой, поймаю ли глубинную шуку-утятницу, смогу ли жить, как сейчас, – встречая рассвет на Ясень-озере, любуясь вечерней зарёй из окна избки у Солгоры...

Встречу ли давешнюю медведицу на тропе, на переходе с Солгоры на Ясень-озеро, увижу ли пару лебедей, летящих так низко надо мной, что, казалось, могу веслом до них дотянуться... И сядет ли журавль на крышу моей деревенской избы, как это случилось

ясным майским днём. Представляете, – журавль! (Хозяин избы в это время находился возле бани, орудовал конопаткой – запихивал в щели между брёвнами мох). Долго сидел на коньке, перебирая клювом перья, пока его не позвала сделавшая круг над избой журавлиха. Наконец, исполнятся ли мои литературные планы и мечты? В последние два-три года всё чаще сажусь за стол с бумагой разве для того, чтобы написать статью и отправить её в патристическую газету или на сайт «Русского Лада», сочинить слёзное письмо губернатору области с просьбой сберечь Большой Талый ручей, не рубить лес у истоков его, пощадить лесные массивы в местах водосбора рек Ошты и Ронги. Что такое нынешнее «лесопокрытое пространство», – спрашиваю самодовольного либерал-интеллекта, наслаждающегося всевозможными рыночными свободами, – в котором нет места глухарю, медведю, вальдшнепу? Это оргán, из которого вынули механизм, воспроизводящий музыкальные звуки... Наверное, я слишком близко принимаю к сердцу высечку лесов, оттого и наполнены яростью некоторые страницы повести. И, похоже, напрасные хлопоты – эти письма прокурорам, губернаторам, премьерам и президентам. Ибо теперь не только Москва слезам и просьбам не верит, но и самый заурядный чиновник из губернаторской рати презирает тебя, – писаку, нищebroда. Время такое: вместо правды – кулак и деньги.

Усталость томит, а в душе умиротворение. Лохматая туча наползёт на озеро, дождь сыпанёт как

дробью по заводи, а то вдруг солнце выглянет, озарит всё вокруг, и прибрежные хвойные боры и лиственные рощи, продуваемые порывами ветра, сверкают, блистают мокрой хвоей и по-осеннему пёстрой листвой. Я и радуюсь такой перемене, в такие минуты я вообще чувствую прилив сил, какую-то физическую бодрость, воодушевленность. И тут ещё вдруг внезапное чудо – белоснежные лебеди, мощно гребущие крыльями; они проплывают так низко, что я ощущаю движение воздуха, и хорошо вижу и клювы морковного цвета, и сверкающие бусинки глаз.

Конечно, и семиреченскую степь вспомнишь в короткие часы лесного досуга, как же без этого, а то и вовсе немыслимое: прерии Монтаны, по которым странствуют тысячные стада бизонов, преследуемые охотниками из племени кри или кроу. Представляю то, что никогда не видел и не могу увидеть, но что, благодаря достижениям цивилизации, крепко отложилось в памяти, будто всё это вижу своими глазами: стадо бизонов начинающих свой круговой разбег, обнажённых охотников на лошадях с луками, с длинноствольными ружьями, выцеливающих жирных коров. Наверное, картины из повестей и очерков американских писателей минувших веков наложились на рассказы моих старших братьев, верхом на лошадях охотившихся на диких кабанов в низовьях реки Чу, – ещё в те времена, когда чуйские протоки и озёра на закате солнца наполнялись плеском сазанов и язей, а поёмные степи в полдень расслаб-

ляли путника терпкими запахами солодки и камфарной полыни, и когда в камышовых крепях, в непролазных тугайных чащобах укрывались гурты кабанов.

Цивилизация – великое достижение в развитии человека и общества. Несомненное благо. Могут ли отрицать русскую литературу – ярчайшее проявление духовности и гуманизма на планете? Но есть и очевидные минусы цивилизационных процессов. Что, например, внедрили в общины тех же кри, кроу, сиу, «братья по разуму», «цивилизаторы» из Европы? Разрушение общин, ложь, обман, равнодушие к соплеменникам, заразные болезни, эпидемии, пьянство, и всё это под лицемерно-ханжеские проповеднические завывания иудео-протестантских миссионеров о любви к ближнему. И самое главное – у индейцев отняли леса, прерии, реки, ручьи, озёра. Без надобности истребили зверей и птиц – бизонов, странствующего голубя, бобров... Наконец, отняли их родную речь, общинные обычаи и законы. Нечто подобное вот уже более двадцати лет происходит в России, в бывших республиках СССР, и тоже как раз при усердном воздействии стран *цивилизованного мира*. Уничтожение заводов и колхозов с особыми, пусть не вполне рыночными (однако же – человеческими) трудовыми отношениями, разрушение семьи с традиционными, национальными основаниями. Уродуют родную речь, русскую литературу. Средства массовой информации внедряют совершенно чудовищный лексикон. Газетные полосы кишат чёрны-

ми филологических червями: *хай-тек-шопинг-фридайвинг-краудфандинг...* Ужасной эпидемии подобна страсть к *чужесловию* и *чужеречию*. Хотя русский язык богат, любому современному понятию найдётся соответствующее слово в русском языке. Нет, *краудфандинг* краше... И уже иные учёные мужи бубнят (пока, правда, тихонечко) о необходимости перевода русского языка на латиницу, поскольку кириллица, де, не отвечает современным потребностям международного сообщества, а главное – евростандарта, потребительского рынка... Но это там, – в Москве и Питере, в больших городах; но и то, что я вижу здесь, на Вытегорщине и по соседству, в Ленинградской области – лишает сна и спокойствия. И не одни только воровские вырубки тому причина. Например, в селе Оште местный предприниматель (ну, не сам хозяин, а сторож) не разрешает и близко подойти вепсу или русскому мужику с ведром к источнику с кипящими ключами. Я говорил по этому поводу с главой Вытегорской (районной) администрации, и тот мне ответил: «Инвестор вложил, затратился на обустройство источника, здание построил, освещает, а потом и подкрашивает воду, теперь родник его собственность...» К сожалению, и местные жители смирились с очевидным безобразием: «А ништо, пока есть где воду брать, колонка рядом. Ржавчинка, ил в трубах, ещё при советской власти колхозники закопали трубы, а ништо, пить можно, всяко лучше вода, чем в речке, куда водили «Онегалеспрома» сливают отработ...».

Ранее было сказано, что в прошлом я работал корреспондентом, был составителем литературного сборника в издательстве «Лениздат». Но провидению угодно, чтобы я укоренился в деревне, торил и чистил лесные тропы. («Шатун, совок, нищеврод, а что-то о себе мнит», – читаю в глазах чиновника, едва не проговаривающего вслух эти слова, когда веду с ним душевный разговор о судьбе Урозерского глухаринного бора, о верховых болотах и талых ручьях).

Природа во всех её проявлениях, – с яркими звучными красками осеней на берегах Ясень-озера, и с промозглыми здвиженскими рядами, – вот моя юдоль, моё прибежище. Конечно, и родное русское слово ещё, как же без него. Странствуя лесными тропами, обирая кузовком ягодные кочки, плавая по Ясень-озеру на «душегубке», я стремился обрести гармонию с природой.

Собираю рюкзак, последняя в этом году ноша. Два-три дня, и я снова стану цивилизованным вавилоняном, временным жителем громадного мегаполиса.

Ведро с пластанкой упаковал, обложил его запасной одеждой, чтобы оно не завалилось набок. При условии, если сам я не завалюсь на тропе, а такое случилось. Год назад со всего маха грянул о землю, да не на твёрдое упал, к счастью, *лицом в грязь ударил*, даже очки отпечатались на влажном мягком грунте. А то была бы физия, как у итальянского премьера Берлускони после встречи с народом... Всякое случается на тропе, когда за плечами дикая ноша.

Дело за свежей рыбой, но прежде чем отправиться к схрону среди родников и канавок, чтобы там уложить шук и окуней в кошель с папоротником и мхом, присаживаюсь на чурбак с кружкой чая. В пути редко грею чай, ручьевой водой умеренно утоляю жажду. А больше ягодой утоляюсь, – черникой, брусникой, клюквой, – что попадет на тропе. Или кисть рябины сорву, на ходу жую, и с большим удовольствием, между прочим.

Наконец, снимаю с кровли плёнку, аккуратно укладываю её под ель, присыпаю сверху хвоей, листвой, ещё и сучьев набросал.

Увижу ли тебя, Ясень-озеро, в мае следующего года? И как жить, если врачи (или Авдеев с Петровичем) скажут, что нет мне дороги на лесные пажити заповедные?

Содержание

Лесная лирическая повесть Анатолия Стерликова. <i>М. Швец</i> ..	4
I	9
Книга природы, книга скитаний. (Вместо пролога)	9
Ловцы рыбные – люди гиблые. (Страницы далёкого)	14
Живу в лесу, а снятся цветы песчаной пустыни... ..	26
II	33
ТРУДЫ И ПРАЗДНИКИ В ЛЕСУ	33
Петунья Грязь	33
Звезда богородичная	48
Поход в сочельник рождественский	61
III	81
ИСТОЧНИКИ МЕСТНОЧТИМЫЕ	81
Иордань в Рысельге. Зимнее солнцестояние	81
Праздник сладкой печали	93
Иордань на Большом Талом ручье	109
Сердце Палого мха	127
Родник в Ивках	135
IV	141
РИТМЫ ЛЕСНЫЕ	141
Тропы роковые, затеси в пехнях	141
Предприимчивые хлопотуны	153
Под игом ночей в пехнях	169
Мёртвый зацеп	189
<i>Клюнула утятница</i>	189
<i>Хлопоты рыбацкие</i>	199
<i>И стал я подобен Ахаву</i>	211
<i>Байдарка? «Душегубка»? Просто – лодка!</i>	217
Убежище лесное строим.	
(Дневник основателей живого урочища)	222
<i>Начало работы в матёром бору</i>	222
<i>Капкан!</i>	234
<i>Настоящее русское зимовье!</i>	242
<i>И труды, и праздники в лесу</i>	251

<i>В гармонии с природой, с песней в душе</i>	256
V	263
ЖИВАЯ ЖИЗНЬ ПО НАРОДНОМУ КАЛЕНДАРЮ	
(Лесная сюита-финал)	263
Май без запахов. Еремей Запрягальник	263
Май без запахов. Мавра Зелёные щи	267
Пролетье. Иванов день	271
Дни летнего солнцестояния. Гроза с градом	273
Дни летнего солнцестояния. Серебристые ели	275
Калинов день. Неурочный ток глухариный	278
По озеру, августовской ночью	281
Осенины	285
Прощальные дни осенние. В изобке трущобной	288
Прощальные дни осенние. Облака, небесный бой	292
Прощальные дни осенние. Равноденствие	298
Финал	303

Литературно-художественное издание

Анатолий Егорович Стерликов
ПОД ИГОМ ОСЕННИХ НОЧЕЙ
(ЗАПИСКИ ЛЕСНОГО СКИТАЛЬЦА)

Лирическая повесть-эссе

ISBN 978-5-91918-549-9

Редактор *Максим Швец*
Художественный редактор *Марина Ясыченко*

Подписано в печать 21.01.2015. Формат 70 × 100 1/32.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,64. Тираж 200 экз.

Заказ № 008Р.

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 40.

Тел./факс (812) 766-05-66

E-mail: renome@comlink.spb.ru

www.renomespb.ru